

Elise Kimerling Wirtschafter

Structures
of **S**ociety

*Imperial Russia's
«People of Various Ranks»*

NORTHERN
ILLINOIS
UNIVERSITY PRESS

DeKalb

1994

Элис К. Виртшафтер

**Социальные структуры:
разночинцы в Российской
империи**

*Перевод с английского
Т.П. Вечериной*

Под редакцией А.Б. Каменского

Москва • «Логос» • 2002

УДК 94(47)
ББК 63.3-28
В 52

*Данное издание выпущено при поддержке
Института «Открытое общество» (Фонд Сороса) – Россия*

Элис К. Виртшафтер

В52 Социальные структуры: разночинцы в Российской империи/Пер. с англ. Т.П. Вечериной; Под ред. А.Б. Каменского. – М.: Логос, 2002. – 272 с.

ISBN 5-94010-134-8

Освещаются результаты историко-социологического исследования феномена разночинцев в императорской России XVIII–XIX веков. Рассматриваются различные историографические подходы к понятию «разночинцы», анализируются правовая трактовка этой социальной категории и государственная политика по отношению к людям разных чинов. Прослеживается происхождение разночинцев, характеризуются общественные воззрения на эту социальную группу, представления об интеллигенции, обсуждаются проблемы среднего класса и «потерянной буржуазии». На основе полученных данных ставится под сомнение традиционная трактовка социальной структуры крепостнической России как жесткой, скованной неподвижными сословными отношениями и предлагается кардинально иной образ, а именно: историческая панорама общества стихийного развития и множественности структур с изменяющимися и неопределенными границами.

Для ученых и специалистов в области истории и социологии. Может использоваться в учебном процессе со студентами и магистрантами высших учебных заведений при изучении отечественной истории. Представляет интерес для широких кругов читателей.

ББК 63.3-28

ISBN 5-94010-134-8

© 1994 by Northern Illinois University Press,
DeKalb, Illinois 60115

С разрешения Департамента прессы
Университета Северного Иллинойса

© «Логос», 2002

Оглавление

От редактора	7
Предисловие	12
Глава 1. Историкография и проблематика исследования	21
Глава 2. Правовые рамки	41
Применение и значение	43
Налогообложение и подчинение административным ведомствам	47
Производственное развитие и определение правовых границ	52
Проблемы социального определения	63
Глава 3. Административное применение категории разночинцев и их происхождение	68
Социальная регистрация и границы социальных групп	70
Определения в статистике девятнадцатого века	81
Церковные определения	89
Глава 4. Государственное строительство, экономическое развитие и возникновение разночинцев	102
Социальные последствия военной службы	102
Социальные границы дворянства	109
Растяжимые оковы крепостничества	119
Социальная текучесть и стихийное экономическое развитие	129
Глава 5. Социальные представления	140
Разночинцы как чужаки	140
Уложенная комиссия (1767 г.)	142
Разночинцы как лица без прав дворянства	146

Разночинцы как социальная среда	151
Чужие как свои	160
Глава 6. Самоопределение и идентичность	170
Правовое самоопределение	171
Интеллигенция как культурное самоопределение	180
«Отсутствовал» ли в России средний класс?	190
Заключение	206
Примечания	214
Избранная библиография	253
Список сокращений	269
Приложение	270

От редактора

Читатель, которому книга профессора Калифорнийского технологического университета в Помоне Элис Виртшафтер «Социальные структуры: разночинцы в Российской империи» попадет в руки случайно и который лишь бегло ее пролистает, вероятно, подумает, что она посвящена чрезвычайно узкой, а потому малоинтересной проблеме. Другой читатель, возможно, привлеченный знакомым словом «разночинцы», будет разочарован, не найдя в книге ничего о быте и нравах тех длинноволосых юношей в студенческих тужурках, с которыми это слово обычно ассоциируется. И тот и другой будут не правы. В действительности книга посвящена важнейшей, можно сказать, ключевой проблеме русской истории, без которой она, собственно, и не может быть до конца понята. И более того, по этой ключевой проблеме книга Виртшафтер в корне меняет устоявшиеся и в историографии, и в общественном сознании представления и заставляет во многом по-новому взглянуть на историческое прошлое и настоящее России.

Всякий неспециалист, изучавший историю России по школьным учебникам советского времени, представляет себе социальную структуру русского общества дореволюционного периода как нечто весьма ясное и понятное. С возникновением имущественного неравенства начинают формироваться классы: сперва феодалов и зависимых от них крестьян, затем дворянства, крестьян и горожан – будущей буржуазии и, наконец, пролетариата. Границы между этими классами прочерчены четко, а сами они абсолютно непроницаемы. Правда, при этом у пытливого школьника мог возникнуть вопрос: к какому классу отнести, например, духовенство, о котором учебники умалчивали. Да к тому же иногда на страницах мелькало слово «сословие», но как оно соотносится с классом, обычно не объяснялось. Человек, решавший продолжить свое историческое образование в вузе, узнавал, что, оказывается, сословия предшествовали классам, которые на самом деле

возникают лишь при капитализме, а в переходное от феодализма к капитализму время существует некое соединение того и другого — «класс-сословие». Если же студент избирал своей специальностью средневековую Русь, то выяснялось, что тогдашнее население страны делилось на многочисленные «чины Московского государства», уложить которые в прокрустово ложе марксистской схемы удавалось лишь при наличии определенного воображения. Оказывалось также, что и границы между отдельными социальными группами, даже в послепетровское время, были вовсе не столь уж закрытыми. И дело не только в том, что «Табель о рангах» 1722 г. официально позволяла выслужить дворянство на законных основаниях. В специальной литературе обращалось, в частности, внимание на «одворянивание» буржуазии и даже «обуржуазивание» дворянства, на длительность и неравномерность процесса формирования социальной терминологии, вследствие которой даже и в конце XVIII в. широко употреблялись названия чинов, восходящие еще к допетровскому времени.

С отказом от марксистской парадигмы исторического познания как единственной и универсальной отечественные историки все более стали осознавать, что закрепившиеся в нашей историографии представления о социальной структуре русского дореволюционного общества, мягко говоря, не точны и не адекватны и что именно непроясненность многих связанных с ней вопросов мешает пониманию важнейших социокультурных процессов прошлого. Более того, особенности социальной структуры и взаимодействия различных социальных групп Российской империи оказали свое влияние на революционные события начала XX в. и продолжали сказываться и тогда, когда общество считалось «бесклассовым».

Отказавшись от употребления понятия «классы» (во всяком случае в их марксистском значении), многие историки ныне ставят под сомнение и существование в допетровской России полноценных сословий, законодательное оформление которых, по их мнению, происходит лишь в XVIII в.; но и тогда этот процесс, по сути, завершился лишь для дворянства, создав тем самым определенный структурный дисбаланс. В то время как власть, руководствуясь прежде всего фискальными соображениями, стремилась жестко закрепить каждого своего подданного за определенной социальной группой и тем определить его обязанности по отношению к государству, а временами сознательно (как при Екатерине II) занималась конструированием сословий, реальная жизнь сопротивлялась этим усилиям, и в результате до конца реализовать свои задачи власти так и не удалось. В своей книге Э.Вирт-

шафтер стремится доказать, что вопреки утвердившимся представлениям общество дореволюционной России было гораздо менее структурированным, а его социальные группы гораздо более взаимопроницаемыми. В русском обществе постоянно находилось относительно большое число лиц, определяемых как «люди разных чинов» и составлявших разнообразные маргинальные и промежуточные группы, игравшие при этом важную роль как в экономической, так и в политической жизни. Причем по мере укрепления институтов власти и развития законодательной основы общества эти группы не только не исчезали, но появлялись вновь и вновь, а понятие «разночинец» в разных контекстах приобретало различные новые значения. По мнению автора книги, и это один из основных ее выводов, усилия власти по прочерчиванию четких границ между отдельными социальными стратами, направленные на удовлетворение прежде всего фискальных интересов государства, постоянно приходили в противоречие как с реалиями хозяйственного развития страны, так и с интересами самого государства в иных сферах. По сути дела, речь идет об имеющем принципиальное значение для всей истории послепетровской России несоответствии статуса государства его ресурсам. Однако постоянно подчеркиваемая автором книги мысль о том, что фрагментированность структуры русского общества и подвижность социальных границ носили традиционный характер и восходили к временам Московской Руси, приводит к пониманию того, что, несмотря на казалось бы весьма основательную изученность особенностей социального развития России XV–XVII вв., мы до сих пор до конца не имеем ответа на вопрос, почему это развитие шло именно таким образом.

Отсюда и еще один вопрос. На первый взгляд может показаться, что вывод Э.Виртшафтер о противоречии между политикой государства и социально-экономическими процессами возвращает нас как раз к марксистскому пониманию, ибо получается, что политические институты и навязываемые ими обществу архаичные социальные структуры тормозили экономическое развитие страны. Однако на деле все значительно сложнее. Если социальная пестрота русского общества имперского периода была прямым следствием фрагментированности общества допетровского времени, того факта, что сословия в нем сложиться не успели и его структура далеко не соответствовала «классической» феодальной модели, то, соответственно, мы вправе спросить: правомерно ли вообще описывать экономические процессы в России рассматриваемого в книге времени в рамках этой терминологии?

Еще одна ключевая для книги Э. Виртшафтер тема – социальная мобильность населения – тема, давно ставшая традиционной для зарубежной науки, но также недостаточно исследованная на русском материале. Между тем, именно изучение процессов социальной мобильности дает возможность увидеть, как в действительности функционировали закрепленные в законе социальные структуры и как они взаимодействовали между собой. Приводимые в книге данные свидетельствуют о том, что, опять же вопреки традиционным представлениям и вразрез с интересами власти, уровень социальной мобильности в дореформенной России был относительно высок. Так же высок, как показано в данном исследовании, был и уровень географической мобильности населения. Причем важно, что автор даже не обсуждает эту проблему в контексте «классовой борьбы» или «антифеодалного протеста», как это было принято в советской историографии, а связывает ее в первую очередь с экономической активностью.

Все эти наблюдения автора «Социальных структур...» в свою очередь дают дополнительный материал к также широко обсуждаемому в настоящее время вопросу о пределах самодержавной власти и ее характере. Темы социальной и географической мобильности – это в значительной мере темы социологии, и само исследование Виртшафтер – не чисто историческое, но историко-социологическое. И с этой точки зрения оно также представляет большой интерес для российского читателя, поскольку подобного рода работ в отечественной литературе пока немного.

Наконец, нельзя не отметить и то, что в данной книге читателю предложен если не принципиально новый, то, во всяком случае, уточняющий взгляд на историю русской интеллигенции как особого социокультурного явления. От этой проблемы Э. Виртшафтер протягивает нить и к революционным событиям XX в., внося тем самым свой вклад в понимание феномена русской революции.

Вполне очевидно, что далеко не все выводы и наблюдения автора книги «Социальные структуры...» носят бесспорный характер и далеко не все они будут непременно приняты специалистами. Но тем более можно надеяться, что эта книга стимулирует обсуждение поставленных в ней вопросов и дальнейшие исследования в этой области.

Стоит также отметить, что российскому читателю может показаться несколько непривычным стиль книги и ее построение, в частности то, что автор нередко возвращается к одним и тем же сюжетам и повторяет одни и те же идеи. Помимо особенностей авторского стиля, это связано и с определенной академической

традицией, которая предполагает, что каждая глава монографии может быть прочитана как самостоятельное законченное исследование.

Книга Э.Виртшафтер содержит немало специальной терминологии как исторического, так и социологического характера. В сочетании с чрезвычайно «плотным» текстом это создает определенные трудности при переводе на русский язык. Редактор и переводчик выражают признательность О.Е.Кошелевой, взявшей на себя труд рецензента текста перевода, внимательно прочитавшей его в рукописи и сделавшей немало ценных замечаний и предложений по его усовершенствованию.

А.Б. Каменский

*Посвящается моим родителям
с надеждой на то,
что мы сможем преодолеть
горечь воспоминаний
о прискорбных событиях
29–30 апреля 1992 года
и дети Лос-Анжелеса и Бирмингема
будут жить в мире
без расовой вражды*

Предисловие

Традиционно Россию эпохи крепостничества воспринимают как общество с жесткими, неподвижными и иерархичными словными отношениями. В данной работе вниманию читателей предлагается другой образ России, основанный на изучении истории социального и политического языка (Begriffsgeschichte) – общества стихийного развития и множественности структур с изменяющимися и неопределенными границами. Объектом исследования в этой книге является феномен «разночинцев», т.е. «людей разных чинов» или «людей различного происхождения». Понятие «разночинцы» распространяется на целый ряд промежуточных групп как вне, так и внутри социальной структуры, которая в формальных рамках имперского общества периода 1649–1861 гг. и в меньшей степени до 1917 г. основывалась на юридически определенных сословиях. Разночинцы находились на стыке основных сословий (дворянства, духовенства, горожан и крестьян) или частично перекрывали их, как правило, оставаясь «чужаками», т.е. не представляя какую-то определенную группу или общину. Границы этой социальной категории необычайно подвижны, и при конкретном использовании этот термин мог быть отнесен практически к любой группе общества, включая дворянство, горожан и крестьянство.

Несмотря на подвижность, имелся все-таки некоторый минимальный уровень стабильности данной социальной категории, которая казалась, с одной стороны, достаточно широкой, а с другой – вполне определенной группой. Социальные подгруппы, которые учитывались как разночинцы, включали в себя отстав-

ных солдат; низших государственных служащих, специалистов и ремесленников, находящихся вне «Табели о рангах»; детей личных дворян; образованных людей недворянского происхождения, а также целый ряд прото- или полупрофессионалов; представителей религиозных неправославных меньшинств и однодворцев. В данной работе мы не пытаемся, да и вряд ли это возможно, дать единое определение разночинцам, которое последовательно можно было бы применить к любому хронологическому периоду. Как будет показано в последующих главах, у этой социальной группы нет единого, общепринятого определения. Поэтому представляется намного важнее не задаваться вопросом о том, кто такие были разночинцы вообще, ответ на который предполагает соотнесение с неким установленным слоем или сословием, а рассмотреть, что представляла собой эта группа (каков был ее состав в определенное время, в определенном месте), и узнать, что говорят нам разные образы разночинцев о русском обществе и его культуре, в частности о динамике в определении социальных категорий и о формировании социально-культурных идентичностей.

Феномен разночинцев затрагивает широкий круг проблем, в том числе очень сложную проблему определения групповых идентичностей. Каждый исследователь, изучающий русскую историю, прекрасно знает о многочисленных формальных и неформальных классификациях, которые использовали власть и общество для определения положения отдельных лиц, сообществ и более широких социальных групп. Оставим в стороне множество чинов Московской Руси (некоторые из них прекратили свое существование в XVIII в.). С правления Петра Великого самые общие юридические признаки формального положения предписывали и сферу занятий, и налоги, и служебные обязанности при учете социальной группы или сословия (состояния), чина, звания, должности, титула, ученой степени или технического образования, экономических привилегий. Неформальные элементы социального положения учитывали экономическую (классовую), профессиональную или образовательную дифференциацию внутри формальных групп, намеренные или ненамеренные нарушения правовых границ и сохраняющееся значение семейных связей независимо от чина, должности или благосостояния. Поскольку все перекрывающие друг друга черты социальных категорий были выявлены, определять формальные и неформальные признаки социального положения стало достаточно сложно. В своей государственной политике власти постоянно стремились установить соответствие между формальными составляющими социального положения, но не-

четкость определений и существование неформальных (зачастую незаконных) отношений служили помехой упорядочению. Поэтому при изучении и законодательных актов, и архивных документов необходимо отличать правовые определения от реальных общественных явлений.

В феномене разночинцев с очевидностью отразилась более широкая проблема точного соответствия людей определенным социальным группам. В связи с законодательным оформлением крепостного права в середине XVII в., с развитием податной системы, а также с введением обязанности служить в правление Петра I сложилась основная схема формирования социальных категорий, которая сохранилась нетронутой вплоть до эпохи великих реформ Александра II. Петр требовал службы от всех групп общества, но, кроме того, он определил эти обязательства с точки зрения основного социального деления, введя разграничение между непривилегированными – теми, кто платил подушную подать, – и привилегированными – теми, кто ее не платил. Это на вид простое деление оказалось чрезвычайно сложно провести в жизнь. Только в конце XVIII в. наконец-то было точно установлено, какие группы в обществе избавлены от уплаты подушной подати (дворянство, духовенство, купечество, служащие, с чином или без оного, военные и государственные служащие низших званий). И все же, для того чтобы провести в жизнь это разграничение, учитывая сопутствующие ему признаки, чиновники были вынуждены записывать всех без исключения людей, общины или сословия в юридически определенную отдельную социальную категорию.

Именно огромное число традиционных чинов в Московском государстве столь осложняло чиновникам определение формального статуса человека. С начала XVIII в. и до освобождения крестьян в 1861 г. само существование правового понятия «разночинцы» демонстрировало полный провал процесса их интеграции в другие социальные категории империи. В поисках кадров с высшим и средним образованием правительство постоянно заново определяло уже существующие социальные группы и создавало новые – практика, которая вела к умножению формальных и неформальных социальных состояний, напоминая своей фрагментарностью старинные чины Московского государства. Вместо любой подгруппы, которая уже была успешно установлена законом, могла возникнуть новая группа: формально, как следствие технических и экономических потребностей растущего чиновничества и армии, или неформально, как следствие естественного общественного развития. Помимо этого имелась большая группа людей, пользу-

ющихся свободой передвижения: беглые, рабочие, мелкие торговцы и предприниматели уклонялись от регистрации вообще, покидали с требуемыми документами или без оных отведенные им места проживания и нередко стремились изменить свое формальное положение законными или незаконными средствами.

Даже основные социальные категории (дворянство, духовенство, городские «граждане» и крестьяне) включали в себя множество юридически обусловленных социальных состояний, и поэтому разграничить их было нелегко. Несмотря на то что формальные социальные категории различались благодаря характерным для них правам и обязанностям, собственно сами их определения, а также границы, отделяющие одну категорию от другой, оставались размытыми и изменчивыми. Формальное положение во многих случаях устанавливалось субъективно и было весьма спорно. Непризнанные претензии на дворянство и постоянное незаконного закрепощения свидетельствовали о том, что неясность определений (более заметная на среднем уровне общества) являлась характерной чертой всей русской социальной структуры. Подвижность правовых дефиниций при отсутствии какого-либо понятия, связанного с умалением дворянского достоинства, высветила значимость неформальных отношений. Погоня за выгодой и борьба за выживание вели к частым нарушениям закона и, таким образом, подрывали устои формального деления общества. Законные и незаконные экономические отношения давали возможность людям всех категорий, включая крепостных, постоянно преодолевать социальные границы. Важно также и то, что отсутствие строгих определений, структур и границ между ними скрыто подрывало стабильность социального статуса, что оказывало влияние на все группы, за исключением тех, которые занимали вершину социальной пирамиды. В этом смысле имперская Россия представляла собой общество, в котором подавляющее число людей могло в разных ситуациях рассматриваться как разночинцы.

Данная работа началась с ознакомления с терминологией, а именно употребления и значений категории «разночинцы» в контексте более общей проблемы — социальной дифференциации. После тщательного изучения исторических источников (законодательных, управленческих, делопроизводственных, а также по экономике и культуре), данных по истории экономики и культуры, связанных с этой проблематикой, она переросла в рассмотрение изменений, лежащих в основе социальной дифференциации, и в определение социальных границ в Российской империи.

Анализ взаимосвязи категории «разночинцы» с другими социальными терминами и с более широкими моделями исторического развития показал, что социальное положение и в формальном, и в неформальном измерениях в своей основе было неопределенным и изменчивым. Как только это было установлено, появилась необходимость пересмотреть традиционные представления о социальной структуре империи.

Особое внимание к проблеме размытости границ и подвижности социальных определений в русском обществе вовсе не противоречит имеющимся данным и современным исследованиям в области отдельных социальных образований. Более того, такое внимание оправдано тем, что социально-экономические структуры и отношения, проявляющиеся как сословная субкультура или классовая идентичность, когда они рассматриваются с точки зрения одной и при этом определяемой социальной категории, состояния или группы, могут существенно отличаться от изучения с точки зрения множества социальных категорий. Это происходит благодаря смещению перспективы – с изучения одной категории на множество непрерывно изменяющихся промежуточных категорий.

Представленная концепция опирается на большое число разнообразных источников: законодательных, архивных, литературных, мемуарных и публицистических. В первой главе для того, чтобы выявить историографические подходы к понятию «разночинцы» и определить основные проблемы, связанные с этим явлением, я обращаюсь к имеющейся историографической традиции. Во второй главе на основе описания правовых характеристик разночинцев анализируются оформление социальных понятий и изменения в государственной политике. При этом особое внимание уделяется вопросам, связанным с появлением и изменением правовых определений в ответ на нужды государства, общественного восприятия и социально-экономического развития. В третьей главе рассматривается бюрократическое использование правовых формул с выходом на общую проблему – определение социальных групп. В ней также прослеживается происхождение разночинцев по данным первой и второй ревизий, а также государственной статистики конца XVIII–первой половины XIX в. В четвертой главе обсуждается появление новых групп разночинцев в процессе государственного строительства и социально-экономического развития. В пятой главе внимание к источникам, связанным с развитием группы разночинцев, перемещается на источники, содержащие сведения о социальных и культурных последствиях такого развития и его смысле. В них – художественных произведениях,

мемуарах и публицистике – отражается общественный взгляд на разночинцев. В шестой главе анализируются модели правового и социально-культурного самоопределения, а также представления об интеллигенции, проблемы «потерянной буржуазии» и появление образованных профессионалов. Благодаря установленной взаимосвязи этих важных историографических тем с феноменом разночинцев, в этой главе предлагается новый взгляд на проблему «отсутствия» в России среднего класса.

Имея в виду рассеянную природу разночинцев и тот факт, что они фигурируют в самых разнообразных контекстах, невозможно определить ни состав делопроизводственных источников, которые могут служить основой для данного исследования, ни локализовать их географически. В официальных документах разночинцы упоминаются все чаще и чаще с начала и в середине XVIII в., т.е. тогда, когда власти пытались разрешить проблему учета различных социальных слоев и когда еще не были вполне развиты учреждения центральной власти. Эта категория появляется одновременно и в европейской части, и на окраинах России, таких как Поволжье и Сибирь, которые уже вошли в состав империи. К концу XVIII в. развитие государственного права и учреждений, с одной стороны, требовало, а с другой – предоставляло возможность большей однородности при определении различных социальных категорий. Реформа Сената в правление Екатерины Великой, а также создание министерств и Государственного совета в эпоху Александра I привели к некоторой логической последовательности и при создании системы правовых определений, и в государственной деятельности, что уменьшило значение категории разночинцев для бюрократических целей. За исключением наказов Уложенной комиссии 1767–1768 гг. общественные представления о разночинцах были прежде всего явлением XIX в., связанным с возникновением экономически самостоятельных, образованных слоев общества. Культурологические определения, подчеркивающие роль разночинцев как образованной группы людей недворянского происхождения, таким образом, объединились и были соотнесены с более точным бюрократическим оформлением.

Хронологические отличия или различия между официальным и общественным использованием терминов не следует преувеличивать, ибо в имперский период в России их значения возвращаются, повторяются и перекрывают друг друга. Поскольку отсутствует общепризнанное определение разночинцев, постольку не ясна и хронология развития данной группы. Отсутствие общепринятой периодизации и необходимость точно определить феномен

разночинцев исходя из перспективы его развития и материала источников порождают сложные проблемы систематизации и описания. Документы, которые включают указы, протоколы заседаний Сената и Государственного совета, церковную и правительственную статистику, местные юридические, административные и регистрационные решения, личные и коллективные прошения, художественную литературу, мемуары и публицистические эссе, являются документами официальными и неофициальными, правительственными и общественными, бюрократическими и восходящими к сфере культуры, созданными в европейской части России и в отдаленных регионах. То, что источники столь эклектичны, разнородны и фрагментарны, полностью соответствует расплывчатым, непостоянным характеристикам категории разночинцев, а также развитию общего представления о разночинцах, которое эволюционировало от преобладающего административно-правового и социального к социально-культурному, без утраты, однако, традиционного смысла. Вместе с тем, всегда ускользающие и от современников, и от работающих с архивами историков, разночинцы повсюду были где-то рядом и нигде конкретно.

Хотя интерпретация категории «разночинцы», представленная здесь, находит убедительное подтверждение в истории конца XIX в., упоминание о ней исчезло из правовых документов после отмены крепостного права. Ее традиционное использование продолжает встречаться в официальных и неофициальных источниках, но ко времени ускоренной индустриализации (с начала 80-х годов XIX в.) понятие «разночинцы» скорее относилось к истории и мифологии радикальной интеллигенции, а также революционного движения. Понимание социального и бюрократического значения данной категории в поздний имперский период требует соответствующего изучения всего социально-экономического развития России того времени, что находится за пределами нашей работы. Явление, изучаемое здесь, и его отношение к глобальным проблемам социального деления общества ограничивается временем, предшествующим отмене крепостного права, и периодом доиндустриального развития русского общества. Применение результатов данного труда к более поздней эпохе весьма проблематично. Поэтому требуется сравнительное исследование имеющихся результатов с результатами разработок, посвященных позднему периоду империи. В частности, историки, изучающие революционный подъем, должны рассмотреть, каким образом традиционная стратификация русского общества повлияла на острые социально-политические конфликты начала XX в.

Данное исследование частично было осуществлено за счет стипендии Международного совета по научным исследованиям и обмену (IREX), фонды которого формируются Национальным комитетом по финансированию гуманитарных исследований (the National Endowment for the Humanities), а также Информационным агентством (U.S. Information Agency) и Государственным департаментом США (U.S. Department of State). Ни одна из этих организаций не несет никакой ответственности за содержание этой работы. Дополнительные средства также были выделены Программой поддержки научных исследований, обучения и творческой деятельности Университета штата Калифорния (the Research, Scholarship, and Creative Activity Program of the California State University), а также Отделением по распределению небольших стипендий и Отделением финансирования творческих годичных отпусков Калифорнийского Политехнического университета в Помоне (a Faculty Development Mini-Grant and sabbatical leave from California State Polytechnic University, Pomona).

Кроме того, мне хотелось бы принести благодарность руководству и сотрудникам российских архивов и библиотек, в которых я работала при подготовке данного исследования: Российский государственный архив древних актов (РГАДА) в Москве; Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА) в Москве; Центральный государственный исторический архив города Москвы (ЦГИАМ); Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ, ранее ЦГАОР) в Москве; Российский государственный исторический архив (РГИА) в Санкт-Петербурге; Российская государственная библиотека (РГБ, ранее Библиотека имени В.И. Ленина) в Москве. Также я благодарю российских коллег – Светлану Романовну Долгову, Леонида Романовича Вайнтрауба, Марину Викторовну Сидорову и Галину Алексеевну Ипполитову, которые помогли мне найти важнейшие архивные материалы. Ряд дополнительных материалов был предоставлен Публичной библиотекой Нью-Йорка (the New York Public Library), Справочной службой славистики университета Иллинойса (the Slavic Reference Service of the University of Illinois) и сотрудниками межбиблиотечного абонементного Калифорнийского политехнического университета в Помоне (the Interlibrary Loan Department of California State Polytechnic University, Pomona), а именно Сью Бенней и ее коллегами, которые выполняли свои обязанности без усталы и весьма эффективно. Эта книга никогда не была бы написана без помощи сотрудников этих учреждений. Вторая глава содержит материалы статьи, которая впервые была

опубликована под названием «Problematics of Status Definition in Imperial Russia: The Raznočincy» в ежегоднике *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas* [40 (1992): 319–39] и воспроизведена здесь с разрешения издателей.

Мне хотелось бы также выразить благодарность моему учителю Марку Раеву за его великодушие, искренность и надежду на мои силы. Он был первым, кто прочитал одну из полных ранних редакций этой книги, и его замечания были очень важны, так как помогли мне внести в текст существенные поправки. Ханс Роггер любезно согласился прочитать первые варианты отдельных глав и целиком всю книгу на последней стадии работы. Его замечания также были очень ценны для меня. Грегори Л.Фриз и Гари Маркер помогли мне своими подробными и чрезвычайно полезными комментариями, а также критикой, часть которой я учла в своем исследовании. Мнения Кристофа Шмидта, а также Алана Кимболла, который поделился со мной результатами своего еще незаконченного исследования, были использованы на ранних этапах работы. Также я приношу свою благодарность Мэри Линкольн, сотруднице издательства Северо-Иллинойского университета (Northern Illinois University Press) за ее профессионализм, отличную работу и обязательность при совместной работе во время подготовки к изданию данной книги. Кроме того, я искренне благодарю Линду Харт за помощь в составлении таблиц.

Мои родители, Рита и Сол Кимберлинг, приложили гораздо больше усилий, чем по справедливости можно было бы от них требовать. Моя мама без малейшей усталости не только читала и перечитывала сложный академический текст, но и вместе с отцом постоянно с нескрываемой радостью заботилась о своих внуках, так что я могла спокойно работать в библиотеках и архивах. И, наконец, эта работа никогда бы не была завершена без личного участия всех членов моей семьи. Я могу только восхищаться искренностью и великодушием моего мужа Гари. Мне приятно выразить благодарность ему и нашим детям – Эрику, Кларе и Вэлери – за их любовь, поддержку, энергию и независимость.

Историография и проблематика исследования

Задолго до того, как в первые десятилетия после Первой мировой войны возникло направление «новая социальная история», русские исследователи уже разработали два различных, но полностью совместимых подхода к пониманию сложного социального устройства Российской империи. Еще в XIX в., для того чтобы понять социальные отношения и общественную структуру, государственная школа в историографии сосредоточила внимание на различных учреждениях, инициативах власти и юридических определениях. К концу XIX в. историки на основе социально-экономического подхода создали множество научных трудов, в которых важнейшие социальные образования и группы рассматривались с народнической, марксистской или либеральной точек зрения. Следуя богатым традициям дореволюционной историографии, современные ученые также обращаются к исследованиям государственно-правовых или социально-экономических институтов. Отличие между ними до некоторой степени является хронологическим и отражает только то, что с развитием капитализма и модернизацией российской экономики новые социально-экономические классы стали заменять юридически определяемые социальные категории, которые назывались «сословия». Отдельные работы, прямо посвященные общему развитию социальных категорий Российской империи, демонстрируют их развитие, а также показывают необходимость уделять большее внимание терминологии.

В дискуссиях о взаимоотношении политики правительства и общественного развития справедливо обращается внимание на структуру сословий, юридически определяемых социальных категорий, которые выделяются по податным и служебным обязанностям и, в меньшей степени, по правам и привилегиям. Эти формальные рамки следует учитывать в любом содержательном

исследовании русского общества, начиная с Соборного уложения 1649 г. и заканчивая отменой сословных отличий правительством большевиков в ноябре 1917 г. Самая первая систематическая попытка объяснить понятие «сословие» была сделана В.О. Ключевским, который рассматривал его как правовой термин, определяющий ряд политических институтов (учреждений), независимый от экономических, интеллектуальных, моральных или физических обстоятельств¹. Основной вклад Ключевского в изучение этого понятия состоит в том, что он обратил внимание на негативное качество социального расслоения. Неравенство обязанностей было всегда связано с неравенством прав, но не наоборот; таким образом, более легкие обязанности выступали негативным «правом» по отношению к другим группам.

Грегори Л.Фриз в своем несомненно убедительном и в целом удачном исследовании, посвященном «сословной парадигме», смог резко отделить понятие «сословие» (статусную группу) от другого, чаще используемого, но почти всегда в юридическом значении, — «состояние» (социальная категория)². Фриз показывает, что, в отличие от сравнительно последовательного применения категории «состояние», общее представление о сословии выявляется ближе к концу XVIII в. с помощью множества смысловых нюансов, когда сословие определялось как некое собрание, сообщество или «социальная общность» без формальной организации. А уже в конце этого века данное понятие стало обозначать формальную общественную группу с определенным составом членов. Только в первые десятилетия XIX в. понятие «сословие» действительно соотносится с неким «установленным составом», имеющим определяемое культурное и правовое положение, а также социальную идентичность³. Несмотря на то что Фриз, видимо, преувеличивает корпоративный характер социальных групп XIX в., он ясно обозначил подвижность, разнообразие и сложность сословных определений, приспособляемость сословной структуры к экономическому и социальному развитию, а также разнообразие и увеличение числа формальных категорий в течение всего имперского периода. Кроме того, он напоминает нам о том, что необходимо различать правовые представления и социальную действительность.

Марк Раев и Кристоф Шмидт совершенно справедливо не согласны с тенденцией отождествлять сословия в России с *Berufsstände**

* *Berufsstände* (нем.) — профессиональные сословия. (Здесь и далее подстрочные прим. переводчика.)

Центральной Европы. Оба исследователя подчеркивают, что состояния—сословия в действительности не имеют юридически определенного состава людей, наделенных равными правами, несмотря на то что эти термины употребляются в России XVII—XVIII вв.⁴ Ричард Пайпс согласен с такой позицией, но в несколько измененном виде. Он полагает, что несомненная слабость общества перед силой государства объясняется не отсутствием (как в концепции Раева) четко определенного состава групп, а существованием вотчинного принципа или принципа собственности, характерного для русской политической власти⁵. Несмотря на различия в интерпретации, все эти исследователи придают большое значение государственной политике и официально установленным понятиям как основе для понимания сложной социальной структуры России.

Историки, занимающиеся пореформенным периодом, в большей степени склонны принимать в расчет социально-экономические толкования, но при этом они не могут не учитывать юридические определения сословия при анализе революционных ситуаций в поздний период Российской империи. Так, Леопольд Хаймсон указывает на растущее несоответствие между юридическими определениями и социально-экономическими реалиями как на основу для подвижности и изменчивости социальной идентичности различных групп, что, с его точки зрения, объясняет распад общества и начало острых социальных конфликтов⁶. Другие историки вновь и вновь обращают наше внимание на постоянство сословного менталитета, объясняя им неудачу в развитии России по западно-европейской либерально-буржуазной модели. Альфред Дж. Рибер видит причины неудачного формирования зрелого классового сознания русского купечества как в отсутствии политического единства страны, так и в лояльности населения окраин и инородцев к властям⁷. Еще одним доказательством неполной трансформации сословия в класс является пример крестьян-рабочих, описанный во многих работах о русской революции. Со всем недавно историки, изучающие образованные слои населения, описали весьма распространенный тогда в современном гражданском обществе поиск профессиональных и социальных связей, т.е. ту направленность, которая исчезает из политической и социальной жизни периода революционных ситуаций начала XX в.⁸ В этом исследовании также высказывается предположение, что мнимые строгость и устойчивость традиционных сословных границ в сочетании с изменениями в торговле и промышленности конца XIX в., лежат в основе кризиса идентичности и, таким образом, помога-

ют разгадать тайны старого порядка. Однако пока все еще не известно то обстоятельство, что устойчивые сословные границы никогда и не были вполне воздвигнуты.

Отдают ли ученые предпочтение формальным определениям или социально-экономическим отношениям или некоему сочетанию первого и второго, до сих пор не выяснены важнейшие вопросы социального и культурного развития. Во-первых, ни правовой, ни социально-экономический подход не характеризуют адекватно структуру русского общества или отсутствие таковой в эпоху крепостного права (примерно с 1649 по 1861 г.). Историки обычно обращают внимание на противоречие между формальными категориями и социально-экономическими фактами, но они все еще не определили, хотя бы в главном, рамки понятий «чин» в Московской Руси, «сословия» периода империи и «класса» в поздний имперский период. Но понятно, что, по меньшей мере, необходимо совершенствовать парадигму «помещики—дворяне—крепостные крестьяне», которая все еще не вполне изучена и, возможно, нуждается в существенном изменении⁹. Всестороннее изучение разночинцев (людей разных чинов, людей различного происхождения) предполагает не только дальнейшее изучение и систематизацию в схеме «господин—крепостной», но и ставит важнейший вопрос о том, до какой степени дворянство было отделено от других групп общества.

Во-вторых, в научных изысканиях, посвященных взаимосвязи государственной политики и социального развития, постоянно указывается на отсутствие корпораций в Московском государстве и в имперской России. Это делается для того, чтобы объяснить неудачи дворянства ограничить самодержавную власть и подчеркнуть трудности, с которыми сталкивалось *Polizeistaat** при попытке реформировать и изменить общество¹⁰. Но в этих изысканиях недостаточно изучено влияние фактора отсутствия структур и институтов на формирование социальных и культурных идентичностей¹¹. Кроме того, в них не принимаются в расчет большие, можно сказать, очевидные скачки в развитии, вызванные периодом уже упомянутых реформ. Как случилось, что специалисты, образованные люди и революционно настроенная интеллигенция так быстро появились в 60-е годы XIX в. и стали доминировать в культурной жизни России? В свете исследования, обнаруживающего, что самодержавная власть была сильно ограничена, необходимо пересмотреть представления о слабости и инертности русского общества до наступления эпохи реформ Александра II.

* *Polizeistaat* (нем.) — полицейское государство.

В-третьих, остаются исключительно сложными проблемы формирования интеллигенции и специалистов — их взаимосвязь, а также их положение в более широком социальном контексте. Хотя феномен интеллигенции не раз являлся объектом внимания историков, он все еще остается недостаточно хорошо понятым из-за его сложности и неопределенности. С другой стороны, исследования, посвященные специалистам-профессионалам, еще только начинаются, несмотря на их важность для любого анализа феномена интеллигенции. Тщательное изучение категории разночинцев выявляет происхождение, границы и, в частности, социально-культурную идентичность интеллигенции и специалистов. Кроме того, оно помогает объяснить преобладание оторванных от жизни утопичных представлений, в том числе и о бесклассовом обществе среди многих общественных и формальных групп в имперский период и при советской власти¹². Историкам позднего периода Российской империи еще предстоит должным образом охарактеризовать социальную дезинтеграцию, которая сыграла столь значительную роль в революционных ситуациях начала XX в. Хотя они справедливо рассматривают социальную раздробленность как одну из основных причин острого неразрешимого социального конфликта, который привел большевиков к власти, они ошибочно считают эту дезинтеграцию новым явлением, которое возникло благодаря социальным смещениям из-за быстрой индустриализации. Таким образом, они не признают того, что социальное положение в имперской России традиционно было двойственным и неопределенным.

Феномен разночинцев непосредственно рассматривается только в небольшом числе узкоспециальных трудов. Большая часть суждений о данной категории носит характер дополнительных сведений на фоне общего изучения истории города, бюрократии, образования, революционного движения или любой другой, без труда определяемой темы. Кристофер Беккер в своем очень ценном, но кратком описании разночинцев соотносит развитие представлений о них с общим процессом формирования сословий в течение XVIII в.¹³ Будучи сначала этимологически связан с бюрократическим употреблением словосочетания «люди разных чинов» в перечнях чинов Московского государства, термин «разночинцы» к XIX в. стал относиться к конкретной, относительно устойчивой группе лиц, находящейся вне основных сословий, — перемена, произошедшая вследствие урегулирования положения тех, кто получил дворянство за службу согласно «Табели о рангах». Беккер, датируя появление данного термина серединой XVIII в.,

идет дальше и выделяет сферу его употребления – образование, где разночинцами назывались студенты государственных учебных заведений недворянского происхождения. Такое употребление было расширено в XIX в., когда в литературных, социологических и исторических текстах разночинцами начинают называть образованных людей недворянского происхождения. К XX в. этот термин стал применяться к *déclassé** или, исходя из его понимания у Ленина, к «буржуазно-демократической» интеллигенции; именно это значение получило самое широкое распространение в современной историографии. Хотя анализ Беккера представляет собой весьма полезное вступление к этому сложнейшему историческому явлению, самое важное в нем то, что автор справедливо считает, что к разночинцам следует относиться скорее как к понятию, а не как к социальному слою.

В последнее время советские историки также рассматривали разночинцев как правовую или социальную категорию, стараясь проследить формирование этого слоя в обществе. Самый ценный научный труд из опубликованных на данный момент принадлежит Г.Н. Вульфсону, который приводит много данных, основанных на юридических, демографических, литературных и публицистических источниках¹⁴. Вульфсон обращает внимание на отсутствие какого-либо правового или даже бюрократического определения разночинцев и считает их, прежде всего, образованными выходцами из недворянских слоев, которые еще в первой половине XVIII в. составили «демократическую интеллигенцию»¹⁵. Несмотря на то что исследование Вульфсона содержит много полезных сведений, его представление, на мой взгляд, зачастую вызывает недоумение: источники, которые он использует, не всегда адекватно интерпретированы, а его твердая уверенность в том, что образованные разночинцы придерживались демократической идеологии, прямо ошибочна.

И.В. Сидорова в своей более успешной работе справедливо обращает внимание на ту путаницу, которая связана с категорией разночинцев в трудах советских историков¹⁶. Так, она пытается составить точный список подгрупп разночинцев с учетом того, что нет однозначного понимания данной категории. Список состоит из следующих подгрупп: наследственные разночинцы, дети купцов и священников, которые отказались от занятия своих отцов, штатские служащие без чина и личные дворяне, мещане (низший слой горожан) и крестьяне, которые приобрели квали-

* *Déclassé* (фр.) – деклассированным слоям.

фикацию, предполагающую некоторый образовательный уровень, отставные солдаты, а также в XVIII в. однодворцы и другие традиционные категории («старых служб служилые люди»), которые постепенно включались в низшие податные сословия. Анализируя указы екатерининской Уложенной комиссии 1767 г., И.В. Сидорова ограничивает себя указами лиц, определяемых как разночинцы, и не проверяет многих упоминаний о разночинцах в указах дворянства, однодворцев и купцов. И Г. Вульфсон, и И. Сидорова, следуя ленинскому пониманию, описывают процесс, в результате которого к концу XVIII в. разночинцы становятся свободным, неподатным слоем, и, как таковой, этот слой вливается в «буржуазно-демократическую» интеллигенцию XIX в. Несмотря на ценность этих исследований, их замысел и намерения авторов так прямолинейны, что в них утрачено действительное значение феномена разночинцев.

Внимательное прочтение большого числа исторических трудов показывает, что происхождение разночинцев связано с тремя сферами русской жизни: с государственным регулированием социальных категорий в ответ на нужды армии, растущего чиновничества и консолидации империи; с экономической структурой наряду с естественным общественным развитием; а также с субъективной, произвольной и зачастую, по сути, культурной природой общественных определений и идентичностей. Внутри этих сфер — политики и естественного развития — возник целый ряд представлений о разночинцах и их подгруппах. В связи с этим, естественно, возникает вопрос: были ли эти подгруппы простыми абстракциями или они являлись представлениями, отражающими реальные социальные подгруппы?

Прежде всего необходимо подчеркнуть, что разночинцы могли передавать или не передавать свой статус по наследству, платить или не платить подати, проживать в городе или на селе, быть формальной или неформальной группой. Как видим, определения имеют тенденцию перекрывать друг друга и зачастую являются взаимоисключающими. Дальнейшее изложение этих проблем в данной главе будет представлять собой краткий и очень схематичный обзор различных представлений о разночинцах, имеющих в исторической литературе¹⁷, а в последующих главах это краткое изложение будет детализировано.

Самым очевидным источником формирования разночинцев, причем таким, который повлиял на многие стороны русской жизни, была государственная служба. Среди государственных служащих можно встретить и отставных солдат, которые боролись за

то, чтобы вновь интегрироваться в штатское общество, и офицеров низших званий, и не имеющих чина государственных служащих, т.е. людей из низов, описанных у Островского, Достоевского и Гоголя¹⁸. Пока солдаты были на службе, они относились к военному ведомству. При выходе в отставку они становились свободными людьми, в большинстве случаев не платившими подушную подать и не имеющими других государственных и феодальных обязательств, хотя и без постоянного источника дохода. Отставники имели право заниматься мелкой торговлей, получить клочок государственной земли или вернуться в свою родную общину. Имеются ограниченные данные, которые подтверждают, что, как правило, отставные солдаты с трудом интегрировались в гражданское общество. Хотя многие возвращались к обработке семейного участка, но ни землевладелец, ни податная община не были заинтересованы в их возвращении, так как они имели свободный, неподатный статус¹⁹.

Значительно обширнее сведения о различиях в чиновничьей среде. И советские, и западные ученые сосредотачивают свое внимание на развитии имперского чиновничества как особой прослойки русского общества, четко отграниченной от дворян-землевладельцев²⁰. В то время как в своих формулировках эти исследования далеки от единства, различия в них обычно соотносятся с двумя не связанными явлениями: источниками по набору на штатскую службу и гражданскими моделями карьерного роста. В таком контексте возможно определить различия в самом широком смысле как незнатных служащих, имеющих чин, или как государственных служащих вне «Табели о рангах», которые не были внесены в списки подушного налогообложения. Некоторые авторы отделяют различия от сыновей классов незнатных штатских служащих, тогда как другие — включают чиновных или «новое дворянство» в свои систематизации. И то и другое соотношение противоречит законам, которые регулировали гражданскую службу, хотя включение служащего из дворянства согласуется с употреблением в среде дворян, которые считали себя высшим сословием, исходя из своего происхождения или культуры.

Возможности карьерного и социального роста различия использовали на военной и на штатской службе. Служащие различия, как группа людей, продвигающихся вверх по социальной лестнице, занимали переходное положение, поэтому их можно рассматривать как *déclassé*. Но подвижность не всегда была восходящей. Дети младших офицеров, которые родились до того, как

их отцы получили офицерский чин (обер-офицерские дети), а также дети личных дворян не получали по наследству привилегий своих родителей. В перспективе они образовывали группу с нисходящей социальной подвижностью, хотя любой из них имел достаточно высокое положение, чтобы выслужиться и с полным правом ожидать, что достигнет дворянского статуса²¹.

В начале XIX в. возросло значение образования для военной и гражданской службы, что также облегчало продвижение по службе разночинцев с востребованными навыками. В то же время более строгие требования к обучению укрепили барьеры, которые перекрывали возможности карьерного роста для тех, кто был мало образован²². Образование, таким образом, давало преимущества некоторым группам разночинцев точно так же, как и некоторым группам дворян. Но оно само по себе не являлось гарантией для социальной демократизации офицерского корпуса или чиновной элиты, хотя значительные сдвиги в этом направлении действительно произошли к началу XX в. И «Табель о рангах» 1722 г., и новые требования к обучению начала XIX в., а также значительный рост чиновничества — все в совокупности повлияло на рост числа разночинцев и их подгрупп. Несмотря на то что наследственное дворянство продолжало доминировать на высших военных и штатских постах, его ряды постоянно пополнялись снизу. Невзирая на политическую и культурную кооптацию, русское дворянство оставалось размытым социальным слоем в течение всего имперского периода.

Роль разночинцев на государственной службе была тесно связана с развитием образования; в обеих сферах имеющиеся подгруппы разночинцев отвечали особым нуждам правительства и общества. В свою очередь, рост и усложнение бюрократической деятельности, а также распространение просвещения создавали новые категории разночинцев. В ряде случаев служба и получение специальных навыков составляли единый процесс. Так, до правления Екатерины Великой не предпринималось никаких особых усилий для создания системы государственных начальных школ, и даже после того как Екатерина провела образовательную реформу, реально школы оказывали влияние только на городское население. В сельской местности значительный прогресс в распространении начального народного образования был достигнут лишь после 70-х годов XIX в.²³ Цифирные школы Петра Великого, которые создавались для доступности начального образования среди людей всех сословий (за исключением крепостных и однодворцев), были открыты в нескольких городах, начиная с 1714–1715 гг.

К 1744 г. из-за отсутствия средств и учащихся они слились с гарнизонными школами²⁴. В целом на протяжении большей части XVIII в. взгляд на эту проблему правительства и населения был скорее практическим: формальное образование желательно только в той мере, в какой оно отвечает конкретным нуждам правительства в обученном персонале или нуждам общества в специальных профессиональных навыках.

Таким образом, распространение государственных учебных заведений в XVIII в. было продолжением допетровской модели специализированного «профессионального» обучения, которое теперь становилось открыто связанным с соответствующими социальными категориями. Государственные учреждения открывали школы или организовывали обучение (как, например, Посольский приказ XVII в.), чтобы воспитывать кадры, необходимые для различных сфер административной деятельности. В большинстве случаев такие школы обеспечивали общее начальное и религиозное воспитание, а также получение специальных и технических навыков. В результате Россия имела значительный опыт в распространении образования в целом ряде военных, административных, церковных, медицинских, ремесленных, а также научных и академических учреждений. Пока еще не существовало логически последовательной единой системы обучения — скорее, имелись разрозненные школы, дающие узкоспециальные знания, созданные *ad hoc*^{*}, в ответ на конкретные нужды или замыслы. Тем не менее это была относительно открытая «система»; как таковая она сохраняла еще одну модель Московского государства — образование для простых людей на казенные деньги. Благодаря этому уже в середине XVIII в. возникает понятие «разночинцев» как образованных людей недворянского происхождения.

Именно такое понимание категории разночинцев чаще всего присутствует в исторических исследованиях. Большое внимание к разночинцам в исследованиях, посвященных системе образования, проявляется в изучении трех направлений: 1) доступ к образованию в соответствии с законами, регулирующими социальное положение; 2) соотношение между социальным происхождением и развитием революционного движения в 60-е—70-е годы XIX в.; 3) роль образованных людей недворянского происхождения в формировании интеллигенции (определяется ли она как радикальная разночинная интеллигенция или более широко — как люди, занимающиеся умственным трудом). В каждом из этих на-

* *Ad hoc* (лат.) — по мере надобности.

правлений разночинцы происходят от лиц различного социального положения и происхождения, включая широкие слои непривилегированного населения, которое платит подушную подать – категория населения, созданная в результате фискальной политики Петра Великого и отличная от неподатного шляхетства. Разночинцы объединялись общей профессией или образовательным уровнем, недворянским происхождением или общей позицией и деятельностью, связанной с идеологическими убеждениями. Понятие «разночинцы», как образованная непривилегированная группа, включало широкий круг чиновников, технических специалистов, людей с начальным, незаконченным высшим и высшим образованием, ученых, художников, писателей и артистов. Часть образованных разночинцев занимала должности на всех ступенях государственной службы, но большинство из них были на должностях низших чиновников или вовсе не имели чина; другие работали частным образом, возможно даже незаконно. Представители крепостной интеллигенции, сравнимые с образованными разночинцами по своим навыкам и функциям, отвечали на управленческие, экономические и культурные запросы своих знатных владельцев. Немногие из образованных крепостных получили личную свободу и соответственно смогли вступить в одну из формально определяемых категорий разночинцев; такой переход мог произойти благодаря государственной службе, успешному предпринимательству или великодушию хозяина. В конечном счете, образованные разночинцы и крепостная интеллигенция слились с профессионалами и более широкой категорией работников умственного труда²⁵.

В течение всего имперского периода социальное происхождение определяло доступ к образованию (типу школы и предметам обучения) и жизненным благам (привилегиям, обязанностям и карьерным возможностям). Все же, за исключением немногочисленной элиты, в распоряжении которой имелись, главным образом, военные школы для дворянских детей, а до 1867–1869 гг. – семинарии и духовные академии для детей священников – в подавляющем большинстве государственных школ учились выходцы из разночинцев, или их можно было бы характеризовать как разночинные учреждения, учитывая смешанный социальный состав учащихся. Из-за сословно-профессионального принципа, впервые установленного реформой образования Петра Великого и направленного на то, чтобы объединять различные социальные категории особыми профессиями и занятиями, образовательные учреждения были предназначены для воспитания некоей данной

группы лиц для выполнения предписанных служебных обязанностей. В результате в каждой юридически определенной категории мог преобладать и данный тип школы, или направление обучения. Например, считалось, что занятия медициной, техническими дисциплинами и сферой искусств подходят разночинцам, в то время как юриспруденция и военные дисциплины были адресованы дворянству²⁶. Кроме того, существовали специальные школы детей солдат, штатских служащих без чина и клира, а также рабочих казенных фабрик и мастерских. Но образовательные различия и социальные границы никогда не были абсолютными, за исключением границ, отделяющих крепостных, поэтому даже основное деление между дворянами и простолюдинами сохранялось не всегда. В гарнизонных школах для солдатских детей обычно обучались вместе сыновья бедных дворян, офицеров и рядовых²⁷; в действительности, очень небольшое число образовательных учреждений предназначалось исключительно для дворянства. Как и по всей Европе, растущие потребности в специально образованном персонале создавали новые социальные и профессиональные возможности для людей различного происхождения. Какие бы ограничения или различия ни существовали (а они имели свойство меняться), постоянно росло число образованных людей недворянского происхождения.

Признание того, что в течение всего имперского периода росло число русских людей с высшим и средним образованием, без сомнения, подводит к проблеме появления специалистов, интеллигенции, а также революционного движения. Каким бы образом ни проводилось исследование этих тем, их изучение имеет тенденцию к взаимопроникновению²⁸. Сама терминология столь туманна и противоречива, что стимулирует усилия сформулировать соответствующие отличия, особенно по отношению к интеллигенции²⁹. Стремление объединять специалистов и интеллигенцию и рассматривать их как прирожденных оппозиционеров является, в первую очередь, советским феноменом. Но и западные историки склонны изучать развитие профессиональных идентичностей как процесс, который предполагает отделение от государственной службы и формирование политической оппозиции. Это непосредственно вытекает из того, что в большинстве исследований, посвященных профессионалам, за точку отсчета берется создание казенных школ для обучения специалистов в отдельных областях³⁰. Таким образом, историография не обращается к формированию профессиональной сферы деятельности вне государственных учреждений до 60-х годов XIX в., процессу,

который, естественно, является решающим для объяснения быстрого развития в эпоху реформ.

К категории разночинцев обращались очень часто, для того чтобы охарактеризовать радикальную интеллигенцию 1860-х годов и объяснить, как возникало подпольное революционное движение, особенно среди студентов университетов³¹. Вероятно, из идеологических соображений советские историки соединяли радикализм с низким социальным происхождением и, таким образом, искали доказательства того, что среди наиболее известных интеллектуалов XVIII в., которые случайно оказались не дворянами, были распространены прогрессивные, оппозиционные или даже революционные взгляды. Признавая дифференциацию внутри интеллигенции, эти ученые все же полагали, что образованные простолюдины были естественным образом склонны к оппозиции³². Поиск «скрытых» революционеров также очевиден в работах, которые изучают роль разночинцев (в данных исследованиях они определяются как низшие служащие, а также ремесленники и отставные солдаты) в крестьянских восстаниях³³. Подобные обсуждения полезны, когда противостоят навязчивой идее, связанной с радикализмом элиты в 60-е годы XIX в., но они не отрицают главного аргумента — появление революционной интеллигенции или «новых людей» 60-х годов XIX в. произошло благодаря «пришествию разночинцев».

Приписываемый разночинцам радикализм представляет собой самую известную черту этого явления, возможно и самую ошибочную. Дэниел Р. Брауэр и Майкл Конфино справедливо возражают против той точки зрения, что большое число разночинцев предопределило процесс радикализации образованной элиты в 60-е годы XIX в.³⁴ В то же время Брауэр считает, что феномен разночинцев (как и интеллигенции в целом, в связи с этой чертой) требует социологического объяснения. Конфино также склонен представлять разночинцев как некое социальное единство при сохранении различий между дворянами и простолюдинами³⁵. Повторим еще раз: для дальнейшего изучения понимание «разночинцев» как социального слоя или прослойки слишком узко.

Авторы многих исторических исследований, невольно следуя «подсказке» Н.К. Михайловского, обращают внимание на другой тип разночинцев — «кающееся дворянство», что делает какую-либо чистую социологическую концепцию неустойчивой³⁶. «Кающимся дворянам» по определению положено быть *déclassé* или из-за того, что по бедности они вынуждены зарабатывать на жизнь

интеллектуальным или профессиональным трудом (и таким образом становятся разночинцами в социологическом смысле), или из-за того, что стали психологически чуждыми тому классу, из которого произошли, позаимствовав позицию, представления или идеологию (и тем самым стали принадлежать к революционной разночинной интеллигенции). Во втором случае «кающиеся дворяне» относились к разночинцами благодаря культуре и сознательному выбору, а не своему низкому классовому или недворянскому происхождению, что отчасти могло бы неявно подталкивать личность к политической оппозиции. Самым показательным примером такого разночинца по культуре был Д.И. Писарев, в то время как Н.Г. Чернышевский и Н.А. Добролюбов отвечали всем необходимым социологическим критериям. Как покажет данное исследование (и как уже указывал Беккер), первая ошибка прошлых дискуссий состоит в понимании разночинцев как социального единства с определяемыми (даже если и с изменяемыми) границами. Вторая ошибка, следующая из первой, заключается в использовании этой чрезвычайно спорной социальной категории для объяснения того, что является главным образом культурным феноменом, а именно формирование интеллигенции как самоопределяемой, самопровозглашаемой культуры отдельной социальной группы.

Стремление исследовать феномен разночинцев в социологических терминах сохраняется и при изучении истории русских городов даже тогда, когда разночинцы не выступают как представители определенного общественного слоя, а скорее как люди, занимающие временное, переходное положение³⁷. В большинстве работ, посвященных городам, разночинцы представлены как одна из категорий в статистических моделях городского населения³⁸. Данная категория в таких трудах определяется редко, а когда это делается, то поверхностное определение не основывается на каком-либо общем понимании терминологии; более того, это определение исходит из одного-двух общепринятых, которые, как правило, не уделяют должного внимания хронологической точности³⁹. Большинство историков города не учитывают проблему терминологии прежде всего потому, что не понимают ее важности в рамках своей темы, даже в том случае, когда термин «разночинцы» появляется в одном источнике за другим, на одной странице за другой. В защиту этих историков следует сказать, что и правительственные, и церковные источники, которые содержат статистические данные, тоже должным образом не определяют это понятие⁴⁰.

Исследования, посвященные городам, также неизменно упоминают разночинцев в связи с официальными переписями населения. Связанные с посадами (формальными податными общинами) в конце XVII в., и особенно после введения подушной подати в эпоху Петра, разночинцы появляются как люди, не входящие в списки несущего повинности населения городской общины (посадской общины, городского общества, городского гражданства), но, тем не менее, постоянно или временно проживающие в городах и зарабатывающие себе на жизнь городскими промыслами, которые все больше и больше становились монополией отдельных категорий⁴¹. Опять-таки, не совсем ясно, кто точно принадлежал к этой категории (иногда в нее включаются «торгующие крестьяне»), в частности потому, что еще в середине XVII в. правовое положение часто не соответствовало роду занятий⁴². Более того, в течение всего имперского периода наблюдалась значительная подвижность внутри и вне юридически определенных социальных категорий. Реформа подушного налогообложения, а также все соответствующие уставы об управлении городами до 60-х годов XIX в., которые пытались разрешить противоречия между формальным положением и социально-экономическими реалиями, не дали результата. В то время как посадская община стремилась ограничить присутствие «чужаков» (здесь называемых разночинцами), правительство пыталось включить любого свободного человека в формальную социальную категорию, а лучше – сделать его объектом воинской повинности и налогообложения. Поэтому исследователи города стремятся определить разночинцев XVIII в. как жителей городов вне формальной податной общины, а разночинцев XIX в. как людей бессловных, не имеющих формального социального статуса, и неподатных, т.е. не платящих налоги⁴³. Как будет показано, ни одно из этих определений не удовлетворительно.

Несмотря на путаницу, которая, скорее всего, неизбежна и может быть оправдана, если принять во внимание цели исследователей города, они, тем не менее, иногда бессознательно, но все же выделяют две очень важные черты разночинцев. Во-первых, они указывают на передачу разночинского статуса по наследству, что сравнимо с другими большими и малыми сословиями. Во-вторых, что важнее, они понимают под разночинцами «чужаков»⁴⁴. Это возвращает нас к официальному и неофициальному применению данного термина в течение всего имперского периода, и иногда оно вполне действительно с точки зрения представления о разночинцах как об образованных простолюдинах. Как будет показано далее, представление о том, что разночинцы –

«чужаки», вероятно, является самым распространенным и обычным применением данного термина, хотя само определение «чужака» слишком неустойчиво и изменчиво⁴⁵.

Представление о «чужаке» очень важно для понимания процессов, связанных с расширением и централизацией Российской империи. Джон П. ЛеДонн, исследуя местное управление в пограничных землях во времена Екатерины I, многое сделал для того, чтобы отобразить административные стороны этого процесса⁴⁶. Работы ЛеДонна и Андреаса Каппелера прекрасно показывают смешение русских и нерусских законов, культур и элит. Но эти работы – исключение среди множества других, так как их авторы открыто стараются исследовать то, как инородцы и меньшинства сливались в один народ, а в том случае, если ассимиляция не происходила, как русские правовые категории применялись к отдельным нерусским людям, сообществам и социальным структурам⁴⁷. Хотя источники обычно определяют меньшинства и инородцев отдельно и поэтому, как правило, не включают их в категорию разночинцев (к отдельным народам часто обращались как к отдельному сословию или состоянию), их положение в русском обществе сравнимо в двух важных аспектах. Во-первых, ассимиляция или интеграция формально происходила благодаря службе или образованию, а неформально – благодаря браку и предпринимательской активности. Во-вторых, ассимилировались они или нет, их все равно включали в категорию «чужаков».

В России меньшинства и инородцы могли вступить в одно из юридически зафиксированных сословий, получив тем самым определенные привилегии и обязанности. В противном случае, они продолжали сохранять особое, только им присущее наименование или оказывались внутри частных правовых рамок одной из официально признаваемых нерусских общин. Тот факт, что в Санкт-Петербурге в 60-е годы XIX в. проживало много отставных еврейских солдат, – расселение евреев обычно ограничивалось географическим регионом, расположенным за чертой оседлости, – доказывает, что интеграция в русские социальные категории благодаря службе и образованию действительно имела место. Но даже после того как они почти всю свою жизнь прослужили России, эти ветераны все же продолжали определяться в соответствии с их еврейским происхождением⁴⁸. В том случае, если по формальному положению человек не русифицировался, могла иметь место экономическая или профессиональная интеграция⁴⁹. Противоречивая политика властей, которая, с одной стороны, поощряла русификацию, а с другой – сохраняла бесконечные

правовые ограничения, могла только породить антагонизм между группами меньшинств и отдельными людьми вне зависимости от того, хотели ли они ассимилироваться или сопротивлялись этому. Такая политика, по крайней мере в формальном смысле, также мешала интеграции тех, кто действительно хотел русифицироваться. Хотя динамика этих отношений плохо понятна и только частично документирована, она важна для объяснения распада не только Российской империи, но и Советского Союза. Как и их царствующие предшественники, советские власти проводили репрессивную политику в сфере политической и административной интеграции, политику, которая признавала социальные и культурные ограничения и тем самым помогала их сохранять.

Значение расширения границ империи для развития русского общества предполагает, что, даже если понимать под разночинцами некий социальный слой, его происхождение и развитие все же могло изменяться от региона к региону. Так, М.М. Громыко определяет разночинцев как «сословную группу» в Сибири XVII в., образованную прежде всего из ушедших с военной службы отставников, которые смешались с различными мигрантами и местным населением. Эти сибирские разночинцы, как правило, жили за счет крестьянского труда (немногие из них становились купцами), и их положение приравнивалось к положению государственных крестьян⁵⁰. Законодательство XVIII в. зафиксировало похожую страту в пограничном городе Астрахани, где в число разночинцев включались беглые крестьяне, к присутствию которых там относились терпимо вследствие нужд растущего русского поселения⁵¹. Эти и другие местные варианты в развитии и определении разночинцев показывают, что они могли считаться социальным единством только в узких границах местных частных условий и прежде всего в связи с историей растущей империи.

Какие общие выводы о феномене разночинцев можно сделать на основе множества исторических исследований? В этой сфере, где даже определение понятия двойственно, лишь одно несомненно: нет единого определения или формулировки, которые бы отвечали всем требованиям. Но, несмотря на то что несколько поколений историков, изучая разночинцев, использовали в своих работах самые различные подходы, их объединяет одна общая черта: стремление относиться к разночинцам как к социологическому явлению, т.е. или видеть в нем некий социальный слой (например, городской), или пытаться в социальных терминах объяснить культурные аспекты данного объекта исследования (на-

пример, появление радикальной разночинной интеллигенции). В последующих главах социальные реалии, отраженные в статистических, юридических и административных источниках, не будут оставлены в стороне; напротив, официальные определения разночинцев, даваемые различными учреждениями, представляют для нас первостепенный интерес, ибо невозможно даже приблизиться к полному пониманию этого явления, т.е. того, как разночинцы сами определяли себя, как они, в свою очередь, определялись другими группами общества, а также публицистикой и литературой, без связи с формальными категориями. Взаимодействие формальных и неформальных определений чрезвычайно важно для понимания динамики социальных отношений и формирования социальных и культурных идентичностей.

Очевидно, что подобные задачи должны разрешаться при помощи обращения к социальной структуре, но это вовсе не означает, что следует считать разночинцев неподвижной и неизменной социальной общностью. Дэниел Брауэр хорошо продемонстрировал неадекватность структурного анализа, который сосредоточивается на изучении сословий и классов для того, чтобы понять изменения в городской жизни периода поздней Российской империи. Он обращает наше внимание на важность формальных и неформальных объединений: клубов, обществ взаимопомощи, профессиональных организаций и даже официальных обществ трезвости, а также политических союзов⁵². Брауэр изучает развитие этих сообществ как доказательство значительных изменений именно потому, что в середине века общественные отношения были сосредоточены исключительно вокруг семьи и окружения⁵³. Другие историки для доказательств нарождающегося гражданского общества также изучают культурные объединения начала 60-х годов XIX в. (например, Общество помощи нуждающимся писателям и ученым, литературные комитеты, Общество любителей шахмат) и профессиональные организации на рубеже веков⁵⁴. В этих двух примерах и культурная, и профессиональная деятельность быстро политизировались; подобным образом элита демонстрировала свое недовольство политическими репрессиями и рядом направлений в политике правительства. Глубокое изучение разночинцев предполагает, что нужно уйти еще дальше от этих определяемых и привычных структур, сетей, сообществ и организаций – будь они формальные или неформальные, свободные или обязательные, социальные или культурные, ибо неясно, действительно ли поиск в XIX в. новых форм общественной идентичности, самовыражения в социальных и профессиональ-

ных организациях был связан с формированием гражданского общества. Подобно множеству социальных и культурных понятий имперской России значение таких общих представлений, как «общество» и «общественность», все еще не стало предметом систематического изучения.

Какое бы общее представление мы ни взяли: «разночинцы», «интеллигенция», «либеральное образованное общество» или «общественность» (названы отнюдь не все возможные представления), акцент следует сместить на слово «представление». Следовательно, первый шаг к серьезному пониманию разночинцев состоит в анализе терминов и принципов деления на категории (официальные, представленные в юридической и административной практике, и на неофициальные, — как они представлены в общественном понимании, в мемуарах, литературе и периодике). Считая формирование социальных и культурных идентичностей центральным фактором в развитии социальных отношений, можно не брать в расчет сложности, связанные с разграничением «объективного» и «субъективного», что так беспокоит ученых, занимающихся структурным анализом, и что можно не учитывать при изучении независимых процессов «самоопределения» и «самоформления»⁵⁵. Литературная критика и интеллектуальная история часто обращают внимание на взаимодействие и сложности, которые характеризуют процессы создания, восприятия, интерпретации или перевода текста, а также на соответствующую его передачу. Об истории понятия «разночинцы», выраженной в официальном, общественном и научном представлении, можно говорить таким же образом, для того чтобы восстановить «действительность такой же реальной, как и конкретные взаимоотношения в обществе»⁵⁶. Другими словами, социальная «мнимость» разночинцев становится отвлеченной социальной реальностью⁵⁷. Клиффорд Гиртц отмечает, что объяснение подразумевает упражнение в том, чтобы «соединить действие с его смыслом, а не объяснить поведение тем, что его (это поведение) определяет»⁵⁸. Таким образом, наша главная цель состоит не в том, чтобы воспользоваться принципами социального исследования для такого культурного явления как разночинцы, а в том, чтобы выявить смысл социально-культурных терминов и реальность, которую они представляли, как бы и кем бы эти термины ни определялись.

Данный труд обращается к широкому кругу тесно связанных сложных вопросов, уже устоявшихся в историографии, которые требуют пересмотра в свете локального исследования, посвященного разночинцам. Некоторые историки могут спросить, как изу-

чение социальной категории, столь незначительной по численности, может затронуть и иногда даже изменить понимание таких разных проблем, как проблема дворянства, интеллигенции, среднего класса, специалистов, великих реформ Александра II, экономического развития, и даже крепостного права. Но ограничивать наше понимание разночинцев статистически определенной социальной категорией было бы глубоко ошибочно. Широкое распространение в историографии темы разночинцев – тот факт, что эта группа появляется в столь разных работах – подчеркивают ее важность для широкого круга глобальных исторических проблем; на деле, сложные вопросы, которые кажутся далекими от явления «разночинцы», могут оказаться тесно связанными с ними. По этой причине нам следует рассматривать разночинцев не просто как конкретный социальный слой, но и как действующее понятие, в процессе развития которого русские определяли и себя, и очертания своего общества.

И в заключение следует отметить, что данное исследование направлено на то, чтобы представить разночинцев как социальную и культурную парадигму. Эта цель, по крайней мере в данном отношении, состоит не в том, чтобы заменить устоявшуюся в современной историографии систему представлений. Источники, тексты и социальные термины, которые служат основой для данной работы, не могут подтвердить ни одно из понятий в устоявшейся или частной «модели». Чтобы понять язык и различные реальности русского общества, чрезвычайно важно рассмотреть ситуацию и ее окружение во всей их нестабильности и неполноте. Действительно, существенный урок «парадигмы разночинцев» относится не к количеству определяемых разночинцев и не к частотности употребляемых терминов: и то и другое может рассматриваться как статистически незначимое. Скорее, данный урок состоит в сдвиге ситуативного и окружающего пространств, которые разночинцы занимали и через которые эта категория соприкасалась, в сущности, с любым элементом русского общества. Именно поэтому невозможно уловить значение понятия «разночинцы» без переосмысления и переопределения многочисленных клише русской социальной истории.

Для того чтобы понять общество, в котором отсутствует принцип равенства перед законом, следует при любом анализе его социальной структуры прежде всего рассмотреть юридические определения, лежащие в основе формального статуса. Хотя формальный статус не всегда адекватен социальным и экономическим реалиям жизни, в действительности он отражает государственную политику. В имперской России большинство законов были не только законодательными актами, устанавливающими юридические нормы, но и административными указами, которые отражали изменения в процессе создания формулировок и социального контроля. Эти законы не могут сказать о том, как правовые определения принимались и изменялись при частном, неправительственном применении, однако они все же отражают официальную реакцию на общественные условия, которые мешали удовлетворительному проведению социальной политики.

В Российской империи формальное социальное положение было следствием создаваемых государством правовых определений, а не как в Европе – традиционных прав и привилегий, которые восходили к периоду феодализма и устанавливались корпорациями или признавались по праву традиции. Это не означало, что традиционная практика в России не играла роли в эволюции институтов и законов; любое внимательное прочтение законодательства имперского периода показывает, что между правовыми определениями и социально-экономическими реалиями шел диалог, в который были вовлечены государственные и политические деятели, сообщества и частные лица. Точная природа этого диалога все еще ждет своего исчерпывающего изучения. Например, соотношение между правительственным регулированием и развитием крестьянской общины остается все еще мало исследованной проблемой; законодательство, регулирующее призыв на военную службу, убеждает, что государственные законы следовали

некоторым, но не всем, традиционным крестьянским обычаям¹. Несомненно, что до 1830 г. не существовало всеобъемлющего законодательства, регулирующего призыв на военную службу. В равной мере, однако, ясно, что крестьянские обычаи и порядки вовсе не соответствовали казенным правилам, которые во многих случаях при выполнении нарушались. Выработка формальных правовых определений, возможно, происходила на самых высших ступенях политической власти, но сами правовые формулировки все же отражали общественное влияние и традиционную практику.

В Российской империи формальный социальный статус включал три основных составляющих: наследственность или происхождение (определяемое по положению отца или мужа), образование (определяемое в соответствии с официально признанными курсами обучения) и занятие (определяемое происхождением, образованием, экономическими, служебными и профессиональными обязанностями)². Каждая составляющая несла в себе целый ряд жизненных случайностей или благоприятных возможностей, включая налоговые и служебные обязательства, права и привилегии, доступ к образованию, к службе и наградам за нее; каждая составляющая также приводила к подчинению какому-то административному ведомству или учреждению, так что, пожалуй, корректнее говорить о принадлежности какого-либо лица к некоему административно-социальному обозначению, чем к социальной категории или группе³. Меж тем, один и тот же человек вполне мог занимать целый ряд формальных положений. Самый известный пример: приписные или торгующие крестьяне эпохи крепостного права, которые законным образом проживали в городах и платили налоги на льготных условиях и как крестьяне, и как формальные члены городского сообщества (посада, позднее — городского общества). Хотя такие крестьяне были приписаны к посаду, они не являлись полноправными его членами, и даже могли оставаться под властью помещика⁴. Другими словами, имелась возможность, будучи крепостным, принадлежать и к посаду, формальное положение торгующего крестьянина отражало скорее административные, а не социально-экономические границы. Подобный же случай с унтер-офицерами, обладавшими особыми правами и выполнявшими единые требуемые службой обязанности; но именно потому, что они происходили из различных социальных сословий, их жизнь и карьерные возможности все же различались⁵. В отставке, например, право занимать определенные должности на гражданской службе зависело не от их послужного списка, а от происхождения.

Переплетение формальных положений, классификаций и определений формировали общество, в котором не было ключевого принципа или набора принципов, последовательно определяющих социальную организацию. Точка зрения Альфреда Дж. Рибера на «седиментарное»^{*} общество допускает постоянство внутрисистемных, перекрывающих друг друга слоев социальной организации, каждый из которых имеет свои собственные характерные черты (чины времен Московского государства, сословия периода империи и классы поздней империи)⁶. Идея сосуществования «осадочных» слоев в социальной конструкции, которые сформировались в разные периоды русской истории и в разных условиях, фактически предполагает сложность социальной структуры. Такое понимание, возможно, объясняет множественность положений, занимаемых отдельными группами или лицами, но оно слишком лаконично и схематично, чтобы объяснить изменчивость и неопределенность, столь распространенные в официальных определениях разночинцев. Конечно, можно возразить, что именно эта изменчивость и двойственность отличает разночинцев от других групп общества, однако пристальное изучение правового применения этого термина показывает, что смешивались и перекрывали друг друга все социальные категории и их типы.

Применение и значение

Термин «разночинцы» появился в правовых и государственных документах, начиная с правления Петра Великого, и исчез в эпоху Великих реформ Александра II и контрреформ Александра III. Правовые источники не содержат точного и замкнутого на себя определения; более того, они дают множество нечетких, на вид несовместимых применений, которые на первый взгляд предполагают, что разночинцев вообще невозможно рассматривать как отдельную группу в обществе. Как следует из самого этого слова, разночинцы ведут свое происхождение от различных состояний и занятий; не было единой категории разночинцев, а, скорее, имелись многочисленные подгруппы, отличающиеся по социальному происхождению, занятию, и даже по формальным юридичес-

* «Седиментарное» общество (*sedimentary society*) — «послойное», «осадочное» общество. Метафорическое применение геологического термина к обществу. Предполагает наслоение и сохранение, подобно осадочным породам, разновременных по происхождению социальных групп в конкретный период времени.

ким правам. Дальнейшее усложнение этой картины было связано с тем, что отсутствовало соответствие между формальным статусом и занятием – широко распространенная проблема в русской социальной истории⁷. Как бы ни старались политические деятели, они так и не сумели ограничить это подвижное скопление человеческих существ, называемое «обществом», официально предписанными социально-экономическими функциями.

При изучении правовых и административных источников прежде всего важно понять, как слово «разночинцы» определяется в данном контексте. В одних случаях оно подразумевало особую социальную категорию или группу категорий, в других – выступало в роли неопределенно широкого термина. Так, указ 1718 г. обозначал разночинцев как группу лиц, относящихся к низшим слоям, которые не были поселянами, а также не были приписаны к податному городскому обществу (посадским)⁸. Подобным образом закон 1720 г. о взимании налога на строительство канала через Ладогу отделял разночинцев от поселян, купцов, однодворцев и коренных жителей окраин, которые платили дань (ясачных людей)⁹. Еще более открытым было законодательство 1736 г., которое применяло данный термин к широкому кругу податных и неподатных групп, работающих на фабриках военного снаряжения. Одна часть этого закона ясно отделяла разночинцев от солдатских детей, крестьян и безземельных крестьян (бобылей), ямщиков, мастеровых людей, купленных холопов, иноземцев и купцов; другая его часть, между тем, использовала данный термин в отношении некоторых категорий крестьян, но не купцов¹⁰. Такое непостоянство в употреблении случалось часто. Указ 1746 г. определял разночинцев как недворянскую группу, которая подлежала подушному обложению, и включал в нее казаков, подьячих, солдатских детей и посадских. Но тот же самый указ одновременно рассматривал разночинцев как отдельную группу, отличную от только что упомянутых¹¹. В постановлении 1756 г., разрешавшем семинаристам поступать в Медицинско-хирургическую академию, также предполагался наследственный статус, когда это затрагивало проблему недостатка студентов, которые были или иноземцами, или разночинскими детьми¹².

Законодательство XVIII – начала XIX в. о правах владения крепостными также представляло разночинцев как идентифицируемую категорию, отличную от купцов, горожан, членов ремесленных цехов (цеховых), крестьян, ямщиков, класса низших служащих или мелких служащих (архиерейских слуг, детей боярских), казаков, евреев и других неправославных лиц (иноверцев)¹³.

Подобным образом, в одном из законов 1775 г. разночинцы составляли отдельную категорию податного населения, подвластного Астраханскому городскому магистрату. Вследствие того, что население Астрахани состояло из значительного числа мигрантов, неудивительно, что разночинцы, среди которых было много беглых крестьян, сформировали отдельную общественную страту. Правительственная политика разрешала беглым оставаться в этом районе ради увеличения русского поселения, что предполагает связь между феноменом разночинцев и необходимостью укреплять империю. И все же налоговый статус лиц, входящих в эту категорию, мог быть разным: в зависимости от занятия некоторые разночинцы приравнивались к купцам, а другие – к государственным крестьянам¹⁴. Законы постоянно рассматривали разночинцев как отдельную социальную категорию, отличную от знати, крестьянства и зарегистрированных жителей городских сообществ (т.е. купцов, горожан и членов ремесленных цехов)¹⁵. В то же самое время, непостоянство состава данной категории объясняет, почему разночинцы зачастую определялись «негативно», методом исключения. Так, при изучении групп, которые не были отнесены к разночинцам, не удается получить ясного представления о том, кто точно был приписан к данной категории.

Самое раннее позитивное определение относится к указу 1724 г., в котором разночинцы точно определялись как штатские служащие низшего ранга, наемные служащие в административных учреждениях и наемные служащие Двора и конюшен (т.е. секретари и подьячие, вплоть до положения подканцеляриста, а также «подлые» служители дворцовые и конюшенные)¹⁶. В тот же год другой указ дополнительно включал в их число отставных драгун, солдат и матросов, которые не платили подушную подать; также в нем указывалось, что разночинцами являются городские жители, которые не были купцами, но которые все же приписаны к цехам или к посадам¹⁷. Это сравнительно точное определение было в употреблении и в XIX в., хотя перечень, определяющий группы разночинцев, иногда все же оставался открытым и завершался словами «и прочие». Так, указ о банкротстве 1800 г. упоминал разночинцев как «низших придворных, статских и отставных воинских служителей и прочих», кто не был причислен к купеческому торговому состоянию, но мог давать и брать займы на тех же самых основаниях, что дворянство и чиновничество¹⁸. Издание Свода законов 1857 г., в котором можно было бы надеяться найти точную характеристику, воспроизводило имеющуюся правовую путаницу: сначала разночинцы определялись как городские

жители, хотя и не *bona fide* «граждан» городов, а затем перечислялись точно те же категории, которые упоминались в указе о банкротстве 1800 г.¹⁹. Включение в эту категорию отставных солдат подтверждало все еще свободное и полупривилегированное положение ее членов, принадлежащих к низшим слоям. Кроме того, хотя эти документы устанавливали особые группы лиц как разночинцев, все же они оставляли определение открытым, используя этот термин вообще, в смысле «разные другие чины, категории и группы».

Отсутствие точных правовых границ разночинных подгрупп соответствовало еще одному неопределенному применению, в котором использовались негативные социальные определения и идентификация. Во многих текстах термин «разночинцы» указывал на положение чужака любого типа, т.е. он применялся к людям, которые не являлись формальными членами общества или принадлежали к категории с неясным статусом. Самое первое правовое упоминание разночинцев в указе 1701 г. о юридическом судопроизводстве, связанном с церковными чинами, определяло их методом исключения, как лиц, которые не находились под властью церковного ведомства (Патриаршего духовного приказа)²⁰. В течение XVIII в. городские жители, которые не были зарегистрированы как купцы или посадские, попадали под рубрику разночинцев²¹. Другие законы XVIII и XIX в. использовали данный термин по отношению ко всем недворянским группам, которые не имели права владеть крепостными²². Похожее применение было и в указе 1755 г., которым создавался Московский университет «для дворян и разночинцев» с двумя подготовительными гимназиями: «одной для дворян и другой для разночинцев, за исключением крепостных»²³. В этом указе под разночинцами понимались просто люди недворянского происхождения²⁴. В дальнейшем ситуация осложнилась еще больше, так как некоторые указы XVIII в. называли разночинцами даже крестьян, противопоставляя их купцам²⁵. И наконец, в середине XIX в., Свод законов сделал ссылку на разночинцев как лиц, которые не принадлежали формально к какому-либо обществу; такие люди, если они не имели родственников, которые согласились бы их поддерживать, должны были быть отданы на попечение приказа Общественного призрения, созданного Екатериной²⁶.

Ясно, что никогда не существовало точного перечня категорий, охватывающих разночинцев. Юридические примеры, приве-

* *Bona fide* (лат.) — добросовестные.

денные здесь, могут быть многократно умножены. Использование термина менялось в зависимости от политических целей при создании закона, и, таким образом, зачастую казалось, что отсутствует его объективная основа, хотя в некоторых самых ранних законодательных актах термин «разночинцы» включал ряд социальных категорий Московского государства, которые постепенно исчезали в формальном праве, и в таком, относительно ограниченном применении также отсутствовало постоянство. Категория разночинцев как самое широкое понятие в архаичных терминах Московского государства представляла собой только один аспект общего феномена. Как и понятие «интеллигенция», термин «разночинцы» не может быть определен адекватно без ссылки на контекст его применения²⁷. Кроме того, законодательство, связанное с владением крепостными, показало, что и в дальнейшем продолжалось использование ярлыка «разночинцы» применительно к очень широкой категории, – однако с самыми различными значениями.

***Н**алогообложение и подчинение административным ведомствам*

Первые попытки государства определить разночинцев возникли из-за необходимости подчинить различные группы в обществе административным ведомствам, для того чтобы облегчить соби- рание налогов, исполнение служебных обязанностей и управление в широком смысле контроля полицейского государства²⁸. Историки давно уже оценили исключительную важность подушного налогообложения в определении русской социальной структуры и, таким образом, определили введение Петром Великим подуш- ной подати как важнейший шаг в развитии имперских социальных категорий. Начиная с середины XVII в., многочисленные чины Московского государства начали объединяться в большие груп- пы, называемые «состояния» или «сословия»²⁹. Введение подуш- ного налогообложения ускорило этот процесс, дав новые соци- альные определения действующим в Московском государстве чинам, установив ясный критерий для отделения немногих при- вилегированных от многих непривилегированных и заставив вла- сти попытаться точнее и аккуратнее регистрировать потенциаль- ных налогоплательщиков³⁰.

Законодательство с начала XVIII в. определяло разночинцев как низшую социальную податную категорию и в городском, и в сельском обществе. Оно признавало обособленность разночинцев,

даже если они проживали внутри податной городской общины (в посаде, в противоположность неподатной слободе) или принадлежали к цеху, и хотя оно не считало их формальными членами общин, все же стремилось обложить их налогами как таковых³¹. И действительно, разночинцы могли быть включены в ревизские сказки, даже если они не принадлежали к посаду или цеху³²; в то же самое время такие группы, как отставные солдаты и государственные служащие, также относимые к разночинцам, в большинстве случаев оставались неподатными.

Служебные обязательства разночинцев вновь и вновь определяли их как группу низшего класса. Указ 1755 г. устанавливал, чтобы сельские разночинцы в Сибири выполняли те же самые податные и военные обязанности, что и государственные крестьяне. Здесь этот термин применялся по отношению к жителям, которые не являлись ни государственными крестьянами, ни ямщиками³³. Более раннее законодательство, говоря о вологодских разночинцах, также упоминало их обязанность выполнять государственные работы, хотя оно освобождало формально признанных мастеровых, если их специальные навыки требовались где-либо еще³⁴. И наконец, правила продвижения по военной и гражданской службе определенно уравнивали разночинцев и крестьян. Разночинцы не только отличались от дворянства, но также и от вольноопределяющихся, чьи права по службе обеспечивали им место между дворянской элитой и податным населением³⁵. Правовой и фискальный статус разночинцев в XVIII–XIX вв. почти не оставлял сомнений в том, что правительство рассматривало их как группу из низших социальных слоев³⁶.

Законы, вводившие подушную подать, определяли некоторые категории разночинцев следующим образом: бывшие кабальные люди, которые служили у помещиков; люди, проживающие на неподатных землях в Москве и работающие как наемные слуги (включая крестьян, которые могли быть приписаны к помещикам); фабричные рабочие, из солдатских детей или «подлых» дворцовых служителей. Все эти группы должны были быть приписаны или к городской общине, или к крестьянам, или отправлены на службу в армию³⁷. Трудный процесс определения разночинцев как податного сословия продолжался во второй половине XVIII в. Указы 1732, 1737, 1743 и 1744 г. приказывали местным властям приписывать к посадам или к цехам или посылать в армию любого подходящего разночинца, который не был зарегистрирован в ревизских сказках³⁸. Указ 1732 г. предусматривал пересчет, положение и местонахождение таких лиц. Сюда включались низшие штат-

ские чины и военнослужащие, а также их дети, которые не состояли на действительной службе или чье число превышало установленный законом предел; дети офицеров (недворянского происхождения); кабальные слуги и кабальные малолетние по достижении ими пятнадцатилетнего возраста; дети богоделенных нищих; палачи и их дети; однодворцы, городовые дворяне, копейщики и рейтары³⁹; мастерские, подмастерья и рабочие фабрик, крепостей и лесопилок; польские крестьяне иммигранты; каменщики и их дети; сибирские скорняки; рабочие Монетного двора; беглые монастырские крестьяне.

Закон также предписывал местным властям установить, не отнесены ли отдельные лица не к тем категориям и, таким образом, по ошибке не включены в ревизские сказки. Среди них могли быть отдельные лица и их дети, приписанные к разным сословиям: дворяне; рейтары; низшие военные чины, находящиеся в отставке или во временном отпуске; отставные мастерские и их дети; фабричные рабочие, бывшие солдатские дети, приписанные к посаду, или крестьяне; малолетние, чей возраст и состояние неизвестно; новорожденные дети; «подлые» дворцовые служители; архиерейские, дети боярские. И, наконец, отмечая, что мастерские Московской типографии и их дети были уже приписаны, Сенат приказал чиновникам проверить положение лиц, работающих в мастерской и Оружейной палате. Указ от 1732 г. выявил путаницу, связанную с введением подушной подати. Правительство хотело увеличить число налогоплательщиков насколько это было возможно и, в частности, выискивало тех, кто был не внесен в ревизские сказки; в то же самое время некоторые категории разночинцев оставались официально неподатными, тем самым подрывая, по-видимому, ясное назначение подушной подати как показателя социального положения⁴⁰.

Указания для проведения новой ревизии, изданные в 1743 г., показали, что проблема переписи разночинцев сохранялась⁴¹. Здесь данный термин применялся к ряду категорий, которые правительство хотело зарегистрировать, исключая купцов и крестьян; отдельные группы, названные наряду с неточно определяемыми разночинцами, как подлежащие службе в армии, включали однодворцев, татар и ясачных. Этот закон называл все эти категории разночинцами, отделяя их от купцов и крестьян⁴². Помимо этого, в нем указывалось, чтобы все, не приписанные к общинам элементы, т.е. разночинцы, люди незаконного происхождения, а также освобожденные крестьяне, кто был занят в торговле или ремесленном производстве Санкт-Петербурга или принимал

участие в государственных проектах, таких, как строительство Кронштадтского и Ладожского каналов, были приписаны к какому-либо помещикам, к ремесленным цехам или городским общинам или посылались в армию⁴³. Те, кто признавался негодными для службы или членства в общине, селились в стратегически важном пограничном городе Оренбурге, на государственных фабриках, а того, кто не мог трудиться, отправляли в богадельни. Однако до того как предпринять какие-либо действия, власти должны были выявить, не является ли кто из таких разночинцев беглыми крестьянами или служилыми людьми, каковых следовало вернуть на прежнее место жительства. Используя термин «беглые», эти указания не только предполагали возможное происхождение некоторых разночинцев, но также демонстрировали невозможность ограничить все население социально-административными рамками, предписанными законом. Развивающиеся в русском обществе торговые и ремесленные потребности и возможности, включая найм на казенные предприятия, подрывали правовые формальности, столь необходимые для эффективного контроля.

В Указе Сената 1747 г. была обозначена иная причина неспособности государства реализовать свою цель – «дабы ни один без положения не остался»⁴⁴. Податные городские общины и ремесленные цехи под руководством городского магистрата или ратуши отказывались принимать в свой состав разночинцев, которые были очень бедны и не могли нести груз податного бремени. По этим причинам городские разночинцы в Смоленской, Казанской и Нижегородской губернии, хотя и записывались в ревизские сказки, но не подпадали под власть местного городского управления. В Смоленске они оказались под властью губернской и воеводской канцелярий, а в Казани и Нижнем Новгороде вообще не были зарегистрированы в каком-либо ведомстве (команде)⁴⁵. В этом конфликте между центральными и местными властями обычно находят убедительное доказательство традиционных предположений о пагубных экономических последствиях, вызванных налоговой политикой. Хотя этот закон не дает оснований для таких предположений, весьма вероятно, что местные власти просто изгоняли экономически несостоятельных людей, тем самым продолжая воспроизводить новых разночинцев⁴⁶. Какие бы экономические факторы ни были бы здесь задействованы, ясно, что в середине века процесс административного подчинения был еще очень далек от своего завершения.

Накануне созыва Уложенной комиссии церковь и армия продолжали порождать свободные социальные элементы, которые

государственные власти считали частью податного населения⁴⁷. Эти элементы включали разнообразные церковные, военные и казацкие чины с детьми, которые или не состояли на действительной службе, или по закону находились вне ее. В большинстве случаев отставные солдаты и их дети, родившиеся у них в период действительной службы, должны были быть исключены из податного населения⁴⁸. Одним из последних источников пополнения категории разночинцев, упоминаемых в указе 1767 г., были иностранцы, активная экономическая деятельность которых привела их в Россию; те, кто принял православие, хотя и не их дети, оставались неподатными, в то время как все другие платили налоги по той же самой ставке, что и мещане (мещанский оклад)⁴⁹. В своем стремлении консолидировать империю правительство также умножало число разночинцев, разрешая беглым крестьянам официально приобретать этот статус⁵⁰. Противоречивые цели государственной политики, таким образом, помогали сохранять открытыми социальные границы, которые, в свою очередь, хорошо служили государственным нуждам расширения империи.

Важность проблемы здесь заключается не в том, чтобы попытаться разрешить нерешаемую задачу идентификации любой небольшой социальной категории, которая в ряде документов рассматривалась как разночинная, но в том, чтобы показать, как в течение XVIII–XIX вв. власть была вовлечена в сложный процесс определения того, какие социальные группы подлежат налогообложению, а какие являются неподатными. И по мере развития этого процесса широкий ряд свободных или незарегистрированных социальных элементов рассматривался как разночинцы. Подавляющее большинство жителей России попало в податное население, но наличие лиц с неопределенным статусом демонстрировало относительно подвижный, недетерминированный характер определения социального положения в течение всего имперского периода. Показательно, что разночинцы включались и в податное, и в неподатное население. Помимо этого, цель регистрации была не только чисто фискальная; столь же важным было желание подчинить обособленные группы общества различным административным ведомствам. Вопрос ведомственного подчинения являлся очень существенным, ибо это было единственным средством в осуществлении реального управления некрепостным населением. Разночинцы, в этом отношении прямо определяемые как лица под властью различных ведомств, всегда порождали сложности, так как их ведомственное подчинение могло различаться, а иногда было неясным или неопределенным⁵¹.

Производственное развитие и определение правовых границ

Одним из главных источников путаницы при определении социальных категорий являлась уже упомянутая напряженность между фискально-правовой политикой государства и экономическим развитием общества. В то время как налоговая и регистрационная политика были направлены на определение социальных границ, экономическое развитие и собственные правительственные образовательные потребности активно их стирали. Эта путаница хорошо отражена в предполагаемой, но не всегда реальной исключительности дворянских прав. Как и в случае с подушной податью, отличие между дворянством и простолюдинами было решающим фактором для определения социального статуса (хотя неустойчивость статуса обычных дворян была хорошо известна). Источники изобилуют случаями, когда люди не получали официального подтверждения своих притязаний на дворянские привилегии⁵². Менее известна обратная ситуация, когда люди, прежде платившие подушную подать, ухитрились быть незаконно занесенными в списки дворян, получив тем самым право не платить налоги. Так, указ Сената 1746 г. наставлял местные власти Сибири вернуть в податное сословие многочисленных разночинцев, которые по ошибке получили дворянский статус (дворяне и дети боярские) по приказу губернатора⁵³. Данный случай демонстрирует только то, какими прозрачными все еще оставались границы между формальными социальными категориями.

Относимая к парадоксам дворянских привилегий, но более важная как показатель того, что необходимо отделять производственное развитие от фискальной политики, практика использования труда крепостных людьми недворянского происхождения продолжалась. Начиная с 1730 г. и далее, запрещалось приобретать без недвижимого имущества холопов, монастырских слуг и работников, а также крестьян⁵⁴. После 1739 г. служащие (офицеры, драгуны, солдаты, архиерейские слуги, дети боярские и т.д.), которые не владели недвижимостью, теряли право приобретать вольных людей, хотя им все еще было разрешено владеть крепостными. Затем один из законов 1746 г., имеющий обратную силу, запретил покупку крепостных с землей или без земли архиерейским и монастырским слугам, боярским людям и крестьянам; лицам, зарегистрированным как купцы или в ремесленных цехах; а также казакам, ямщикам и различным разночинцам, которые были

записаны в ревизские сказки⁵⁵. В соответствии с отчетом, представленным на рассмотрение Сената, большое число лиц из недворянских групп приобрело крепостных и зарегистрировало их во время первой ревизии 1723 г., в некоторых случаях они владели целыми деревнями и частными поместьями⁵⁶. Те, кто теперь считался не имеющими права владеть крепостными, были архиерейскими и монастырскими слугами, детьми боярскими и разночинцами, которые сами были частью податного населения и тем самым не признавались дворянством, так же, как и казаки, ямщики, купцы, посадские, казенные кузнецы и подьячие. Крепостные, статус которых находился под сомнением, являлись бывшими ссыльными, отставными солдатами и городовыми разночинцами, расселенными на свободных землях, а также казенными или помещичьими крестьянами, проданными своими господами. Вне зависимости от их происхождения, эти крепостные должны были быть перерегистрированы как разночинцы, посадские, члены ремесленных цехов, казенные крестьяне, помещичьи крепостные или фабричные. К середине века политика, которая с точки зрения права исключала простолюдинов из числа владельцев крепостных, была уже ясно обозначена, но далека от завершения.

Только во второй половине XVIII в. эти запреты были действительно строго установлены. Законодательство 1754 и 1758 г. недвусмысленно запрещало лицам недворянского статуса приобретать населенные имения или владеть ими. Закон 1758 г. также указывал, что штатским и военнотружущим недворянского звания более не позволялось покупать отдельных крепостных, хотя они могли сохранять крепостных, которыми уже владели, при условии своевременной оплаты всех необходимых налогов. В противном случае, крепостных следовало возратить помещикам⁵⁷. В наказах Уложенной комиссии, подаваемых купцами, приказными служащими низших чинов и канцелярскими служащими, их авторы просили отменить последние ограничения и по поводу отдельных крепостных, и целых деревень, продемонстрировав этим, что власти действительно направили свое внимание на них⁵⁸. И, наконец, в законодательстве 1762 г., запрещавшем покупку крепостных фабрикантами, а также в Жалованной грамоте дворянству Екатерины Великой были приняты дополнительные меры по расширению исключительных привилегий дворянства, включая право владеть крепостными⁵⁹. Тем не менее еще в 1828 г. – уже после всеобщего запрета 1812 г. покупать крестьян без земли – Сенат снова был вынужден прояснить этот вопрос, заявив, что запрещение 1758 г. касалось и отдельных крепостных без земли, и

целых деревень⁶⁰. Несомненно, что к концу XVIII в., поскольку государственные законы и институты постепенно приводились в порядок, разнообразие чинов Московского государства, которое так затрудняло официальные попытки провести социальные границы на основании закона, порождало меньше проблем, по крайней мере в отношении крепостных и дворянства. Более строгие определения сократили число подкатегорий с точки зрения формальных прав и обязанностей; тем не менее повсюду в обществе, и в частности на среднем его уровне, границы, разделяющие социальные категории, оставались подвижными. Дворянский статус во многих случаях продолжал определяться субъективно и спорно. Так, при подсчете населения в первой половине XIX в. полиция Санкт-Петербурга не смогла отделить чиновников-дворян от чиновников-простолюдинов⁶¹; в то время как закон ограничивал пожалование дворянства через службу, они включали всех классов чиновников в категорию знати⁶².

Действия правительства по удовлетворению его собственных фискальных нужд, столь ярко выраженные в налоговых предписаниях указа 1758 г., показывали, что «право» владеть крепостными было не менее удобным способом управления, чем любая другая исключительно дворянская привилегия. Еще в 1847 г., почти накануне освобождения крестьян, центральные власти все еще считали нужным издавать законы, которые регулировали положение незаконных держателей крепостных и штрафовали их разночинных (т.е. незнатных) владельцев. Под «разночинцами и другими», кто незаконно владел крепостными, имелись в виду купцы, мещане, личные дворяне, канцелярские служители и церковники. Принадлежавшие им «крепостные» могли обратиться с прошением об освобождении к местным властям, несмотря на то, что их «господ» ожидали штрафы. Будучи освобожденными, такие «крепостные» и их семьи становились казенными крестьянами, если они владели землей, или вступали в какую-либо податную городскую категорию⁶³. Все более жесткие карательные меры показывали упорную живучесть этой проблемы. Реформа уголовных норм 1845 г. предписывала, что, кроме уже действующих штрафов, незаконные владельцы крепостных не должны получать компенсацию за потерю «собственности» и даже могли быть посажены в тюрьму на срок от трех до шести месяцев. Более того, лица, которые незаконно считали себя дворянами, также должны были нести наказание за лжесвидетельство по всей строгости закона⁶⁴. Двумя годами позже процедура передачи на рассмотрение прошений, необходимых для освобождения от незаконного хозяина, упрощ-

тилась⁶⁵. Понятно, что правительство имело намерение лишить всех лиц недворянского статуса труда крепостных, но, пытаясь разрешить то, что являлось по существу таким экономическим феноменом, как фискально-правовой вопрос, устранить злоупотребления государственная политика не могла.

В действительности собственная политика правительства прямо содействовала незаконной практике. Законодательство разоблачило несколько причин, способствующих эксплуатации труда крепостных простолюдинами. Поскольку такое случалось часто, фискальные нужды государства подрывали его собственные намерения. По указу 1836 г. личные дворяне и другие, кто не имел права владеть крепостными, но кто мог приобрести крепостных путем наследования, получали компенсацию за свои потери после освобождения таких крепостных⁶⁶. Лица, освобожденные в этих случаях, должны были платить дополнительные налоги, чтобы эту компенсацию покрыть, — лицемерная политика, которая позже повторится в выкупных платежах в период освобождения крестьян. Невозможно установить ту степень, до которой эти обязательства отбивали охоту у людей подавать прошения ради обретения свободы. Некоторые, конечно, искали и добивались освобождения, но в целом такие дополнительные налоги могли служить сдерживающим средством. Не удивительно, что государство было больше заинтересовано в решении фискальных проблем, чем в защите дворянских прав.

В то же время недворянская собственность на труд дворовых также было связана с официальной политикой, которая одновременно поощряла и ограничивала социальную мобильность. В «Табели о рангах» Петр Великий открыто связал аноблирование с чином по службе. В течение всего имперского периода люди из низших классов имели, по крайней мере, теоретическую возможность добиться формального социального продвижения благодаря военной и штатской службе. Возрастающие военные и административные нужды требовали все большего числа новых специально подготовленных, технически образованных профессиональных кадров, помимо тех, которые по традиции поставляла образованная элита. Казенные школы пытались обеспечить необходимые ресурсы; к первой половине XIX в. образование играло в определении социального статуса все возрастающую роль — роль, которая отразилась в требованиях при поступлении на службу и в правилах производства в чин на военной и гражданской службе.

Одновременно с тем что правительство стремилось улучшить качество исполнения служебных обязанностей обещанием соци-

ального продвижения, оно также было озабочено притоком простолюдинов в дворянскую элиту и поэтому прилагало усилия, направленные на ограничение аноблирования⁶⁷. Этим целям служило распространение статуса личного дворянина на большее число людей. В XVIII – в начале XIX в. лица, которые получили восьмой чин по штатской службе и четырнадцатый по военной, получали потомственное дворянство. После 1785 г. (а возможно и ранее) те, кто имел чин ниже восьмого, на штатской службе получали личное дворянство; т.е. они лично, но не их дети, имели права дворян, включая право владения крепостными и поместьями. С 1845 г. и далее потомственный дворянский статус получали только по достижении пятого чина по штатской службе и восьмого по военной, таким образом, возросло число личных дворян и их отпрысков⁶⁸. Положение личного дворянина также стало менее привилегированным. В соответствии с законодательством 1814 г. личным дворянам в будущем запрещалось приобретать крепостных, хотя было позволено сохранить тех, которыми они уже владели. От их детей, которые сами не получили чина, дающего дворянство, и которые потому принадлежали к сословию разночинцев, требовалось продать всех крестьян или дворовых, полученных ими по наследству от потомственных или личных дворян⁷¹. Ясно, что сложные, определяемые государством процессы социальной мобильности в данном случае работали на то, чтобы внести свой вклад в феномен незаконного владения крепостными.

К концу 30-х годов XIX в. даже дворянам, которые ранее непреднамеренно приобрели крепостных из рук незаконных владельцев, запрещалось оставлять их в своем владении⁷⁰. Это привело к тому, что стали проводиться сложные и длительные расследования, связанные с горожанами, которые уже приобрели населенные крестьянами имения на имя какого-то дворянина⁷¹. Так, например, сын мещанина наследовал поместье, но некоторые из крестьян ушли к его сестре, которая вышла замуж за дворянина, а несколько крестьян было продано другим дворянам и простолюдинам. Такой случай наглядно показывает наличие коррупции и сговора в среде местных чиновников, знатных помещиков и простолюдинов, стремящихся подняться вверх по социальной лестнице. Так же важно то, что этот случай демонстрирует ту степень, до которой сделки, связанные с материальными ценностями и торговлей, ставили под сомнение административно-фискальную политику государства, подрывая тем самым формальные социальные границы. Таким образом, любой преуспевающий мещанин, способный купить населенные крес-

тьянами имения, также мог надеяться выдать свою дочь замуж за местного дворянина⁷².

Феномен незаконного владения крепостными людьми недворянского звания заставляет признать необходимость отличать производственное развитие от экономических аспектов налоговой политики. Тенденции экономического развития, включая обеднение знати, давали твердую почву для незаконной эксплуатации труда крепостных. Законодательство XVIII в. – свидетельство того, что даже после решительного укрепления административного механизма свободно перемещающиеся наемные работники продолжали избегать формальной регистрации. В условиях недостатка трудовых ресурсов эта группа населения, включающая беглых и лиц с недействительными паспортами, удовлетворяла особым экономическим потребностям или даже подвергалась незаконному закрепощению за долги. В целом правительство старалось разыскать беглых, но главным его делом было обеспечить уплату налогов⁷³. Широко известен феномен крепостных торговцев и наемных работников, отпущенных на поиски работы их же общинами; менее очевидна та степень, до которой само дворянство было вовлечено в такие противозаконные экономические отношения. В 1816 г. обсуждение в Государственном совете показало, что множество разночинных элементов, включая собственно разночинцев⁷⁴, купцов, мещан, членов ремесленных цехов, иноверцев, евреев и татар, приобрели так называемых христианских крепостных у знати в заклад за долги. Государственный совет был обеспокоен тем, чтобы разночинцы в дальнейшем не пользовались такими уловками ради привилегий, сохраняемых за дворянством⁷⁵. Соответственно, постановления, изданные в следующем году, запрещали дворянству закладывать крепостных без земли или заключать связанные с трудом крепостных финансовые сделки с разночинцами, которые управляли их имениями. Этот закон действительно разрешал проживать крепостным совместно с разночинцами на временной основе ради образования или обучения, тем не менее соглашения, которые были достигнуты на других условиях до появления новых правил, должны были быть прекращены⁷⁶. Правительство терпимо относилось к тому, что труд крепостных эксплуатируется простолюдинами ради конкретных целей, пока такая эксплуатация не переходила в постоянное владение.

Законодательство 1823–1824 гг., которое еще больше ужесточало нормы 1816 г., выявило, что власти действительно преследовали цель исключить всякое использование труда крепостных разночинцами, – цель, согласующуюся с другими мерами, пред-

принятыми в правление Александра I по ограничению крепостничества в целом. Закон 1823 г. требовал от местных властей пересмотреть сделки между дворянами и разночинцами (т.е. лицами, не имеющими дворянских прав), касающиеся использования труда крепостных; им разрешалось использовать крепостных как наемных рабочих на основе имеющихся постановлений или как платных подмастерьев, зарегистрированных в качестве членов ремесленных цехов. Ни под каким видом разночинцы не могли покупать крепостных или эксплуатировать их труд без оплаты. Еще один новый закон, признавая, что, несмотря на все запреты, приказные служители и церковники продолжали приобретать крепостных у дворян, был еще одной попыткой исключить незаконное использование труда крепостных⁷⁷. Пойдя еще дальше, законодательство 1824 г. позволяло «разночинцам и другим лицам, права дворянского не имеющим», нанимать крепостных только «на воспитание или в учение»⁷⁸.

Соответствующие указы 1825, 1828 и даже 1847 г. свидетельствовали, что незаконное использование труда крепостных продолжает сохраняться. Не только крепостные переходили от дворян к разночинным мастерам/нанимателям, но разночинцы владели крепостными по наследству от имени дворян и эксплуатировали их труд без оплаты, пользуясь щедростью знатных родственников и знакомых⁷⁹. В то же самое время, пока правительство стремилось укрепить сословные границы, ограничивая аноблирование, отдельные дворяне продолжали заключать частные (и незаконные) экономические сделки, которые подрывали исключительность дворянского статуса. Ясно, что в среде простых дворян экономическая выгода или потребности имели приоритет над формальными привилегиями. Крепостные, которые участвовали в национальном рынке, могли привнести в экономику поместья наличные средства или профессиональные навыки, ибо для «разночинцев и других лиц, не имеющих прав дворянства», доступ к труду крепостных являлся важным источником людской силы в условиях ее дефицита, который повышал плату за наемный труд. Поэтому в своих наказах Уложенной комиссии купцы и бюрократы низших чинов настойчиво требовали права владеть хотя бы несколькими крепостными; они доказывали, что «свободный» труд был для них очень важен, чтобы они могли должным образом исполнять свои служебные и профессиональные обязанности.

В то время как экономические отношения обнаруживали брешь между административно-фискальными категориями и общественным развитием, профессиональное разнообразие также вело к

стиранию социальных различий, даже во времена крепостничества. Стоит только посмотреть на ограниченное законодательство, прямо связанное с разночинцами, чтобы понять невозможность экономически определить эту социальную группу. Несмотря на формально низкий социальный статус, разночинцы сильно отличались друг от друга. Одни – зависели от неквалифицированного труда (черной работы) или даже просили подавание, хотя предполагалось, что те, кто не имеет работы или поддержки родственников, направляется в армию, на фабрики или в церковные богадельни⁸⁰. Другие, кто владел соответствующими навыками и ресурсами, становились горожанами или матросами на грузовых судах⁸¹. Не удивительно, что местные общины неохотно регистрировали обедневших лиц, неспособных платить тяжелые подати и нести служебные обязанности. Напротив, центральные органы управления, всегда пребывая в страхе от возможной потери налогоплательщиков, обычно старались приписать разночинцев, которые не были еще зарегистрированы у землевладельцев, к городским общинам, где бы те нашли хотя зачастую и незаконную, но доходную работу⁸². Добиваясь этого, правительство пыталось примирить фискально-правовые определения с экономическими реалиями.

С середины XVII в. государственное законодательство уже связывало с формальным социальным положением; эта цель, обнаруживаемая в законодательстве и соответственно в городских наказах Уложенной комиссии, была одновременно и фискальная, и административная. Например, еще в 1699 г. правительство ограничило особые зоны торговли и ремесленного производства для купцов или посадских⁸³. Вследствие того что население городов, не записанное в посад, часто избегало налогов и казенных служб, оно несправедливо приобретало экономические преимущества⁸⁴, поэтому правительство старалось ограничить их профессиональную деятельность, а также облегчить ведение налогового учета для признанных законом социальных категорий. Начиная с 20-х годов XVIII в., власти Санкт-Петербурга налагали ограничения на владение собственностью и передвижение в зависимости от социального происхождения. Закон 1724 г. запрещал чиновникам низших рангов и слугам на военно-морском флоте и в Адмиралтействе, признанным разночинцами, владеть домами на Адмиралтейской стороне; вместо этого они должны были строиться на Васильевском острове⁸⁵. Точно так же в 1735 г. Сенат повелел открыть в Петербурге новое рыночное место для разночинцев, отделив их лавки от купеческих и ограничивая их дело теми товара-

ми, которыми не торговали купцы. Разночинцам была позволено заниматься купеческим промыслом только в том случае, если не было купцов, которые занимались тем же⁸⁶. Тенденция, направленная на все большие ограничения в зависимости от профессионального статуса, продолжала развиваться. В 1754 г. купцы Санкт-Петербурга получили исключительное право перевозить товары между столицей и Кронштадтом; инородцы, купцы из других городов, разночинцы и крестьяне должны были продать им все транспортные суда, которыми они владели⁸⁷. По сравнению с такими прямо сформулированными ограничениями в городских наказах Уложенной комиссии очень часто говорилось о том, что лица, не имеющие купеческого статуса, продолжают посягать на купеческий промысел. Повторим еще раз: экономическое развитие преодолеvalo все формальные правовые границы.

Жалованная грамота городам Екатерины Великой 1785 г. представляла собой кульминацию по введению профессиональных ограничений, основанных на социальных категориях⁸⁸, хотя экономические условия и даже административные потребности вновь и вновь подрывали желаемую симметрию. Несмотря на известное соревнование между купцами и крепостными торговцами, которое продолжалось до освобождения последних, эти две группы сотрудничали в своих делах⁸⁹. Для лиц, которые не смели надеяться на реальное социальное продвижение в виде аноблирования, правовые и экономические привилегии представляли выгодную альтернативу. Так, Жалованная грамота городам разрешала новой категории – именитым горожанам – заниматься деятельностью ранее исключительно купеческой⁹⁰. По указу о банкротстве 1800 г. разночинцам было позволено занимать и давать деньги в долг на той же самой основе, что дворянству и чиновникам; тем самым они составили сравнительно привилегированную группу. Разночинцы (определяемые здесь как отставные военнослужащие низших чинов и штатские служащие), их вдовы, жены, а также незамужние дочери солдат действительной службы откровенно нуждались в дополнительном источнике дохода⁹¹. Соответственно, законодательство 1824 г. позволяло вдовам разночинцев, а также солдатским женам и дочерям заниматься деятельностью, разрешенной мещанам (или посадским); они могли продавать или производить любые товары, хотя как лавочники они были ограничены продажей только тех товаров, которые сами или члены их семьи производили при помощи не более чем трех слуг⁹². Очевидно, что не существовало абсолютных обязательств по отношению к профессиональным ограничениям, основанным на социальном

происхождении, в частности, когда формальная община не предоставляла равноценную экономическую помощь или когда возрастала нужда в социальной благотворительности.

Несмотря на официальные намерения, самодержавие, которое не имело в полной мере сформированных институтов, не могло навязать профессиональные ограничения даже мелким торговцам. Более того, основная забота государства заключалась не в частном экономическом вмешательстве, а в том, чтобы «чужаки», которые не были формальными членами местных общин, не избежали бы административного контроля и тем самым не уклонились бы от налогов и служебных обязанностей. В то время как центральные власти пытались приписать «чужаков» к общинам, в которых они проживали и работали, местные власти предпочитали ограничиваться строгим принуждением лиц, которые не выполняли общественных обязанностей. Самое последнее, о чем мечтали общины, так это о дополнительном налоговом бремени, которое могли бы принести новые члены, неспособные платить свою долю. Законодательство 1832 г. разрешило такой конфликт, с одной стороны, облегчив для государственных крестьян и свободных лиц любого положения регистрацию в любой городской категории, а с другой – предоставив формальным общинам на пять лет налоговые льготы по выплате податей такими новыми членами⁹³. Пока реальная регистрация не была проведена, власти все же требовали, чтобы разночинцы и даже дворяне, которые владели недвижимостью в городах, платили налоги и выполняли служебные обязанности на той же самой основе, как и «настоящие городские обыватели» (как-то: гильдейское купечество, мещане и цеховые)⁹⁴. Движущей силой, стоящей за регистрацией и профессиональными ограничениями, оставалась сила административная.

Имеется большое число документов, свидетельствующих о широком распространении экономической, социальной и географической мобильности, которая сформировала столь изменчивый и чрезвычайно пестрый образ имперского русского общества⁹⁵. Фактически на всех его уровнях экономические отношения разрушали формальные социальные границы. Низший слой предпринимателей, который так легко пересекал широкие, самые разнообразные просторы империи; незарегистрированные торговцы, ремесленники и работники, которые были так заметны в городах; городские «жители», которые нелегально проживали в сельской местности (и чьему присутствию противостояли крестьяне); экономические взаимоотношения (законные и незаконные), ко-

торые объединяли дворян, купцов, крестьян и разночинцев, – все это представляло общество, где социальные границы легко преодолевались и где ни принадлежащим к элите дворянам, ни людям низкого происхождения не было нужды волноваться из-за умаления своего статуса⁹⁶. Владение крепостными не обязательно означало дворянский статус, зарегистрированные купцы не обязательно занимались торговлей, а крестьяне не обязательно были земледельцами. В соответствии с официальной статистикой 1802–1803 гг., сословие ремесленников в городе Кременчуг включало дворян, разночинцев, мещан, купцов и евреев⁹⁷. Даже внутри самой регулируемой иерархии, в самой бюрократии, не существовало ясного разделения функций между различными уровнями персонала и властью; здесь также не было соответствия между чином и должностью, что свидетельствовало о прозрачности границ⁹⁸. Исследуются ли экономические отношения, формальные категории или регламент службы – социальные границы Российской империи невозможно охарактеризовать как неподвижные и жестко установленные. Напротив, отсутствие структуры и как следствие этого отсутствие жестких границ воспроизводило общество, где социальные дефиниции, будь то высокие или низкие, были в принципе неопределяемы.

Формальные границы (здесь мы не говорим о неформальных отношениях), которые разделяли группы в русском обществе, часто были неуловимы и изменчивы. Непостоянство правовых определений было связано прежде всего с политикой государства, которое старалось подчинить все группы и всех лиц определенным административным ведомствам; из-за того что политика развивалась не в бюрократическом вакууме, правительство постоянно было вынуждено манипулировать и приспособлять определения к конкретным экономическим и социальным условиям. Спонтанное, бесконтрольное и нерегулируемое социально-экономическое развитие предопределяло создание правовых норм по большей части как дело *ad hoc*. В течение XVIII в. политики старались определить социальные границы, оперируя традиционными категориями Московского государства и новыми категориями времени Петра Великого и сочетая их между собой. Этот процесс был запутанным и медленным. Применять петровские категории по предписанию было сложно; в условиях продолжающегося доиндустриального развития общества главная цель – ведомственное подчинение – оставалась не достигнутой.

* См. сноску на с. 30.

К последним десятилетиям правления Екатерины Великой большая часть терминологии эпохи Московского государства была изъята из употребления. И все же следы традиционного разделения сохранялись, некоторые из групп были переименованы, и надвигался рост числа новых подгрупп, связанный с развитием национальной (общеимперской) экономики, высшего образования, армии и бюрократии. Жалованная грамота городам не упоминала разночинцев, хотя последующие указы продолжали использовать данный термин, чтобы представить особую категорию и целый ряд категорий. Законодательство первой половины XIX в. постоянно «вспоминало» разночинцев, чтобы отделить дворян от простолюдинов, а к 30-м годам XIX в. упоминание их также появится в литературных и публицистических источниках⁹⁹. Подобным образом уставы города Санкт-Петербурга 1846 и 1860 г. определяли разночинцев как ученых, художников, артистов и «других», которые не являлись личными дворянами или почетными гражданами, но чьи наследственные права были такими же, как у данных категорий¹⁰⁰. «Разночинцы как недворяне» в действительности являлись лишь формой для «разночинцев как чужаков». В то время как значение «недворяне» восходит к середине XVIII в., употребляться оно стало чаще с начала XIX в., что было связано с правительственными мерами по сохранению тех социальных формул, которые столь усердно вырабатывались на протяжении предшествующих веков. В официальной политике, возможно, появлялась большая приверженность сохранению социальных барьеров, но из-за технических нужд государства и вследствие собственного производственного развития общества дореформенное самодержавие не добилось больших успехов в этом отношении, как и его предшественники в XVIII в.

Проблемы социального определения

Правовые определения разночинцев подсказывают несколько выводов о положении и значении этих групп. Хотя в некоторых случаях разночинцы составляли небольшую потомственную группу, каких было много в Российской империи, они лучше всего понятны в негативных терминах по отношению к другим социальным группам. Будучи не только переходным состоянием, категория разночинцев как чужаков возникла в особом контексте и, как правило, относилась к лицам незнатного происхождения или местным жителям, которые не были зарегистрированы формаль-

ными членами данной общины или социальной группы. В последнем случае установление правовых определений находилось в прямой связи с административными названиями – практика, которая продолжала традиционные модели Московского государства¹⁰¹. Так, например, в то время как категория солдатских детей всегда определялась в терминах прав и обязательств детей, рожденных от отцов, находящихся на действительной службе, реальный состав этой группы включал большой круг лиц, которые все вместе попадали под юрисдикцию военного ведомства. В границах военного ведомства (а иногда даже и вне его) имелись подведомства и соответственно подгруппы солдатских детей, определяемые по особенностям их воспитания и функциям, что в дальнейшем приводило к соответствующим обязанностям и привилегиям, отличным от обязательств и привилегий большей группы¹⁰². В российском обществе в целом разночинцы воплощали ту же структурную динамику. В каком бы контексте ни появлялись разночинцы как чужаки, они представляли лиц, которые проживали вне конкретной административно-социальной границы, о которой идет речь.

XVIII век, по крайней мере обнаружение Жалованных грамот Екатериной Великой, можно считать переходным периодом, во время которого многочисленные чины Московского государства объединялись в большие, хотя все еще внутренне неоднородные, социальные категории (состояния или сословия имперского периода). Понятие «разночинцы» относится к этому переходному процессу, т.к. в это время новые имперские категории были наложены на традиционные чины Московского государства, хотя те не были перенесены автоматически в новую систему социальных групп¹⁰³. Незавершенность этой трансформации должна объяснять, почему термин «разночинцы» относился к определенной социальной категории, а кроме того использовался широко в смысле «чужаки» или «и другие». И действительно, переход к имперским категориям никогда не был полностью завершен. Государственная необходимость в образованном персонале для комплектации кадрами растущего военного и административного аппарата постоянно приводила к новому развитию социальных определений и к новому росту групп и подгрупп, которые в своем партикуляризме напоминали старые чины Московского государства. Особое применение термина «разночинцы» отражало сложную социальную мозаику; но еще важнее, что оно наводит на мысль о необходимости рассматривать функциональную природу социальных определений и идентичностей в имперской России как одну из важнейших сторон ее социальной фрагмен-

тации. Обратившись к функциональной природе, которая восходила и к социально-экономическому развитию, и к государственной политике, можно в дальнейшем объяснить не только ненадежность социального положения в России, но также произвольную и, следовательно, субъективную эволюцию социальных и культурных идентичностей, включая идентичность интеллигенции.

В своем классическом историческом труде «Империя царей и русских людей» («The Empire of the Tsar and the Russians») Анатолий Леруа-Больё вспоминает такой разговор: «В нашей стране, — однажды говорил мне один из главных авторов Манифеста об освобождении крестьян князь В.Черкасский, — классовые различия никогда не существовали в действительности, а носили поверхностный характер. Начиная с варягов и Рюрика и вплоть до Петра и Екатерины II, дворянство всегда было тонким и поверхностным слоем. Процарапав почву, вы обнаружите гладкую и ровную древнюю славянскую основу»¹⁰⁴.

Чтобы правильно понять эти слова, необходимо избегать социально-экономического определения классов. Когда князь Черкасский говорил о «классовых различиях», он имел в виду принципиальную ненадежность положения элиты (что делало социальные различия неоднозначными и изменчивыми) и определяющую роль культуры (как сферы противоположной экономическому неравенству) при определении социальных идентичностей. Противоречивый и изменчивый правовой статус разночинцев решительно говорит о том, что русское общество не имело структур и жестких границ, обычно определяемых как социальная «система». Изучение городских и сельских миграций и перемещений между социальными категориями тоже подтверждает этот вывод. Кроме того, этот же вывод следует и из неопределенного статуса отставных солдат. Большое количество солдат возвращалось на прежнее место жительства, но административно-социальная реинтеграция была затруднена именно в силу их особого правового статуса. Правовой партикуляризм приводил к неопределенности статуса, подрывал социальные границы, вынуждал ветеранов зависеть от их семей, так как они не признавались полноправными членами общин. Короче говоря, умножение юридических определений, размытые социальные границы и ненадежность положения совмещались и многократно усиливали друг друга.

Если посмотреть на правовые определения не только как на политику, навязанную сверху, но также как на процесс произ-

водства и воспроизводства в ответ на общественную реакцию и социально-экономическое развитие, тогда легче объяснить неоднозначность и неопределенность социальных отличий. Историки постоянно обращают внимание на то, что в русском обществе отсутствовали институты, которые могли бы бросить вызов власти царя. Ученые объясняют такое отсутствие и неудачное развитие настоящего гражданского общества по западноевропейской модели и слабостью социальных групп, и репрессивной политикой, которая удушала все частные инициативы, даже когда эти инициативы стремились обратиться к общепризнанным общественным нуждам. В то же самое время, исследователи показывают, что, невзирая на репрессии и самодержавные притязания, реальная государственная власть была ограничена. Как в таком случае можно объяснить и слабость общества, и слабость государства? Ответ на этот вопрос лежит в очень сильной фрагментированности и партикуляризме русского общества – фрагментированности, которую официальная политика скорее поощряла, даже тогда, когда старалась ее столь неудачно преодолеть. Правовой беспорядок и социально-экономическая дифференциация, столь очевидные в определениях разночинцев, и отражали, и усиливали социальную фрагментированность. Даже представление Гарольда Перкина о доиндустриальной Англии как об обществе вертикальных связей (в противоположность горизонтальным) и патронажа кажется слишком упорядоченным и симметричным, чтобы удовлетворять русскому варианту¹⁰⁵.

Ответ имперского правительства на отсутствие социальной структуры состоял в том, чтобы урегулировать, реформировать и разрешить проблемы административными средствами. Результатом этого было не навязывание жестких структур, но предотвращение какой-либо кристаллизации структур и институтов, причем именно из-за постоянных помех и вмешательства, направленных на создание неуловимой структуры. Это развитие отчетливо противоположно ситуации в германских городах XVIII в., где отсутствие какой-либо точной правовой схемы порождало постоянные городские институты, которые формировались как «модели гражданского поведения» и были хорошо заметны и в происходивших событиях, и в социальных взаимоотношениях¹⁰⁶. В России ответ общества на отсутствие структуры и порождаемую им ненадежность состоял в том, чтобы настойчиво требовать формальных определений и тем самым – одобрения положения, функции или общественной роли. Повторим еще раз: цель состояла не в том, чтобы защитить жесткие сословные барьеры, которые в действительности не существо-

вали, а в том, чтобы отвоевать положение, закрепиться в обществе, что могло бы обеспечить некоторые меры безопасности и предсказуемость¹⁰⁷. Неудачная попытка достигнуть ясного определения социальных категорий (и официального, и неофициального) помогает объяснить постоянное значение мифа царской власти и персонифицированность властных отношений в ткани социальной структуры¹⁰⁸. Место личности в обществе и в государстве понималось скорее с точки зрения личных отношений, включая отношения с правителем, а не с точки зрения членства в группе (как предлагалось бы сословными рамками).

Трудно представить любые рамки социальных отношений, которые были бы общезначимы по всей Российской империи; даже парадигма «дворяне—крепостные» не может объяснить различия и динамизм социальных отношений. Как предполагает Альфред Рибер, необходимо думать об этом с точки зрения множественности структур¹⁰⁹. Исторический процесс, который породил эти условия, восходит, по крайней мере, к XV в., когда объединение русских земель создало нестабильное, социально фрагментированное Московское государство. Объединение регионов, культур и социально-экономических структур продолжалось по мере становления и расширения Российской империи, вновь и вновь порождая фрагментированную, изменчивую социальную «структуру». В отсутствие подходящей социологической модели для определения имперских социальных категорий можно обратиться к образцам определений и самоопределений, появившихся в административной практике, и к формулировке социально-культурных идентичностей. Исследуя социальную терминологию имперской России, можно надеяться изучить то, как группы в обществе создавали и воссоздавали себя и свои отношения с иными группами. Историки описывают сходные процессы в других, несходных с европейскими, доиндустриальных империях. Так, в колониальной Мексике реальная социальная терминология развилась в среде, где испанская корона старалась править, навязывая определенные правом категории; где группы в обществе переопределяли и переделывали эти категории в своих собственных целях; где формальные социальные барьеры или не замечались, или никогда полностью не были возведены; и где расы и культуры перемешивались, сталкивались и объединялись¹¹⁰.

Административное применение категории разночинцев и их происхождение

Вольные люди и разночинцы составляют некий класс, о котором трудно сказать что-то определенное.

Карл Герман, 1819

Тесные отношения между имперскими социальными категориями и фискально-административной политикой нигде не были столь очевидными, как в официальном применении категории разночинцев. И нигде не раскрывалась столь ярко невозможность сформулировать определения, которые бы отвечали потребностям стихийного экономического общественного развития. В законодательстве Московского государства использовалось понятие «разных чинов люди», но разночинцы как некое коллективное единство восходили к усилиям государства зарегистрировать население в определенных правом социальных категориях – категориях, предназначенных для того, чтобы облагать налогами и подчинить всех и каждого власти какого-либо соответствующего административного ведомства. Этот процесс берет свое начало с принятием Соборного уложения 1649 г., хотя власть и не принимала конкретных усилий, направленных на проведение полной регистрации, до того как в правление Петра Великого была введена подушная подать. Как и законы, на которые она опиралась, административная интерпретация разночинцев подтверждает отсутствие какого-либо постоянного определения. В то же время, любая область применения и распределение по категориям проливают свет на важные движущие силы социального определения. При тщательном изучении того особого контекста, в котором категория разночинцев появилась, можно приблизиться к пониманию сложного взаимодействия между политикой регистрации, государствен-

ной и военной службой, имперской экспансией и спонтанным социальным развитием при образовании социальных категорий.

Формальная категория «разночинцы» чаще всего упоминалась в правительственных документах начала и середины XVIII столетия; в конце XVIII в., и особенно в первой половине XIX, ее значение как официального социального названия уменьшилось. По мере создания законодательных актов и государственных организаций стало возможно системно определять и применять социальные категории, и категория разночинцев все меньше использовалась в качестве административного инструмента. После освобождения крестьян в 1861 г. это понятие полностью исчезло из правовых источников; оно сохранилось в государственной статистике, но его значение становится все более и более неформальным и культурологическим. Административные определения разночинцев проливают свет на два решающих для русского социального развития аспекта: на определение границ групп, подлежащих подушному налогообложению, и на проблему возникновения образованных классов. В первой половине XVIII в. данная категория играла большую роль в создании списков податного населения. Вряд ли можно разобраться в структурном делении имперской России на сословия—состояния без обращения к сложному процессу распределения отдельных лиц, групп и общин по соответствующим административным ведомствам. Подобным образом с первой половины XIX в. государственная статистика связывала разночинцев с элитой, имеющей некое образование, а также находящейся на начальной фазе профессионализации и специализации. В двух этих контекстах категория была переходной: в первом случае она включала социальные группы Московской Руси, которые подвергались переопределению, а во втором — «новые» социальные элементы, которые должны были изменить существующие структуры и породить новое разделение на категории и идентичности.

В Российской империи до 1897 г. не проводилось всеобщей переписи населения. До этого времени государственная статистика служила только административным нуждам и обычно была фрагментарной, отрывочной и неоднозначной по качеству данных¹. В большинстве случаев доступные сведения подходят только для того, чтобы проиллюстрировать исследование, а не провести статистический анализ. И все же, если бы статистические материалы были изучены прежде всего как текст, а не как реальные события, этим был бы внесен значительный вклад в историческое понимание². В предшествующих главах показано, в какой мере

правовые определения категории разночинцев сформировали фиктивную (мыслительную) конструкцию. В данной главе будет рассмотрено применение этой категории в административной практике с целью показать, что официальные документы являются в большей степени представлениями, чем точным отображением конкретных исторических обстоятельств. Задача состоит не в том, чтобы определить точные демографические параметры явления разночинцев; для этого потребуется множество локальных исследований общин и институтов в духе французских штудий *histoire totale*^{*}. Именно потому, что статистические данные могут свидетельствовать о социальных фактах не больше, чем «писанный закон» или административно-правовые документы, цель данной главы – рассмотреть, как местные власти использовали понятие «разночинцы», и тем самым выявить более существенные движущие силы распределения по социальным категориям.

Социальная регистрация и границы социальных групп

Данные ревизий представляют собой самый обширный, хотя и достаточно спорный источник для анализа всего населения Российской империи. Переписи Московского государства и первые ревизии эпохи Петра I пересчитывали дворы, подлежащие налогообложению. К концу царствования Петра Великого введение подушной подати потребовало периодического подсчета всего мужского податного населения. В дополнение к этим ревизиям имелись административные записи, которые исчисляли лиц, присутствующих на данный момент (предположим, что одни регистрировались местными властями, а другие нет), и метрические книги, ведущие записи о смертях, свадьбах и рождениях³. Помимо становления и поддержания бюрократического аппарата, а также упрочения положения армии, самой важной задачей правительства в первой половине XVIII в. было зарегистрировать население в определенных социальных категориях, и особенно – установить тех людей, которые подлежали налогообложению и призыву в армию. После второй ревизии (1743–1747 гг.) первоначальный процесс регистрации был завершен, но взаимосвязь между формальными социальными определениями и благосостоянием госу-

* *Histoire totale* (фр.) – тотальная история.

дарственной казны была в сфере внимания высших слоев правительства вплоть до освобождения крестьянства в 1861 г.

Эти ревизии чрезвычайно ясно продемонстрировали административный и фискальный интерес, который влиял на то, как власти формулируют названия социальных категорий. Данные первой ревизии, полученные в 1718–1727 гг. и суммированные в общую таблицу в 1738 г., включали податные и неподатные группы; как перепись всего населения они тем самым были полнее, чем материалы последующих ревизий. Категория разночинцев в них появлялась, но определялась непоследовательно: такие группы, как отставные солдаты, которые по закону включались в эту категорию, по крайней мере к 1724 г., перечислялись отдельно. Даже имея в виду, что должен был пройти определенный период времени между официальными определениями и административным исполнением, ясно, что те, кто проводил ревизии, независимо от того, кого они записывали в категорию разночинцев, учитывали не одну группу разночинцев. В соответствии с данными, представленными В.М. Кабузаном, разночинцы не были ни приказными людьми, ни отставными военными служащими; и они, и крестьяне могли попасть в списки посада, но чиновники все еще отделяли их от его полноправных членов (называемых купечеством). Разночинцы также отличались от мещан и цеховых; от различных категорий владельческих, казенных и монастырских крестьян; от церковных иерархов и городского дворянства, восходящего еще к Московской Руси; от однодворцев, церковников и попов, фабричных рабочих, мастеровых и работных людей, недорослей, иностранцев, христианских и нехристианских иноверцев, казаков и ямщиков⁴.

Местные отчеты 20-х и 30-х годов XVIII в. определяли разночинцев не так точно, как таблица 1738 г., которая продемонстрировала их значение как переходной группы от категорий Московского государства к категориям петровской эпохи. Как и в правовых установлениях начала XVIII в., эти источники определяли разночинцев по-разному: как податных и неподатных; как сельских и городских; как самый широкий термин для подгрупп низших служащих (военных, государственных и церковных); как потомков церковников без места службы; как лиц, не имеющих определенного положения в русском обществе (вновь обращенных, иностранцев, нищих, которые зависели от церковной благотворительности); как отдельную социальную группу, как украинских пограничных служащих (ландмилицию) вместе с однодворцами и как группу, которую могла быть отнесена к крестьянам и дво-

ровым⁵. Разнообразие подгрупп разночинцев отражало всю сложность налоговой реформы Петра I, особенно переопределения социальных категорий. Когда разночинцы и их дети присоединялись к настоящим петровским служилым группам, они оставались неподатными, но когда власти определяли их как купцов, ремесленников, крестьян и фабричных, они регистрировались соответственно и, как правило, становились низшим податным классом. Роль разночинцев и однодворцев в охране южных границ являлась самой яркой иллюстрацией этого различия. Оставшаяся от прежних учреждений, охранявших границы Московского государства, ландмилиция не была включена в армию нового образца. Более того, особое положение однодворцев, так же, как и казаков, показывало живучесть допетровской военной организации в течение всего XIX в.⁶

Наряду с очевидной целью увеличения числа налогоплательщиков, регистрация разночинцев во времена первой ревизии выявила два фактора, определявших создание социальных категорий во времена Петра I: во-первых, правительственные усилия уравнивать формальное положение и социальные функции и, во-вторых, подчинить каждое сословие соответствующему административному ведомству. Несмотря на их происхождение, разночинцы всех типов были приписаны к петровским категориям на основе их звания и служебных обязанностей. Земледельцы становились государственными крестьянами (и рассматривались как таковые), торговцы и ремесленники становились зарегистрированными членами посада, а те, кто подходил для военной службы, становились солдатами. Все же отсутствие соответствия между социальным определением, профессией и административным ведомством продолжало сохраняться: разночинцы и крестьяне, которые проживали в городах и платили подушную подать, далеко не всегда принадлежали к формальному городскому сообществу и подчинялись власти городского магистрата⁷. Петровские социальные категории, совместимые с функциональными чинами Московского государства и укорененные в Уложении 1649 г., не представляли собой радикального новшества. Да и петровское законодательство на деле не старалось дублировать сословия Центральной Европы или сословия старого режима во Франции. Скорее, оно пыталось переопределить категории Московской Руси только для того, чтобы убрать несоответствия между формальным положением и социальными функциями. Подобные реформы происходили в правление Екатерины Великой и снова в 20-е годы XIX в. под руководством министра финансов Е.Ф.Канкринна, но в каждом случае

стихийное развитие мешало установить постоянное соответствие между социальной категорией и ее функциями.

Во времена второй ревизии административные споры о принадлежности разночинцев к городской общине показали, что, в то время как центральное правительство старалось определить и приписать каждого потенциального налогоплательщика, местные власти не имели никакого желания увеличивать размер и тем самым финансовый гнет подчиненного им населения. Исходя из фискально-административных потребностей, правительство создало, но вместе с тем старалось и уничтожить феномен разночинцев. В 40-е годы XVIII в. всеобщая регистрация лиц, подлежащих налогообложению, все еще не была достигнута; регулирование вышло за пределы того, что требовалось для подсчета потерь населения из-за побегов, призыва в армию и смертности. В переписке между Главным магистратом и его местными чиновниками разночинцы зачастую определялись как городские жители, которые не являлись членами посада. Разночинцы могли быть казенными или монастырскими крестьянами, вольноотпущенными, оставленными военными служащими и их детьми, детьми государственных и церковных служителей, иностранцами или лицами неизвестного происхождения. Они также могли владеть домами, выполнять служебные обязанности посадских и платить подушную подать; в некоторых случаях они действительно были зарегистрированы в посаде. Все же, по фискально-административным установкам магистратов разночинцы занимали одну из двух неправильных позиций. Если их экономическая жизнь основывалась на торговле, производстве или ремесле, тогда по существующим законам они должны были быть формально зарегистрированы в городах как купцы или ремесленники. Те же, кто не имел средств платить налоги и нести местную службу, не должны были подпадать под власть магистрата, и тем самым им запрещалось заниматься городской торговлей или владеть недвижимостью, расположенной на податных городских землях⁸. Исходя из Уложения 1649 г. и последующих законов, власти определяли этих лиц на военную службу, к частным лицам, в церкви или государственные деревни.

Магистраты и местные общины неизменно радушно принимали новых членов, полагая, что они экономически и нравственно состоятельны. Местные власти или отдельные лица, которые добивались формального членства в общине, могли сами инициировать процесс регистрации. Иногда городам было необходимо увеличить население, а отдельным лицам хотелось упорядочить или изменить свое формальное положение⁹. В то же время, не всем,

Таблица 1. Подгруппы разночинцев*

Год	1722—1725	1727	1736
Место	<i>Азовское правление</i>	<i>Нижегородская губерния</i>	<i>Московское правление</i>
Группы	Протоиереи, священнослужители и дьяконы; ризничие; протодьяконы; отставные солдаты, драгуны и матросы; высшие служащие и их дети; ямщики; приказные люди; штатские служащие; однодворцы; новообращенные; станичниковые; богоделенные нищие; полицейская команда; инородцы: поляки, шведы, выходцы из Курляндии, черкесы, саксонцы; мастеровые ботанических садов; ученики смотрителей виноградников; конюшенные; казенные кузнецы и плотники; кабальные люди; дворовые безземельные служащие; мурзы и татары	Разных служб служители; стрельцы; пушкари; воротники; дети священников не на службе; дети приказных людей не на службе; казаки; лица неизвестного происхождения; и другие	Стрельцы; казаки; драгуны и солдаты; пушкари; казенные сторожа и сторожа духовного правления; дети солдатские и дети пахотных солдат; приказные люди; посадские люди; церковники и попы; казенные кузнецы; воротники; лесные караульные; гончары, изготовители кирпичей и черепицы; дворцовые рыбаки; дворцовые садовники; полицейская и караульная команды; каменщики; протоиереи, священнослужители и дьяконы; ризничие; монастырские слуги; сокольничие; помещики; однодворцы и рейтары; поляки; пахотные солдаты; штатские служащие; городовые дворяне; разных служб служители, отставные драгуны, солдаты и матросы; беглые и лица неизвестного чина

*Разночинцы из Нижегородской губернии были податными, а разночинцы из Азовского и Московского правления — неподатными. Обращает на себя внимание также то, что местные перечни не одинаково определяют подгруппы разночинцев. Данная таблица включает все возможные подгруппы.

Источники: РГАДА, ф.248, кн.695; 1163, ч.1—2; 1117.

кто этого хотел, гарантировали членство в посаде. В 1749 г. Сенат исключил «дворянского сына» из податного списка Царицына, руководствуясь не его дворянским происхождением, а тем, что в 1734 г. он был назначен на должность писаря на государственную службу. Как государственный служащий, он (и его сын) не должны были приписываться к городской общине. По иронии судьбы, процедура записи требовала, чтобы человек был экономически состоятелен (т.е. нелегально участвовал в городской торговле) еще до обращения с просьбой о записи в данной общине. От «дворянина» писаря, ставшего купцом, таким образом, требовалось владеть капиталом от трехсот до пятисот рублей, который, однако, был оформлен как капитал одного отставного казака¹⁰. По закону предполагалось, что разночинцы, которые получили пропуск в посад, владеют, как минимум, капиталом в пятьсот рублей в признанном предприятии. Если необходимость их регистрации не была связана с изменением места жительства, то для того, чтобы соответствовать экономическим условиям вступления в посад, они обязательно должны были заниматься незаконной деятельностью¹¹.

Прошения от «жителей различных чинов» о признании их купцами или ремесленниками, а также приказы, которые требовали от местных магистратов составлять списки разночинцев, проживающих на городских землях, свидетельствовали о том, что достигнуть полного соответствия законам о регистрации пока не удалось¹². Включение крестьян, которые либо вообще избежали регистрации, либо незаконно торговали в городах, практически во все исследования, посвященные городским разночинцам, являлось особенно ярким доказательством размытых социальных границ в России. Как уже было сказано, административная политика, направленная на защиту фискальных интересов, также сыграла важную роль в том, чтобы воспрепятствовать всеобщей регистрации. Во время второй ревизии Главный Магистрат и его отделения постоянно сталкивались с провинциальными властями, ответственными за общую регистрацию, которые с особой страстью бились за то, чтобы приписывать лиц незаконного или неясного происхождения к податной категории. Городские общины, представленные магистратами, как уже было установлено, мешали регистрации лиц, которые казались им экономически или нравственно несостоятельными¹³. Коллективная ответственность общины за уплату подати и индивидуальная подотчетность местных служащих диктовали необходимость исключения любых лиц, которые скорее всего были не способны нести свою часть налогового бремени.

При определении социальных категорий в петровскую эпоху ответственность за сбор налогов стала столь же значительной, как и ответственность за их исчисление на душу населения. Основной была вовсе не проблема уклонения от налогов, а определение границ фискально-административной власти. Хотя некоторые разночинцы избежали регистрации во время первой ревизии, местные записи постоянно определяли их как лиц, которые платят подушную подать и выполняют служебные обязанности; только те, кто оставался на действительной службе или подлежал исключению из налогообложения благодаря прежней службе, устранились от этих взысканий на законных основаниях. Процесс сбора налогов – совсем иное дело. Здесь проблемы, связанные с разночинцами, сохранялись, так как их положение в структуре административных ведомств было неясным. Местные власти считали сбор налогов и ограничение торговли трудным делом именно потому, что разночинцы зачастую проживали в городах, но не подпадали под власть магистрата. Административные споры постоянно возникали по поводу того, кто несет ответственность за сбор налогов. Хроническое отсутствие точной информации еще больше усложняло эту проблему. Многие разночинцы исчезли со времен первой ревизии, многие были пришлыми и легко могли оказаться перебежчиками из других общин. Конфликты становились особенно серьезными, когда лишенные средств разночинцы регистрировались в городской общине без одобрения, а местные власти несли ответственность за неуплату налогов. Главный Магистрат просил, по крайней мере в двух таких случаях, вмешаться Сенат, так как подчиненные ему местные власти были арестованы за отказ собирать подати с лиц, которые, с их точки зрения, находились под властью губернских властей. Но Главный Магистрат вовсе не всегда принимал сторону своих отделений на местах¹⁴. Закон ясно приписывал разночинцев к губернскому ведомству, но определить статус реального населения было не всегда легко¹⁵.

Во второй половине XVIII в. разночинцы уже подвергались подушной переписи; бывших государственных служащих, а также детей священнослужителей продолжали приписывать к податной городской общине. Как и в прошлом, предполагалось, что соответствующие административные ведомства освобождали этих просителей перед тем, как они могли зарегистрироваться в новой категории, а от Главного Магистрата требовалось удостовериться, что они владеют минимально необходимым капиталом¹⁶. На практике местные власти и люди, желающие зарегистрироваться,

продолжали игнорировать юридические тонкости. Еще в 1795 г. имелись семьи, которым полностью удалось избежать регистрации, а также такие, которые никогда не проживали на предназначенном для них месте¹⁷. Незаконная торговля тоже была нерешенной проблемой, а изменения в формальном положении продолжали порождать споры между отдельными людьми, общинами и конкурирующими административными ведомствами¹⁸. Тем не менее ведомственные механизмы, необходимые для выполнения законов, несомненно функционировали гораздо эффективнее, чем в первой половине века; в целом власти гораздо успешнее отслеживали происхождение отдельных лиц, которые старались законно или незаконно пересечь социальные границы.

Не столь частое упоминание категории разночинцев в административных записях екатерининской эпохи отражало стабилизацию социальных категорий в европейской части России. Положение в Сибири, которая все еще оставалась пограничной территорией, до губернской реформы 1775–1778 гг. было несколько иным. Эта реформа являлась важным шагом для включения региона в пределы империи, но Сибирь с ее многочисленными народами все же сохраняла особые черты¹⁹. Записи о разночинцах в административных источниках Сибири показывают, что здесь существовали подвижные социальные границы. До этой реформы разночинцы составляли значительную по численности и хорошо различимую категорию городского и сельского податного населения, которое могло регистрироваться в качестве арендаторов, фабричных рабочих, мастеровых и купцов²⁰. В отчетах, посланных в Илимскую воеводскую канцелярию в 1765 г., местные разночинцы приравнивались к крестьянам, платившим подати в денежной форме и натурой, а также выполнявшим служебные обязанности в качестве извозчиков²¹. В своих наказах Уложенной комиссии (1767 г.) разночинцы города Якутска определяли себя как отставных казаков, ссыльных и бывших ясачных, которых воспитали русские; хотя они были зарегистрированы в качестве податных, им не разрешалось торговать на тех же самых условиях, что и посадским²². Разночинцы Иркутска включали ссыльных и дворян, детей боярских, отставных казаков, которые все еще назывались по образцу категорий Московского государства; они могли быть податными и неподатными, а некоторые оставались на действительной службе²³.

Сибирские власти обращали внимание на проблему социального разделения, когда пытались отделить разночинцев, которые принадлежали к этой категории, от тех, кто должен был быть

зарегистрирован в качестве крестьян-арендаторов. Проверая данные из Тобольска, губернатор Сибири Денис Чичерин пришел к выводу, что там имелось много разночинцев, живущих в городах и работающих ремесленниками. В 1764 г. он предложил переселить не менее 3 тысяч семей на свободные земли, где они бы занимались сельским хозяйством и охраняли границу. Руководствуясь желанием увеличить производство сельскохозяйственной продукции (в Сибири продовольствие было дорогим, а его запасы были незначительны) и заселить южнорусские границы, Чичерин называл многих городских разночинцев паразитами, которые, как он считал, не занимались никакой полезной деятельностью. Но местные власти в большей степени поощряли регистрацию разночинцев в городах, где они могли нанимать их для личных услуг и на государственные предприятия, чем расселение их на богатых, пригодных для сельскохозяйственной обработки землях.

Сенатор и бывший губернатор Сибири Ф.И. Соймонов не соглашался с характеристикой Чичерина, доказывая, что разночинцы – владеют ли они городской торговлей или нет – играют важную экономическую роль, так как от их деятельности зависел успех купеческих предприятий: без их труда, который служил и частным, и казенным нуждам, местные купцы были бы разорены. В этих двух точках зрения можно проследить болезненное несоответствие между малонаселенностью Сибири и громадными военными и административными задачами, стоявшими перед ее населением, но этот спор важен еще и потому, что он демонстрировал хаос в социальных категориях. В Сибири указания на купцов, ремесленников и разночинцев не связывались напрямую ни с занятием, ни с местом жительства; лица, официально зарегистрированные в любой из этих категорий, могли проживать в городе или деревне, зарабатывать на жизнь торговлей, ремеслом, производством или сельским хозяйством²⁴.

В Илимске похожее отсутствие социальных границ между городом и деревней также размывало желаемое соответствие между социальной категорией и сферой деятельности. В 1768 г. члены городской ратуши пришли к выводу, что среди разночинцев, живущих в городе и зависимых деревнях, 367 человек действительно являлись разночинцами, в то время как более чем 300 человек следовало зарегистрировать арендаторами, 63 человека – купцами и 52 – ремесленниками. Если не принимать в расчет невразумительные ссылки на старость и малолетство, то нет объяснения тем критериям, которые использовались для отличия разночинцев. Как это часто случалось в законодательной деятельности, раз-

ночинцы определялись негативно, методом исключения; т.е. они не были крестьянами-арендаторами и не владели делом, которое определяло бы их как купцов или ремесленников²⁵. Несколькими годами позже, в 1773 г., власти соседнего Яндинского острога описывали сельское население крестьян, разночинцев и казаков, которые должны были платить подушную подать и нести службу на равных основаниях. Но так называемые казаки не исполняли абсолютно никаких служилых обязанностей. Илимский воевода предлагал всех этих людей зарегистрировать как сельскохозяйственные категории и все их земли перераспределить по числу душ мужского пола, как это делалось в центральной России²⁶. Естественно, что условия в Сибири были экстремальные, но даже в России правительство было неспособно устранить несоответствие между социальным определением и общественной функцией. Еще в 1852 г. законодательство, пытаясь обеспечить армию квартирами и провиантом, позволило командиру Отдельного Сибирского корпуса расселить киргизов, разночинцев и отставных казаков на незаселенных степных землях²⁷. Феномен разночинцев продолжал существовать, и особые условия, которые он постоянно порождал, демонстрировали, что стремление ограничить социальное развитие бюрократическими рамками терпело полный провал.

В первой половине XIX в. проблема социальной регистрации продолжала занимать власти на самом высоком правительственном уровне. Следуя министерской реформе, предпринятой в правление Александра I, административный порядок и центральный контроль значительно возросли, и проблема подчинения социально-административным ведомствам отступила. Среди важнейших забот властей – высших и низших – было благосостояние казны. Министерство финансов теперь несло ответственность за регистрацию населения и отчетность уплаты налогов. Разногласия между различными административными властями стали менее очевидны, чем между обществом и бюрократическим аппаратом. Обмен регулярными юридическими заключениями и целая серия представлений (датированных 1829–1833 гг.) между местными властями, Министерством финансов и Министерством внутренних дел, а также Сенатом, выявили сохраняющееся значение фискально-административной политики для развития социальных категорий²⁸. В частности, власти обратились к вопросу: могут ли свободные лица, которых по закону требовалось включать в податную категорию, быть зарегистрированными в общине без одобрения последней.

В запросах, посылаемых в Министерство финансов губернскими представителями, назывался целый ряд свободных лиц, которые оставались незарегистрированными, как-то: шляхтичи, которые не могли документально подтвердить свое происхождение по прямой линии; почталыоны, которые изначально хоть и относились к церковному ведомству, но были освобождены от почтовой службы «по пьянству и плохому поведению»; выморочные и освобожденные крепостные; бывшие воспитанники государственных благотворительных учреждений; инородцы; женщины (якобы из Венгрии), проживающие в Российской империи уже восемнадцать лет и имеющие по два незаконных ребенка, которые теперь подросли, но никогда не регистрировались. Хотя установленные лица просили о регистрации в определенных городах или деревнях, ни одна из общин не соглашалась принять их. Некоторые местные должностные лица повторяли вновь и вновь возражения против регистрации этих людей, утверждая, что они станут тяжким грузом для общины из-за их неспособности платить налоги и исполнять службу. Не удивительно, что министр финансов Канкрин отверг эти аргументы и, с одобрения Сената, приказал, чтобы свободные люди вступили в податную категорию, будучи причисленными к городским или сельским общинам даже без согласия местных властей²⁹.

Затем Канкрин несколько подсластил горькую пилюлю, вспомнив об этих случаях в законе 1828 г., который гарантировал пятилетние налоговые «каникулы» освобожденным крепостным, которые приписывались к категориям, платящим подушную подать. Ряд исключений из этого решения был сделан для инородцев, которые не владели достаточным капиталом, чтобы официально войти в купеческие гильдии, и которые могли зарегистрироваться в посаде или стать государственными крестьянами только с разрешения соответствующей общины. Кроме того, почталыоны и другие мелкие служащие, освобожденные от службы за плохое поведение, были посланы в армию или на казенные фабрики; в том случае, если они не подходили для выполнения этих обязанностей, то определялись в местные богоугодные заведения как рабочие люди. Единственным обстоятельством, которое препятствовало регистрации нежелательных лиц, был недостаток земель в государственных деревнях. Ясно, что фискально-административная политика, в частности процедура регистрации населения империи, сыграла важнейшую роль не только в образовании социальных категорий, но и в проведении социальных границ, а также в развитии местных общин.

Определения в статистике девятнадцатого века

В конце XVIII в. местные власти более не считали разночинцев группой, подлежащей подушной переписи. Четвертая и пятая ревизии (1781–1782 гг. и 1794–1795 гг.) не включали данную категорию, хотя отдельные лица, возможно, переписывались как члены посада или ремесленных гильдий; ревизоры также продолжали определять отдельно отставных солдат. Категория разночинцев вновь появляется в документах шестой ревизии под заголовком «лица, которые не платят податей», и соответствующая статистика, составленная Министерством финансов, продолжала рассматривать эту часть населения как группу, свободную от уплаты податей³⁰. Отсутствие разночинцев в налоговых списках не свидетельствовало о том, что эта категория исчезла из числа жителей. Самый беглый обзор государственной статистики начала XIX в. указывает и на расхождения в определениях разночинцев, и на изменение очертаний данной категории.

Две характерные черты демографических данных XVIII в. повторились: определение разночинцев путем исключения и различие между разночинцами и отставными солдатами – различие, которое предполагало и социально-экономическую отстраненность отставных солдат, и гибкую природу сословия разночинцев. Многие чиновники также отделяли разночинцев от штатских служащих (с чином или без оно по «Табели о рангах»), в то время как другие объединяли их с одной или другой категорией чиновников. А третьи – учитывали дворянство и чиновников вместе, вне зависимости от того, имели ли служащие чин, предполагающий потомственное дворянство³¹. Таблица 2, основанная на данных, которые публиковались в официальном органе Министерства внутренних дел, показывает, что имелось значительное расхождение в понимании и применении правовой терминологии даже внутри одного министерства³². Причины этих расхождений лежат не в административной неразберихе, что так часто и справедливо порицалась историками и современниками, а в неясных социальных определениях и неопределенных социальных границах того времени.

Особого внимания заслуживает то, что местные власти обычно отделяли разночинцев от военных и гражданских служилых категорий; в противоположность этому – некоторые их совре-

Т а б л и ц а 2. Социальные категории, используемые при подсчете городского населения*

Город	Самара	Самара	Подольск	Торжок	Кашин	Романов-Борисоглебск	Кременчуг
Губерния	Симбирская	Симбирская	Московская	Тверская	Тверская	Ярославская	Полтавская
Год	1842	1846	1848	1850	1851	1852	1858
Категории	Дворянство и чиновники; духовенство; купечество; мещане и посадские	Дворянство; духовенство; мещане; разночинцы; казенные крестьяне; помещичьи крестьяне; инвалидная команда; команда Путей Сообщения; полицейская и пожарная команды; кантонисты; отставные и бессрочно-отпускные низшие чины; иностранцы	Дворянство; духовенство; почетные граждане; купечество; разночинцы; мещане; казенные крестьяне; помещичьи крестьяне; вольноотпущенные; отставные; солдатки	Духовные; дети уездного духовенства в училищах; монашествующие; дворянство; канцелярские служители; купечество; мещане; низшие чины; казенные крестьяне; помещичьи крестьяне; ямщики	Духовные; дети уездного духовенства в училищах; канцелярские служители; купечество; мещане; низшие чины; казенные крестьяне; помещичьи крестьяне; штатные монастырские служители	Потомственные дворяне; личные дворяне; белое духовенство; почетные граждане; купечество; мещане; государственные крестьяне; белопашцы**; крепостные; служащие почтового ведомства; почтальоны и ямщики; люди служащие (разночинцы); канцелярские служители;	Дворянство; духовенство; купечество; мещане; чиновники (вероятно недворяне) и канцелярские служители; разночинцы, дети низших чинов и канцелярских служителей; однодворцы; инородцы; колонисты; военные поселенцы; кантонисты, исключенные из военного ведомства; солдатские дети;
						лекарские ученики; сторожа духовного правления; низшие чины инвалидной команды; полицейская и пожарная команды; бессрочно-отпускные низшие чины; отставные низшие чины и солдатки; иностранные подданные	отставные низшие чины; бессрочно-отпускные низшие чины; низшие чины различных команд; учителя; учащиеся

* Примите к сведению, что данные о численности населения других городов, целых уездов и губерний, также опубликованных в ЖМВД, аналогичны приведенным здесь социальным группам.

** Крестьяне, которые обрабатывали белые (не облагаемые налогами) земли.

Источники: Волков Н. «Статистические и этнографические заметки о Подольском уезде Московской губернии», ЖМВД (октябрь, 1850): 56–57; «Сведения о городе Самаре» (ноябрь, 1850): 245–248; «Город Торжок», ЖМВД (апрель, 1853): 72; «Город Кашин», ЖМВД (декабрь, 1853): 180; «Город Романов-Борисоглебск», ЖМВД (август, 1853): 192–193; Терещенко А., «Статистическое описание города Кременчуга», ЖМВД 47 (март, 1861) отделение 3, 10–11.

менники, полагаясь на официальные данные, связывали разночинцев с нечиновным административным персоналом. Одно из возможных объяснений такой путаницы состоит в том, что канцелярские служащие в отставке и дети канцелярских служащих, вероятно, включались в категорию разночинцев, а лица на действительной службе не включались. Если это так, тогда служащие без чина учитывались не всегда, что также требует объяснения³³. Кто же тогда включался в категорию разночинцев? На этот вопрос нелегко ответить. Взгляд на разночинцев как на лиц, которые не были зарегистрированы среди городских категорий, очевидно слишком общий. Местные власти постоянно учитывали крестьян, которые также не были посадскими, как отдельную категорию в податных списках. Несомненно, что полиция и другие губернские власти зачастую не знали, кого включать в графу разночинцев³⁴.

Опубликованные в 1858 г. Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел таблицы учета населения подтверждали отсутствие единого метода при учете разночинцев в губернских статистических комитетах. Анализируя эти данные, А.Бушен рассматривал разночинцев как «людей, находящихся в переходном положении и обязанных через известный срокписаться к какому-либо сословию». В качестве примера он перечислял следующие категории: питомцы воспитательного дома, подкидыши и незаконнорожденные, лица, вышедшие из плена «киргизов или азиатцев», иностранные выходцы, магометане и «язычники», принявшие христианскую веру, и пр. и пр.»³⁵. После того как Бушен дал такое открытое определение, он продолжал отождествлять социальные рубрики, обозначенные Центральным статистическим комитетом: дворянство (потомственное и личное) и чиновники, духовенство всех вероисповеданий, городские сословия, сельские сословия, военные сословия, инородцы (нехристианские меньшинства), разночинцы или лица, не принадлежащие к вышепоименованным категориям, а также иностранные подданные Российской империи. Определение разночинцев по-прежнему оставалось достаточно расплывчатым, что позволяет подвергнуть сомнению достоверность этих данных. Таким образом, Бушен обратил внимание на то, что в некоторых местностях данная категория включала временно проживающих лиц из других городов, о которых нет требуемой информации, так же как и нет каких-либо разъяснений о том, как Центральный статистический комитет согласовывал данные губернских отчетов друг с другом, с тем чтобы «сконструировать» категорию разночинцев³⁶.

Качество статистических источников значительно улучшилось после реформ Александра II. Перепись, проведенная в Санкт-Петербурге в 1869 г., которая среди всех данных представила самые точные списки подгрупп разночинцев, достойна детального рассмотрения. Как и прежние, а также вопреки Своду законов, эта перепись населения отделяла разночинцев от отставных солдат, но, в отличие от более ранних источников, она точно определяла, кто такие разночинцы. Власти в Санкт-Петербурге установили не менее чем семнадцать подгрупп разночинцев; большая часть из них базировалась на принципе образования или профессионального занятия (звания), но в самую последнюю группу были включены лица, относимые к «просто-разночинцам». Интересно, что чиновники недворянского происхождения не упомянуты, исключение, которое согласовывалось с редким объединением дворян и чиновников, а также с различиями между потомственными и личными дворянами по переписи 1869 г.³⁷ В 1846 и 1860 г. законы, регулирующие процедуру выборов, определяли пять отдельных категорий (сословий), голосующих в Санкт-Петербурге: потомственные дворяне; личные дворяне, почетные граждане и разночинцы; купечество; горожане; ремесленники³⁸. Как видно из перечня категорий, имеющих в переписи 1869 г., местные власти действительно считали разночинцев частью городского сообщества³⁹, но они ни в коем случае не стремились объединить различные подгруппы – им было комфортно с множеством названий и поэтому специально сохранялись мельчайшие отличия, представляемые им письменными сведениями. Можно интерпретировать эту особенность как свидетельство обязательства сохранять жесткие социальные различия. Но кажется более вероятным, однако, что если принять во внимание традиционную несовместимость в употреблении формальных определений, эти различия не всегда считались очень важными.

Другой источник данных XIX в., проливающий свет на понятие разночинцев, описывает университетское студенчество, которое было постоянным источником потока революционеров и известных людей русской культуры. Здесь термин «разночинцы» появляется с некоторой регулярностью, хотя его значение все еще менялось и не всегда следовало правовым формулировкам. Законодательство, восходящее к середине XVIII в., определяло разночинцев как студентов недворянского происхождения (за исключением крепостных, которым путь в университеты и подготовительные гимназии был закрыт). Нечеткость этого негативного определения не ставилась под вопрос до второй четверти XIX в.,

Таблица 3. *Население Санкт-Петербурга по переписи 10 декабря 1869 г.**

Социальная категория (сословие)	Общее число жителей	Дети до семнадцати лет	В % ко всему населению
Потомственные дворяне	54398	5957	8,3
Личные дворяне	40186	4441	6,1
Черное духовенство	336		0,05
Белое духовенство	5777	602	0,9
Потомственные почетные граждане	4130	557	0,645
Личные почетные граждане	2860	438	0,45
Купцы	22333	3407	3,5
Мещане	123267	11634	18,6
Цеховые	17678	2361	2,759
Строевые низшие чины	32516		4,5
Нестроевые	6447		0,89
Бессрочно-отпускные	11335		1,6
Отставные	15333		2,1
Семейства низших чинов	66495	11634	10,758
Финляндские уроженцы	17205	1430	2,6
Разночинцы	17771	3606	2,9
Крестьяне	207007	10397	30,0
Иностранцы	21335	2545	3,3
Без означенных званий	798		0,11
Всего	667207	59009	100,062

*Данная перепись проводилась Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел.

Источник: Санкт-Петербург по переписи 10 декабря 1869 года, выпуск 1-3 (Санкт-Петербург, 1872), выпуск 1: 110-111.

т.е. до того времени, когда формальная социальная мобильность и доступ к наградам за службу начинают все в большей степени связываться с образованием. Так, в 1831 г. Министерство просвещения потребовало точного определения данной категории у Сената. Отосланное Департаментом герольдии к указу о банкротстве, который служил гарантом единственного определения, появившегося в Своде законов, это министерство инструктировало своих подчиненных включать в категорию разночинцев детей копиистов недворянского происхождения, канцелярских служащих и чиновников с чином девятого класса или ниже, а также детей священ-

Т а б л и ц а 4. Подгруппы разночинцев по Санкт-Петербургской переписи от 10 декабря 1869 г.

1. Агрономы, техники и т.п.: механики, землемеры, таксаторы, чертежники, топографы, ученые управляющие и их помощники.
2. Аптекари, провизоры и т.п.: фармацевты, аптекарские помощники, аптекарские ученики, лекарские ученики, провизорские помощники, ветеринары и фельдшеры.
3. Вольноотпущенные, которые не приписаны к податным сословиям.
4. Воспитатели домашние, включая гувернеров.
5. Воспитанники, находящиеся под опекой сиротских и воспитательных домов и институтов, училища глухонемых.
6. Канцелярские служители, включая кондукторов путей сообщений, служителей Коннозаводского ведомства и станционных смотрителей.
7. Морские и речные экипажи и т.д.: шкиперы и их помощники, штурманы и вольные матросы.
8. Мастерские разных ведомств (мастера, подмастерья, рабочие и служащие), рабочие и служащие различных государственных предприятий (оружейных, пороховых, монетных, бумажных, печатных и т.д.).
9. Незаконнорожденные, усыновленные и приемные, подкидыши.
10. Придворного ведомства служители, включая служителей Придворно-конюшенного ведомства, воспитанников берейторских школ и отставных вагенмейстеров (весовщиков).
11. Служители почтового ведомства, включая почтальонов с их семьями.
12. Театрального ведомства служащие и служители, включая часть актеров и их семейства.
13. Уволенные из разных ведомств.
14. Уроженцы бывших русско-американских владений, включая креолов.
15. Художники.
16. Ямщики.
17. Не включенные в предшествовавшие категории по неопределенности звания, включая лиц, называющих себя просто-разночинцы, арестантов, бродяг, не помнящих родства, военнопленных, музыкантов, семейства нотариусов, сестер милосердия, семейства ссыльных, студентов некоторых заведений, не означивших своего звания, учеников Академии художеств и фабричных, не показавших своего звания.

Источник: Санкт-Петербург по переписи 10 декабря 1869 года, выпуск 1: 116-117.

ников и церковных слуг, которые были исключены из церковного ведомства⁴⁰.

В противоположность столь широким правовым и административным предписаниям статистические данные XIX в., связан-

ные с образованием, постоянно выделяют разночинцев из других недворянских групп, включая некоторые приписанные законом к данной категории. Показательны следующие примеры. Штатские слуги недворянского происхождения могли объединяться с дворянами (личными или потомственными) или с разночинцами. Личные или потомственные дворяне могли обособляться или не обособляться. После 1845 г., когда чиновники недворянского происхождения ниже девятого класса перестали считаться личными дворянами, эти две категории могли быть объединены и таким образом обособлены от потомственной знати. Чаще, однако, дворяне и все штатские служащие считались одной категорией, притом, что разночинцы недвусмысленно отделялись от знати, детей высших офицеров, потомства священников и детей штатских служащих недворянского происхождения. Особенно заслуживает внимания тот факт, что во второй половине XIX в. разночинцы иногда включались в низшие городские сословия наряду с мещанами и ремесленниками, хотя они все еще могли быть внесены в списки и как отдельная категория. Таким образом, статистические упоминания продемонстрировали, что даже после появления русской интеллигенции, в развитии которой студенты из разночинцев сыграли выдающуюся роль, категория разночинцев в широком плане продолжала представлять низшую социальную группу, отличную от образованной элиты⁴¹.

Формулирование в законах социальных определений и их частичное использование различными правительственными ведомствами служило в первую очередь и в основном тому, чтобы решить целый ряд различных административных задач. Интерпретация категории разночинцев выявила и чрезвычайно сложные правительственные задачи, и серьезное вмешательство бюрократии в жизнь на местах. Множественность значений была связана с общественным развитием и с интересами отдельных административных ведомств. В XVIII в. разночинцы чаще являлись (но отнюдь не всегда) податным низшим классом или неподатными мелкими служащими; в XIX в. они представляли более элитарную группу специалистов с высшим и средним образованием, а также государственных служащих низшего уровня. Такое определение этой категории в XIX в. не было новым, и применение, связанное с низшими сословиями, не исчезало; более того, перемена происходила на одном уровне и это соответствовало динамике развития, постоянно обновлявшей ряды разночинцев. Возникновение категории разночинцев, первоначально являясь результатом новых петровских определений и институтов, прежде всего введе-

ния подушной подати и регистрации социальных слоев в официальных административных ведомствах, к XIX в. стало лучше отражать последствия государственного строительства и развития образования. Административная статистика, таким образом, содержала не одно определение и применение данной категории; более того, разные определения разночинцев неизбежно влияли на установленные границы смежных социальных групп. Из этого следует, что, только рассматривая контекст, в котором появлялась каждая формулировка, историки могут понять смысл и значение любого разделения по социальным категориям.

Церковные определения

Еще один источник данных о населении указывает на необходимость внимательно относиться к контексту, в котором проявилось особое разделение на социальные категории. Церковь употребляла свою собственную социальную терминологию, отличную от принятой в светском государстве. До 1841 г., когда в церковных записях перестало использоваться понятие разночинцев, в них имелись следующие категории⁴²:

Духовные: все категории белого духовенства, включая протопопов, попов, протодьяконов и певчих, дьячков, псаломщиков и пономарей.

Военные: генералитет, штаб-овер- и унтер-офицеры, рядовые, солдаты и матросы.

Разночинцы: дворяне, дети боярские/городовые служивые, однокорцы, ямщики, россыльщики и монастырские слуги⁴³.

Приказные: обер-секретари, секретари, протоколисты, актуариусы, регистраторы, канцеляристы, подканцеляристы, копиисты.

Посадские и цеховые.

Дворовые люди, включая шляхту и прочие чины (лица с домовладениями)⁴⁴.

Поселяне, т.е. крестьяне и бобыли.

Своеобразие церковного социального деления согласовывалось с государственной административной практикой и при объединении категорий дворянских и недворянских, и при отделении военного сословия. Все же важно подходить к церковным данным не просто как к данным одного из административных ведомств. Церковь и духовная иерархия, которая ею управляла, действительно входила в состав отдельного административного ведомства, но церковь также играла исключительную культурную и со-

циальную роль, которая отражалась в приходских книгах записей исповедей, рождений и браков. Без учета этого важного значения в истории страны невозможно составить мнение о социальных определениях, используемых церковью.

Церковное деление, которое определено основывалось на занятиях населения и структуре административных ведомств, включало сочетание рубрик, организованных в вертикальную иерархию функциональных/служилых чинов (церковные, военные, разночинные, государственные и посадские) или в горизонтальные страты (посадские, дворовые и крестьяне). Термин «посадские» мог быть и там и там, так эта категория зарегистрированных членов податной городской общины не могла отделить купечество от низших слоев горожан и ремесленников. Местные священники, так же как их светские коллеги, никогда последовательно не использовали формальные категории, что делает сложный статистический анализ практически невозможным. Хотя реформы Екатерины II способствовали более четкому разделению городского общества на горизонтальные слои, церковные определения не изменились, и в их применении к обществу на местах многое осталось неточным. Даже к этому времени образцы данных московского церковного суда XVIII и XIX в. дают больше, чем церковное представление о разночинцах; они, кроме того, проливают свет на их роль в местном обществе и поднимают общий вопрос о создании и репрезентации социальных категорий.

С самого начала ясно, что церковная точка зрения на социальную организацию не совпадала с фискально-административными категориями петровского периода. Церковь несла ответственность за сохранение и отправление православной веры и поэтому, естественно, понимала общество в терминологии прихода и двора. В исповедальных ведомостях приходских церквей священники перечисляли прихожан по дворам, включая главу домохозяйства, членов семьи и приживал. Социальные термины, имеющиеся в исповедальных ведомостях, таким образом, относились к главе двора, а также к его или ее семье, а не к каждому жителю в отдельности. Даже если социальное происхождение приживал при этом указывалось (например, солдатские вдовы, отставные солдаты и т.д.), ведомости все же считали их членами разночинного домохозяйства и тем самым разночинцами. В структуре этих ведомостей неявно присутствует понимание местной церкви и прихода как основной социальной единицы и, что важнее, — как центра общества, т.е. то, что общепризнанно в историографии Западной Европы, но необъяснимо игнорируется в русской истории.

Последующий анализ основывается на исповедальных ведомостях из Замоскворецкого сорока* города Москвы за период с 1741 по 1856 г. В данном случае мы не преследовали цель провести удовлетворительный статистический анализ или приходско/семейную реконструкцию; скорее, наша задача заключалась в рассмотрении того, как церковь разделяла общество, и объяснении основных изменений социальных определений в имперской России. Возможно, эти записи помогут установить не только тех, кто был включен в категорию разночинцев, но и были ли разночинцы сконцентрированы в отдельных приходах или распределены по целому ряду общин. Записи о браках и крещениях наводят на размышления о личных и семейных взаимоотношениях. Ряд записей периода с 1770 по 1793 г. дают нам представление о том, с кем разночинцы заключали браки, кто выступал свидетелями на их свадьбах и становился крестными отцами их детей. Дополнительные сведения из Москвы и Серпуховского уезда, Сергиева Посада и города Дмитрова (города Московского уезда) также проливают свет на некоторые особенности жизни разночинцев.

В таблицах 5–8 представлены подгруппы разночинцев, имеющих в исповедальных списках, а также процентное соотношение числа разночинцев к общему числу прихожан отдельных общин. Хотя эти ведомости взяты из разных церквей, они имеют много общего – местные священники не всегда последовательно применяли или определяли категорию разночинцев. Повторим еще раз: профессиональные и социальные названия, связанные с разночинцами в ведомостях одного прихода, различались с ведомостями других приходов. Более того, даже если священники указывали на разночинцев среди своих прихожан, они не всегда определяли их отдельно или указывали на то, кто принадлежит к данной категории. Таким образом, представленные здесь таблицы включают все возможные подгруппы разночинцев, обозначенные в источниках.

Следуя правовым и административным применениям, церковные власти представляли разночинцев как переходную группу от категорий Московского государства к петровским социальным группам. Разночинцы включали разных служб служителей и слуг недворянского происхождения, как и традиционных монастырских слуг (не являющихся священниками), таких слуг, которым после 1762 г. было предназначено стать экономическими/государ-

* *Замоскворецкий сорок* – территориально-административная единица, использовавшаяся церковным ведомством для обозначения совокупности церковных приходов в Замоскворечье г. Москвы; от «сорок сороков». (*Прим. ред.*).

Т а б л и ц а 5. Подгруппы разночинцев, Замоскворецкий сорок, Москва

Год	1741	1751	1754	1772	1791	1797	1814
Категории	Князья; дворянство; соборная охрана; монастырские слуги и служители; приказные люди; рабочие на текстильных фабриках; разных служб служители; ямщики; полицейские части; богдельные нищие; казенные кузнецы; чеканщики монет; фабричные и мастеровые; подмастерья; цеховые; казенные резчики	Дворянство; придворные; цеховые; казенные кузнецы; богдельные нищие; чеканщики монет; фабричные и подмастерья; казенные пекари; казенные резчики; монастырские части; крепостные; казенные сторожа; отставные прапорщики; мелкие приказные; ямщики; скоряки; живодерные	Дворянство; сторожа; казенные кузнецы; фабричные, мастеровые и подмастерья; богдельные нищие; дворцовые квасники; мелкие приказные; студенты университета; казенные токари; ямщики; полицейские части; крестьяне; чеканщики монет; казенные резчики; наборщики при Сенате; дворцовые каменщики; портные; фельдшеры; однодворцы; кузнецы; разных служб служители; фабричные; управляющие/конторские служащие	Дворянство; фабричные мастеровые и подмастерья; бывшие монастырские слуги (ныне экономические крестьяне); сторожа; кафедральные звонари; крестьяне; рабочие казенного печатного двора; чеканщики монет; рабочие на текстильных фабриках; казенные золотари; резчики при Московском печатном дворе	Ямщики; кузнецы; фабричные; богдельные нищие	Ямщики; казенные кузнецы	Приказные

Источник: ЦИИАН, ф. 203, оп. 7474, дд. 45, 173, 245, 422, 623, 707, 872, 1712.

ственными крестьянами⁴⁵. В приходе Козьмы и Дамиана в Кадашах в 1754 г. в названной категории числились дети дворян, фабричных и разных служб служители. Большое число разночинцев, по крайней мере в двух приходах Сергиева Посада (Вознесения Господня и Воскресения Христова) в 1761 г., было связано с присутствием монастырских слуг, а в ведомости прихода Всех скорбящих еще даже в 1772 г. «разночинцы» приравнивались к другому широкому термину времен Московского государства – «разных чинов люди». Таким образом, церковное употребление отражало происхождение разночинцев, связанное с переопределением социальных категорий времен податной политики Петра и с попытками подчинить общество административным ведомствам. Одной из причин, обуславливающей высокий процент разночинцев в некоторых приходах, была неясность в проведении социальных границ. В 1791 г. документы из прихода Черниговских Чудотворцев, а также Петра и Павла на Калужской объединяли разночинцев с дворовыми, в то время как несколькими годами раньше другие приходские документы определяли их совместно с дворянами или крестьянами⁴⁶. И, наконец, некоторые ведомости с большим числом разночинцев не определяют подгруппы, так что объяснить их преобладание нельзя. В любом из этих примеров неоднозначность определений могла привести к статистическим колебаниям.

Т а б л и ц а 6. Подгруппы разночинцев, 1737–1790 гг.

Серпуховской район, 1737	Штатные монастырские служители; казенные кузнецы; конюшие; разных служб служители
Радонежская десятина, Московский район, 1761 (Сергиев Посад)	Дворовые и скотники; церковные сторожа; штатные монастырские служители; «разночинцы и захребетники»
Серпуховской район, 1769	Казенные кузнецы
Город Дмитров, 1790	Лекари, учителя «средних» школ, и разночинцы

Источник: ЦГИАГМ, ф.203, оп.747, дд.7, 293, 392, 603, 614.

Потребности государственного строительства (в виде административных, военных и экономических ведомств) также способствовали увеличению численности разночинцев. В 1769 г. три прихода Серпуховского района (Пророка Ильи на Посаде, Преображения

Т а б л и ц а 7. Концентрация разночинцев, Замоскворецкий сорок, Москва*

Год	1741		1754		1772		1791		1797	
	Прихожане	Разночинцы								
Приходская церковь										
Николая Чудотворца в Кузнецкой слободе	288	30 (1,0)								
Параскевы Пятницы на Пятницкой улице	716	126 (17,6)			350	6 (0,2)				
Сошествия Святого Духа в Толмачах	322	25 (7,8)								
Георгия в Яндове	517	96 (18,6)								
Козьмы и Дамиана в Кадашах			946	570 (60,3)			561	89 (15,9)		
Ризоположения в Донском			1784	946 (53,0)						
Всех Скорбящих Радости в Коломенской ямской слободе (Скорбященская)			737	458 (62,0)	391	134 (34,3)				
Николая Чудотворца на Путьшах			469	32 (6,8)						
Николая Чудотворца в Голутвине			445	73 (16,8)						
Вознесения за Серпуховскими воротами			732	130 (17,8)			617	49 (7,9)		
Воскресения в Монетчиках			454	72 (15,9)					493	14 (2,8)
Софии на Набережных Садовниках					231	7 (3,0)				
Воскресения в Пленницах					186	28 (15,0)	154	61 (39,6)		
Спаса Преображения на Болвановке					211	11 (5,2)	285	21 (7,4)		

Климента папы Римского					181	14 (7,7)				
Михаила Архангела в Овчинниках							435	12 (2,8)	434	8 (1,8)
Черниговских Чудотворцев							302	96 (31,8)		
Иоанна Воина на Якиманке							319	29 (9,0)		
Воскресения за Даниловым монастырем							506	105 (21,0)		
Николая Чудотворца на Берзевке							313	121 (38,7)	295	93 (32,0)
Петра и Павла на Калужской**							662	412 (62,0)	738	22 (3,0)
Успения в Кожевниках							329	37 (11,2)		
Варлама Хутынского на Большой Ордынке									329	20 (6,0)
Троицы на Шаболовке									498	10 (2,0)

* Все данные о прихожанах включают женщин и мужчин. Цифры в круглых скобках указывают в процентах число разночинцев к общему числу прихожан.

** Разночинцы и дворовые.

Источник: ЦГИАГМ, ф. 203, оп. 747, дд. 45, 173, 245, 422, 623, 707, 872, 1712.

Господня и Успения Богородицы) имели слишком большое число разночинцев, которые в каждом случае составляли специальную профессиональную группу казенных и артиллерийских кузнецов. В противоположность законам, но в соответствии с административной практикой, церковь обычно отделяла разночинцев от чиновных и нечиновных военных и штатских слуг, которые были не выше обер-секретарей. При такой политике в категории разночинцев помимо дворянства оставался целый ряд казенных и дворцовых слуг низших чинов со специфическими ремесленными и техническими навыками, необходимыми для государственного строительства, управления и экономического развития.

Таблица 8. Концентрация разночинцев*

Приходская церковь	Число прихожан	Число разночинцев в % по отношению к числу прихожан
<i>Радонежская десятина, Московский уезд, 1761 (Сергиев Посад)</i>		
Введения Божьей Матери	763	53 (7)
Вознесения Господня	1092	278 (26)
Ильи Пророка	1289	352 (27) **
Воскресения Христова	2152	1971 (92) ***
<i>Серпуховской район, 1769</i>		
Николая Чудотворца в Бутках	354	12 (3,4)
Пророка Ильи на Посаде	167	57 (34) ****
Воздвижения Креста	246	25 (10)
Сретения Господня	885	30 (3,4)
Вознесения Господня	139	7 (5)
Воскресения Христова на Посаде	418	59 (14)
Рождества Пресвятой Богородицы	95	5 (5,3)
Преображения Господня	281	146 (52) ****
Николая Белого	330	12 (4)
Святых Жен Мироносиц	1634	28 (2)
Успения Богородицы	179	45 (25) ****
<i>Серпуховской район, 1789</i>		
Сретения, города Серпухова	1498	33 (2,2)

* Все данные о прихожанах учитывают женщин и мужчин. Цифры в круглых скобках указывают число разночинцев в процентах к общему числу прихожан.

** Данные включают «разночинцев и захребетников».

*** Эти разночинцы являлись монастырскими служащими и слугами.

**** Разночинцы в этих приходах являлись казенными и артиллерийскими кузнецами, особой служилой категорией.

Источник: ЦГИАГМ, ф.203, оп.747, дд.7, 293, 392, 603.

В других вариантах церковных классификаций также просматриваются соответствия правовому и государственному применению. В данных за 1761 г. из Сергиева Посада перечислено много разночинцев, просто как разночинцев — употребление, которое предполагало наследственность данной категории в дополнение к коллективному, широкому характеру термина. Также важной была сравнительно большая и до сегодняшнего дня необъясненная категория «разночинцы и захребетники», находящаяся в исповедальной ведомости приходской церкви Ильи Пророка (Сергиев Посад, 1761 г.). Здесь церковный источник перекликается со светским пониманием разночинцев как чужаков. И, наконец, в ведомости 1790 г. из города Дмитрова предвосхищалось обычное для XIX в. объединение разночинцев с образованной элитой. Так, в исповедальном списке из Успенского собора «лекари, учителя «нормальных» школ и разночинцы» определялись как единое понятие. Ясно, что церковные определения не были точнее, чем определения государственных законов и администрации. Объединялась ли категория разночинцев с крестьянами, с дворянами и протопрофессионалами, или с правительственными чиновниками, или с фабричными и мастеровыми, она оставалась размытой и изменчивой. Повторим еще раз: ни одно из определений не могло быть удовлетворительным.

Несмотря на значительное сходство между церковным и государственным социальным делением на категории, имелось несколько существенных отличий. Заслуживающим особого внимания было то, что церковная статистика включала в категорию разночинцев дворян, не находившихся на военной службе, — практика, предполагающая примат занятия над происхождением при формулировке социальных определений. Также важно то, что и казенные, и частные фабрики (здесь имеются в виду прежде всего частные ткацкие фабрики) производили хорошо различимую группу разночинцев. В исповедальных ведомостях фабричные рабочие постоянно определяются как разночинцы, хотя в губернских отчетах при описании тех же самых фабрик в 1791–1792 гг. данной категории нет⁴⁷. Еще одно, последнее отличие также нуждается в комментарии. Вряд ли можно рассуждать о социальной структуре или социальных отношениях без ссылки на роль разночинцев как прихожан или на такую же роль в любой другой группе. Исповедальные ведомости показывают, что разночинцы постоянно реально существовали в любом изученном приходе. Даже если местные определения были непоследовательны и противоречивы, важно то, что категория разночинцев присутствовала и,

значит, понимание данного явления имело место. Кроме того важно, что разночинцы не были в своих приходах в изоляции. В целом разночинцы, будучи немногочисленны, виделись местными жителями как соседи, посетители церквей и члены той же приходской общины⁴⁸. Совершенно определенно, что роль разночинцев как прихожан поднимает проблему традиционного представления о социальных категориях и идентичностях в имперской России. Церковь всегда была очень важным институтом для историков, чтобы просто отмахнуться от ее классификации разночинцев как от анахронизма⁴⁹.

Данное положение может быть проиллюстрировано на примере краткой сводки брачных и крестильных ведомостей Замоскворецкого сорока. Священники, составлявшие эти ведомости, не использовали традиционных социальных рубрик, имеющих в исповедальных списках; они распределили лиц, указав занятия и функции подробнее, чем в исповедальных списках, группировавших людей в большие категории. Обращаясь к разночинным подгруппам, имеющимся в исповедальных ведомостях, можно воспользоваться реестрами браков и рождений, чтобы установить личные взаимоотношения между отдельными лицами и категориями прихожан. Данные, представленные в табл. 9, основаны на браках и крещениях, где, по крайней мере, один из участников церемонии или один из упомянутых родителей принадлежал к социальной, или профессиональной, или функциональной подгруппе разночинцев, так определяемой в исповедальных ведомостях. Социальные обозначения супругов, свидетелей и крестных отцов показывают, в какой мере разночинцы (и другие) формировали личные связи с соседями, с товарищами по работе и людьми того же образа жизни. Задача состоит не в том, чтобы провести подсчет браков или союзов, которые преодолевали социальные и приходские границы, хотя подобное исследование вполне осуществимо. Наша цель гораздо скромнее: проиллюстрировать связи группы разночинцев, которую считают переходной и разобщенной, с местными прихожанами, соседями и коллегами по работе.

При составлении табл. 9 мы сочли нецелесообразным избегать спорных определений, которые сравнимы с терминологией, применяемой законодателями и администраторами того же времени. Таким образом, категория разночинцев в таблице включает солдатских жен и дочерей, независимо от того, были ли их мужья и отцы в отставке или на действительной службе. Отделение всех военных чинов от разночинцев, как это фиксируют церковные и административные источники, ввело бы нас в заблуждение: брач-

ные и крестильные ведомости ясно показывают не только то, что военные чины были связаны с разночинными группами, но также и то, что эти группы были интегрированы в приходское сообщество. Похожая проблема возникает в связи с дочерьми и женами священников, включенными в табл. 9 наряду с неразночинными подгруппами. Многие работники казенных печатных дворов, т.е. группы, определяемой обычно церковными источниками как разночинцы, происходили из церковного ведомства и выдавали своих дочерей замуж за попов или за церковнослужителей без духовного сана⁵⁰. В терминах личных взаимоотношений эти браки представляли собой союзы, которые пересекали административные, но не

Т а б л и ц а 9. *Браки и крещения среди разночинцев, Замоскворецкий сорок, Москва (1770–1793)*

Число вступающих в брак*	39
из:	а) любых разночинных подгрупп ¹ 59 (68%)
	б) тех же самых разночинных подгрупп и/или места работы 32 (37%)
	с) неразночинных подгрупп ² 12 (37%)
Количество свидетелей**	45
из:	а) любых разночинных подгрупп ¹ 25 (56%)
	б) тех же самых разночинных подгрупп и/или места работы 17 (38%)
	с) неразночинных подгрупп ² 19 (42%)
Число крещеных***	45
Число крестных отцов	87
из:	а) любых разночинных подгрупп ¹ 59 (68%)
	б) тех же самых разночинных подгрупп и/или места работы 32 (37%)
	с) неразночинных подгрупп ² 28 (32%)

* Данные за 1770–1793 гт.

** Если работники выступали как свидетели, они учтены в списке под литерами б и с.

*** Данные за 1777, 1787 и 1793 г.

¹Следуя законодательству и исповедальным спискам, разночинные подгруппы включали приказчиков, мастеровых и рабочих ткацких фабрик; мастеровых и рабочих печатных дворов; чеканщиков монеты; казенных бухгалтеров; ямщиков; сторожей; землемеров; казенных канцелярских служителей без чина, приказнослужителей (по-видимому, недворянского происхождения); низших военных чинов в отставке; солдатских жен, вдов и дочерей; звонарей; монастырских слуг; домашнюю прислугу; освобожденных крепостных.

²Неразночинные категории включали церковников и попов, их жен и дочерей; купцов; мещан; цеховых; дворовых; крестьян.

Источник: ЦГИАГМ, ф.203, оп.745, дд.1, 52, 85; ф.2121, оп.1, дд.504.

социальные границы. Подобная ситуация имела место, если супругами становились два работника текстильной фабрики; но из-за того что невеста была из семьи посессионных крестьян, такой брак необходимо рассматривать как неразночинный. Ясно, что расхождения между фискально-административными и приходскими представлениями об обществе мешали точному проведению социальных границ. Кроме того, само наличие жен, вдов и дочерей мешало воплощению в жизнь правильных социальных определений⁵¹.

Личные отношения, являющиеся очевидными на примере из брачных и крестильных ведомостей, показывают, что, несмотря на правовую и административную неопределенность, феномен разночинцев являлся сравнительно стабильной социальной действительностью. Это была, однако, действительность на микроуровне, укорененная в повседневной жизни и сосредоточенная вокруг соседей, прихода и места работы. В то время как большинство разночинцев (69%) женились на лицах сопоставимого положения, а треть (33%) – на лицах из той же самой подгруппы или по месту службы, другая часть, также почти треть (31%), выбирала себе пару из лиц неразночинного звания. Выбор крестных отцов, как правило являющийся показателем личных связей, дает тот же самый результат: 68%, 37% и 32% соответственно. Свидетели бракосочетания составляли группу, которая с наибольшей вероятностью включала лиц, не принадлежащих к разночинным подгруппам, хотя и здесь явное большинство принадлежало к той же самой категории. В целом, помимо подавляющего большинства пар, крестных отцов и свидетелей, которые происходили из сопоставимых категорий, имелось также достаточно значительное меньшинство неразночинных участников церемоний. Ясно, что социальные границы, которые государственная законодательная и регистрационная практика определяли столь тщательно, были не так очевидны в обычной жизни.

С церковными данными связана еще одна, последняя проблема, требующая пояснения. Почему церковь отказывается от категории разночинцев после 1841 г., в тот самый момент, когда она становится объектом внимания литературы и публицистики?⁵² Один из вариантов возможных ответов имеется в записях приходов XVIII в., которые не включали названную категорию в исповедальные списки. Между 1769 и 1814 г. некоторые приходские священники в районе Серпухова и Москвы определяли подгруппы разночинцев по функциональным и профессиональным признакам: в 1769 г. – «служителей» и кузнецов; в 1772 г. – фабричных слуг; в 1789 г. – «стрельцов (солдат), приписанных к цеху», и в

1814 г. – типографских и фабричных рабочих⁵³. Окончательное исчезновение названия разночинцев из церковных источников соответствовало переходу церкви на терминологию, обозначающую профессиональные группы. Как будет показано в последующих главах, разночинцы не могли определяться с помощью социально-экономических понятий, особенно во второй половине XIX в., когда это понятие приобретало все более и более культурное значение. Решающий вывод, который следует из приходского контекста, состоит в том, что лица, которые в правовом и административном отношении принадлежали к разночинным подгруппам, определялись, главным образом, по функциональным и профессиональным критериям, а также по месту жительства. Более абстрактное понимание разночинцев было связано только с теми границами, где местное общество встречалось с формальными государственными институтами. Таким образом, ведомости приходской церкви, которая была и формальным, и неформальным институтом, давали пример и абстрактной, и конкретной социальной классификации.

Административное деление на категории и его применение в государственной и церковной статистике показывает, что формальные социальные определения оставались нечеткими, постоянно создавались вновь, толковались и повторялись. Таким образом, в узких пределах отдельных административных ведомств не существовало единого понимания разночинцев, равным образом как не существовало и жестких социальных границ. Отсутствие точных правовых и административных определений не означало, что феномен разночинцев был лишен социального содержания; напротив, он представлял множество социальных реальностей. Русскую социальную структуру важно понять как подвижную, с неопределенными величинами и критериями для формирования социальных категорий и идентичностей. Церковные источники чрезвычайно ясно демонстрируют необходимость разделять микро- и макроуровни социального определения: первый принадлежит к сфере семьи, места работы и прихода, а второй возникает только на границах государства и общества. Определение и разделение этих звеньев было бы грандиозной и важнейшей задачей, для решения которой данное исследование может быть только началом.

Государственное строительство, экономическое развитие и возникновение разночинцев

Начиная с Петра Великого и вплоть до военной реформы начала 70-х годов XIX в., социальное развитие и государственное строительство, процесс создания и утверждения средств власти, а также проблема защиты империи были тесно взаимосвязаны. Государственное строительство, а именно потребность в персонале, столь важное для эффективного исполнения налоговых и служебных обязанностей всем населением являлось важным источником появления новых разночинных подгрупп. Еще одним источником появления новых разночинцев было производственное развитие, тесно связанное с успехами в государственном строительстве. Именно в экономической сфере невозможность дать определение разночинцам как слою или классу, была наиболее очевидной. В то же время экономические причины, порождавшие разночинцев, имеют решающий характер для понимания большинства вопросов, связанных с социальной гибкостью. Только через изучение отношения правовой категории разночинцев к ряду экономических феноменов (в данном случае имеется в виду незаконная торговля и эксплуатация труда крепостных недворянами), можно объяснить, как развитие терминологии привело к социальным понятиям, проведению социальных границ и идентичности, и тем самым – к активной стороне социального и культурного сознания.

Социальные последствия военной службы

Та же самая петровская политика учета населения, которая определила рамки сбора подушной подати, работала и на удов-

летворение потребности в военных кадрах. Регулярная армия России, которая была почти резервистской, комплектовалась из рекрутов, призываемых прежде всего из зависимого населения – крепостных, государственных и монастырских крестьян и горожан. Так как призыв в армию вел к юридическому освобождению от власти землевладельца или от обязательств, налагаемых городскими и сельскими общинами, то он означал важнейшее изменение в правовом статусе каждого рекрута. В то же время, пока рекрут оставался на действительной службе, он не обретал полной свободы¹. Для его семьи и общины правовые и социально-экономические последствия наступали практически немедленно: каждый рекрут оказывался потерянным как работник, налогоплательщик, отец, муж, ребенок. Как бы ни различалось это воздействие на отдельное домохозяйство и на жизненный опыт, до следующей ревизии семья рекрута и община оставались ответственными за его часть подушной подати. Сложным было положение и его жены, детей и престарелых родителей, которые практически оказывались на грани нищеты. В правовом отношении и на деле рекрут и его жена, если она у него была, в момент призыва на военную службу не «освобождались», а исключались из числа членов своей общины.

Потеря формальных связей с общиной означала, что как только солдат завершит военную службу, он сразу же попадет в категорию разночинцев. Свободный от податей и от власти чиновников губернской администрации, отставной солдат занимал двойственное положение в социальной структуре, предназначенной как раз для того, чтобы учесть все население. Хотя считалось, что отставные солдаты могли проживать постоянно (т.е. зарегистрироваться) в городской или сельской общине, они также имели право менять местожительство как по собственному желанию, так и в силу того, что им было нужно себя обеспечивать, при условии, что они не станут преступниками или бродягами². Несмотря на предписанные права и привилегии, которые определяли их как членов фискально-административной категории, в момент отставки они были людьми, не имеющими связи с какой-нибудь формально или неформально установленной общиной. Так же, как и при поступлении на военную службу, они не получали немедленный или гарантированный доступ к какому-либо занятию или другим средствам существования; армию они покидали с небольшой суммой, едва достаточной даже для того, чтобы добраться до места назначения, а также с паспортом и в той одежде, которая была на них³. Практически всю жизнь отдав службе и являясь чле-

нами организованного коллектива, выйдя в отставку, солдаты, наконец, становились полностью свободными: они были вольны вернуться к семье и друзьям, построить жизнь на новой и самостоятельной основе, положиться на церковь или общественную благотворительность или страдать от одиночества и голода. Фактически отставным солдатам становилось доступным многое, но их бедность и, как правило, плачевное состояние оставались серьезной социальной проблемой⁴.

Бедность и реинтеграция в гражданскую жизнь являлись самыми неотложными проблемами, с которыми сталкивались отставные солдаты. Изучая неформальные социально-экономические связи или формальные фискально-административные категории, видно, что эти проблемы обычно друг друга взаимно усиливали. Уже в начале XVIII в. введение подушной подати поставило вопрос о правовом и социальном определении солдат. Несмотря на их юридическую свободу и формальную социальную самостоятельность, значительное число отставников возвращалось к своим семьям и к тому же самому сельскому хозяйству. По их собственным взглядам, как и с официальной точки зрения, возврат к семейному очагу давал наилучшие возможности для того, чтобы вновь начать гражданскую жизнь. Для солдата, находившегося на пороге старости и болезни, это означало большую экономическую безопасность и спокойствие семейной жизни, для правительства — сокращение общественных трат: такой исход предотвращал бродяжничество, нищету и, по-видимому, преступность, а также облегчал переход на штатское положение, что, в свою очередь, обещало увеличение категории поселян, налогоплательщиков и рекрутов. И все же, когда солдат возвращался в свою родную деревню или город, он не был податным, а также не имел прав на участие в распределении земли; таким образом, военные власти поручали его заботам родственников или бывшего помещика, от которых зависели его кров и средства к существованию⁵.

Если возврат к семье и общине был невозможен, правительство поддерживало отставных солдат, расселяя их на свободных государственных землях. До законодательства 1867 г., которым предусматривалось, чтобы рекруты оставались членами общин, из которых они призывались, официально предпочиталось расселение как решение проблем, связанных с солдатами-отставниками⁶. Политика расселения, которая должна была обеспечить «оседлость» и таким образом исключить праздность и увеличить число потенциальных налогоплательщиков и рекрутов, приводила к ог-

раниченным и, с точки зрения государства, недостаточным результатам. Так как бывшие солдаты могли свободно выбирать место жительства, заставить их поселиться на свободных землях в малонаселенных районах было сложно. В возрасте пятидесяти—шестидесяти лет отставной солдат вряд ли хотел вести жизнь перепоселенца, точно так же, как и солдат помоложе, которого могли уволить со службы только по причинам физического увечья, вряд ли являлся подходящим кандидатом. Кроме того, из-за различных податных и служебных исключений бывшие помещики, родные деревни и городские общины не слишком хотели видеть отставных солдат, которые не платили подушную подать и могли претендовать на общественную помощь. С точки зрения здравого смысла, не только длительный срок службы, но и сами привилегии и свободы, которые имели отставные солдаты, сдерживали их массовое расселение, несмотря на то что любой ребенок, появившийся у солдата в отставке, должен был регистрироваться как действительный член податной общины.

Хотя особенности правового положения солдат на действительной службе и в отставке могут быть легко преувеличены, тем не менее они важны для понимания более широкой проблемы — социального разделения на группы. Армия во все времена и во всех странах создает проблему социального обеспечения в гражданском обществе; равным образом интегрирование солдат и их семей в более социальные рамки также весьма затруднительно. Эти вопросы были особенно остры для России, где формальное положение жен и детей зависело от статуса мужа или отца, где границы, отделяющие военное общество от гражданского, были непостоянны и где из-за долгого срока военной службы иждивенцы становились покинутыми и легко уязвимыми. За исключением дворянок, которые не сталкивались с проблемой умаления прав при заключении брака с простолюдинами, формальное положение жены во всех слоях русского общества зависело от положения ее мужа. Солдатские жены, таким образом, в случае призыва на военную службу их супруга становились юридически свободными, и как «свободные» женщины, которые больше не зависели от помещика или податной общины, они подпадали под власть военных властей и формально могли проживать вместе со своими мужьями.

Потеряв место в родной общине, солдатские жены могли легко получить паспорт, который позволял им менять место жительства в поисках работы. Их можно было встретить в городах, где они оказывались вовлеченными в мелкую торговлю, проституцию, а также в сделки с брошенными детьми между приятями

для подкидышей и сельской округой; некоторые из них даже владели ремесленными мастерскими или доходными заведениями⁷. Как и другие лица, вынужденные под давлением экономических обстоятельств искать защиту у работодателя, солдатские жены легко становились жертвами незаконного закрепощения⁸. Девятнадцатилетняя сержантская вдова Матрона из произведения «Пригожая повариха» М.Д.Чулкова объясняла ненормальное положение таких неудачниц. Хотя Матрона имела титул сержантской вдовы, она не имела источников существования; ее муж не был ни дворянином, ни помещиком. Описывая свою неготовность к обстоятельствам, в которых она оказалась, Матрона замечает: «...бедность моя казалось мне еще несноснее, ибо не знала я обхождения людскова и не могла приискать себе место, и так сделалась вольною по причине той, что нас ни в какие должности не определяют»⁹. Описания Матроны не совсем точны: как вдова, признаваемая законом, она могла бы вновь выйти замуж и тем самым обрела бы положение в обществе. Условия жизни солдатки, которая не доказала смерть своего мужа, были, кажется, еще ужаснее и неопределеннее¹⁰.

Не удивительно, что те же самые петровские служилые сословия, которые пополняли официальные ряды разночинцев, также являлись источником значительного числа незаконных детей. Неопределенное положение детей, рожденных солдатскими женами, с особой ясностью свидетельствовало о существовании большой проблемы незаконнорожденных, которая была особенно сложной в обществе, где положение ребенка зависело от социального положения его отца на момент рождения¹¹. По закону любой ребенок мужского пола, законный или нет, рожденный женщиной после того, как ее муж поступил на действительную военную службу, принадлежал к военному ведомству и был предназначен для службы. Хотя в законе было достаточно ясно сказано о том, каким должно быть административно-правовое положение таких детей, все же они и их матери занимали ненадежное социальное положение, что приводило к бесконечным спорам между родителями, помещиками и правительством.

Дворянству, например, часто принадлежали незаконные солдатские дети, которые были к ним приписаны в ревизских сказках. Если помещики действительно содержали кого-нибудь из этих детей, законодательство XVIII и XIX в. разрешало им закрепостить такого ребенка. Но это было возможным лишь в том случае, если родители или родственники не могли обеспечить ему пропитания. На практике такое ограничение было невозможно отследить,

и правительство, допуская подобное, указало в законе 1816 г., что все солдатские дети (законные и нет), по ошибке приписанные к гражданскому ведомству или помещику в течение первых шести ревизий, должны оставаться в своем настоящем положении¹². Решения арзамасского уездного суда (Нижегородская губерния), датированные периодом с 1790 по 1838 г., показывают, что неверная регистрация продолжалась¹³. Правительство, всегда заинтересованное в людских ресурсах для армии, иногда справлялось с уловками помещиков, и тогда нарушители рисковали потерять не только солдатских детей, которых объявили незаконнорожденными, но также супругов и потомство того, кто был уже женат¹⁴.

Как это часто происходило в имперской России, разоблачение нарушений было случайным и сложным. Один факт, наводящий на размышления, стал известен только после того, как из деревни, принадлежащей княгине Голицыной, два незаконных сына солдатки были призваны в армию. В отличие от первого сына, второй, когда он стал рекрутом, потребовал свободы от крепостного звания на том основании, что его отец был солдатом. Арзамасский уездный суд согласился с его прошением, отметив, что как солдатский сын он был обязан служить автоматически. Княгиня Голицына оспорила это решение в Сенате, но Сенат подтвердил его в 1808 г., а также оштрафовал княгиню за представление на рассмотрение неподобающего прошения¹⁵. Справедливости ради следует заметить, что сыновья солдат, которые находились на иждивении родителей, часто скрывали свое происхождение, чтобы избежать военной службы, как это делали и их матери, чтобы вновь выйти замуж. Таким образом, помещики не всегда могли знать, являются ли дети крепостных и их жен, двоюмужниц, действительно незаконными солдатскими детьми. Разумеется, помещики также были заинтересованы в поощрении таких незаконных браков, в особенности если у супругов уже были дети, хотя, по-видимому, им следовало бы искать женщину крепостного состояния, чтобы выдать ее замуж за своего крепостного¹⁶. Более того, известно, что, несмотря на ясное намерение законодателей, сыновья служащих в отставке и негодных для службы в армии, которые, естественно, не принадлежали к военному ведомству, по ошибке зачислялись в гарнизонные школы¹⁷. Даже тогда, когда закон был совершенно ясен, как в случае с детьми отставных солдат, социальная реальность могла оставаться неопределенной.

Переходя от частной, юридически определенной категории солдатских жен и детей к более общей проблеме незаконнорожденных детей, следует сказать, что источники демонстрируют здесь

такую же модель конфликта между правительством, помещиками, родителями и детьми. В обществе, где социальный статус определялся законом и где каждый человек теоретически занимал место внутри административных и сеньориальных рамок, незаконное рождение очень усложняло соблюдение формальных социальных определений. Законодательство XVIII в. также позволяло закрепощать найденных и незаконных детей людям, которые содержали их, хотя еще в начале правления Екатерины Великой простолюдинам была специально запрещена такая форма закрепощения. Тем не менее, как и в случае с незаконным закрепощением вообще, до 1785 г. не было однозначного мнения по поводу этих запрещений, и подобная практика продолжалась и в первой половине XIX в. Поводов и причин для споров о статусе незаконных детей вообще было, по-видимому, больше, чем по поводу солдатских, которые принадлежали или кормильцу-помещику, или армии. Крестьянские и городские общины не могли заявлять претензии на солдатских детей, даже если они их и содержали. Незаконные дети других социальных слоев могли стать источником конфликтов между помещиками, государственными поселениями, фабриками и купцами, и, в отличие от солдатских детей, которые принадлежали только одному государственному ведомству – военному, на этих незаконных детей могли претендовать различные административные ведомства¹⁸.

Социальные условия жизни солдат и их семей предлагают конкретный пример административного и человеческого измерения при формальном разделении на социальные группы. Оставив в стороне очевидные факторы бедности и средств к существованию, заметим, что потребности армии в людских резервах требовали постоянного изменения формального положения, что, в свою очередь, вело к созданию новых социальных категорий и тем самым усиливало неопределенность социальных понятий. Подобная ситуация не ограничивалась только военным ведомством; необходимость в персонале для штатской и церковной службы порождала те же самые проблемы. Светские власти постоянно призывали в армию, на штатскую службу и в казенные школы избыточное потомство священников. Иногда дети священников сами добивались освобождения от церковного ведомства, так как не получали навыков или образования, необходимых для церковной карьеры: большинство из них пыталось поступить на гражданскую службу, некоторые становились государственными крестьянами, горожанами и даже купцами. Кое-кто изгонялся из церковной службы в связи с плохим поведением¹⁹. Такие же отстранения от службы и

увольнения случались и в среде канцелярских служащих. Вероятно, государственные службы обычно испытывали дефицит персонала, что иногда на деле приводило к тому, что нарушители порядка не увольнялись²⁰. Главным здесь было то, что служба, будь то военная, административная или церковная, порождала разночинцев или потенциальных разночинцев (включая жен и детей), которые пересекали социальные границы и изменяли формальное положение, используя многочисленные легальные и нелегальные каналы.

При умножении социальных подгрупп важным феноменом — существование в одной семье лиц с разным социальным статусом — свидетельствует о невозможности установления строгих социальных границ. Так, правовое положение солдатки полностью отличалось от положения ее супруга и детей. Семьи священников дают ту же картину: дочь, вышедшая замуж за крестьянина или канцелярского служащего; сын, получивший светское образование или добившийся, не всегда по собственной воле, карьеры на военном или гражданском поприще; отец или дед, рукоположенные священниками или церковными служащими. Члены семей горожан, были ли они зарегистрированы как купцы, или как посадские, или как дворяне, или как крестьяне, или как приказные люди, также могли иметь множество социальных положений; даже один и тот же человек внутри одной семьи мог быть включен не только в одну категорию²¹. Если кто-то захотел бы узнать, почему не существовало одного определения разночинцев, самым простым ответом на этот вопрос будет следующий: разночинцы занимали множество различных положений. Поскольку не существовало определения разночинцев, которое могло бы включить всех членов семей военных, административных и церковных служащих, не было сомнений в том, что дети, выходцы из данных групп, как правило, с правовой точки зрения становились разночинцами.

Социальные границы дворянства

Традиционная историческая наука рисует дворянскую элиту как четко отделенную от других слоев общества группу, которая к концу екатерининской эпохи сохранила свои привилегии и контролировала средства власти и которая оставалась вполне открытой для пожалованных в дворянский статус государственных служащих. Эта картина является точной по отношению к богатым помещикам и дворянам, которые вне зависимости от своего про-

исхождения сделали успешную карьеру на гражданской или военной службе. Она также применима по отношению к обедневшему и не особенно образованному дворянству, которое могло найти себе покровителей со стороны высокопоставленных родственников или друзей, помогавших им в поисках службы, гарантировавшей минимальный доход²². Но она не дает представления о русском дворянстве в целом. Тщательное изучение категории разночинцев показывает, что неопределенное и изменчивое положение этой переходной группы было общим явлением, которое влияло и на знатную элиту. Действительно, парадигма дворянин – крепостной, служившая до 1861 г. основой сословной структуры, была более расплывчата, чем обычно считается. Изучение такого явления, как крепостные миллионеры и торгующие крестьяне дает лишь общее представление о неопределенности социального положения, а феномен разночинцев служит неопровержимым доказательством того, что формальное положение и дворянства, и крепостных было в равной степени нечетко определено. Это обстоятельство, наряду с хорошо известной гибкостью свободных, недворянских категорий, демонстрировало общество, где любое положение было ненадежно, а социальные границы – всегда подвижны²³.

Историки долгое время обращали внимание на сосредоточение права собственности на крепостных в руках небольшой группы крупных помещиков и соответственно – на недостаточное число крепостных у большей части провинциальных мелких дворян, не упоминая тех дворян, которые не имели земли вовсе и полностью зависели от государственной службы²⁴. За пределами влияния бедности, службы и даже отсутствия образования (дети потомственных дворян были в правовом отношении дворянами, вне зависимости от тех или иных атрибутов), имелось важное явление – неудовлетворенные претенденты на дворянство, претенденты, чье знатное происхождение официально не признавалось и чей статус тем самым оставался неопределенным. Точные размеры данной группы не известны, но ее приблизительное значение может быть продемонстрировано с помощью следующих статистических данных. В 1820 г., в самый обычный год, инспекторы департамента военного министра докладывали, что только 560 просителям из тысячи позволили поступить на службу в армию с правами дворян²⁵. Данные, собранные в Министерстве юстиции, показывали, что в 1845 г. прошения 3332 претендентов на дворянский статус были подтверждены, в то время как 3215 претендентам отказано. Соответствующие пропорции сохраняются и в 1846 г.: 3320 подтвержденных прошений и 3013 отказов²⁶.

Вопрос об идентичности дворянства, сравнимый с неопределенностью социальных понятий в целом, был связан с официальной регистрационной политикой, имперской экспансией и жалованием дворянства через службу, т.е. со всеми основными сторонами государственного строительства. Формальные претензии на дворянский статус, законные, сфальсифицированные или просто ошибочные (разницу между ними не так легко определить), основывались на происхождении или на службе. Традиционно самым желанным и престижным источником дворянства было происхождение, даже если оно оставалось спорным и зачастую труднодоказуемым. Существование особых социальных категорий, чьи члены имели определенное законом право доказывать свое дворянское происхождение, показывало чрезвычайную сложность и неопределенность в генеалогиях представителей элиты. Бесспорно, нисходящая социальная мобильность играла важную роль в развитии имперского правящего класса уже на ранних стадиях его формирования и, естественно, задолго до периода отмены крепостного права, когда значительное число деклассированного дворянства пополнило ряды интеллигенции и профессионалов. И действительно, в реформах Петра было очень много сделано для того, чтобы исключить традиционные категории служилых людей из элиты и чтобы открыть ее новым категориям. В любом случае социальные понятия были разрушены и границы размыты.

В начале XIX в. целые группы (такие, как однодворцы, а после 1831 г. — безземельная польская шляхта) утратили право доказывать свое происхождение. Для того чтобы восстановить эти потерянные привилегии, однодворцы должны были подтвердить документально, что земельное держание, полученное их предками, было пожаловано им за дворянскую службу²⁷. Однодворцев без труда определяли как социальную категорию вследствие их концентрации в определенных географических районах, которые некогда входили в состав южных пограничных земель Российского государства; повсюду в дореформенный период они имели особые привилегии, связанные с военной службой²⁸. Само их существование показывает: в то время как многие традиционные категории служилых людей Московского государства были поглощены петровскими категориями XVIII в., некоторые сохраняли определенное или неопределенное положение даже после 1861 г., когда отмена крепостного права, военная реформа и, в конце концов, изменение налоговой системы привели к еще одной фундаментальной перестройке в социальной классификации.

Помимо ряда категорий служащих, чей формальный статус лежал на стыке больших «структур» эпохи Петра, имелись лица, чьи претензии на дворянское происхождение были отвергнуты или пересмотрены, и которые, соответственно, были внесены в подушный оклад, как правило, в течение первой половины XVIII в.²⁹ Другие же сохраняли право доказывать свое дворянское происхождение – право, которое могло быть утрачено в случае признания их виновными по суду³⁰. Неопределенное положение этих претендентов было связано или с тем, что их семья не могла обеспечить соответствующее содержание дворянского рода, или с тем, что в данном случае не удавалось установить происхождение от семьи, которую Департамент герольдии считал дворянской. Часто нереальность задачи документально подтвердить дворянское происхождение ставила в затруднительное положение и неудовлетворенного претендента, и честного чиновника. Вопросы, которые возникали в таком случае и невозможность найти на них ответы, свидетельствовали о действительно реальной неопределенности дворянского положения, о принципиальных обязанностях властей защищать права дворян и о всеобъемлющей неопределенности социальных понятий.

Одно дело, препровожденное в 1792 г. в Московскую губернскую администрацию из Орла, ясно продемонстрировало все вышеперечисленные трудности. Эта история началась с того, что городское правление Ельца попыталось подтвердить положение сына сержанта, имевшего паспорт умершего отца с пометой о том, что тот был дворянином. Дворянство Ельца отказалось признать дворянское происхождение претендента из-за отсутствия у него документов, и его соседи, однодворцы, проживающие в окрестностях Ельца, где он владел домом, также не смогли подтвердить его происхождение. Единственным свидетельством знатности был паспорт отца, полученный (вероятно, он был признан настоящим) от главы Московского городского управления, в котором значилось, что он поступил на службу в Елец как безземельный русский дворянин.

Так как никаких данных из Москвы не поступило, претендент и его брат попросили зарегистрировать их купцами в городе Елец, где они, вероятно, занимались торговлей. Местные купцы выразили свое согласие принять их, но только после того, как они разберутся со своим положением. Так как это требование просители не смогли исполнить, они пожелали зарегистрироваться в категории мещан. Власти Ельца еще раз не стали принимать решения до того, как происхождение братьев будет определено;

просителям, однако, было разрешено оставаться в их доме неограниченное время и зарабатывать на жизнь так, как они зарабатывали ранее. Очевидно, что власти были озадачены, хотя это было обычное по своей сути происшествие, а сами претенденты нисколько не были стеснены происходящим; двадцать лет спустя их формальный статус все еще не был определен³¹. Гораздо важнее в данном примере то, что даже при отсутствии законной регистрации брата, очевидно, достигли полной и естественной социально-экономической интеграции.

Случай, произошедший позднее, был связан с армейской жизнью, где условия службы зависели от социального происхождения, но где также имелись большие возможности для подъема вверх по социальной лестнице. Он еще раз иллюстрирует неопределенность, связанную с претензиями на дворянское происхождение. В 1855 г. рядовой Покрамович утратил право претендовать на дворянское происхождение после того, как был осужден военным судом. По иронии судьбы, он был осужден за несоответствующее поведение и проявленное неуважение по отношению к старшим по званию, ибо отреагировал гневно, когда младший капрал, а затем и командир его роты обратились к нему с фамильярным «ты» – форма обращения, которая была вполне приемлемой при разговоре с равным или с лицом, стоящим ниже на социальной лестнице. Но Покрамович увидел в таком обращении «оскорбительное обхождение», которое его задело, и открыто заявил своему командиру: «Вы не имеете права обращаться ко мне с фамильярным «ты». Хотя претензии Покрамовича на дворянское происхождение были признаны Герольдией еще в 1788 г., власти не нашли требуемых документов, подтверждающих происхождение его отца. Конфликт продемонстрировал, насколько непереносимо для этого солдата «голубой крови» было несоответствие его формального положения личным притязаниям³².

Вторая группа претендентов на дворянский статус сформировалась в результате того, что было неясно, как применять русское законодательство по отношению к меньшей части населения таких территорий, как Польские земли, которые подпали под власть России в правление Екатерины Великой³³. Польское дворянство, с его долгой исторической памятью и традиционными понятиями политической власти, вероятно, было сильно возмущено, когда его вынуждали доказывать свое происхождение в русском Департаменте герольдии. Примером может служить случай Ф.Шенявского, польского рядового в русской армии. В 1850 г. он потерял право доказывать дворянское происхождение после того, как был

осужден за лжесвидетельство и два дезертирства. Как предполагаемый дворянин он был избавлен от телесных наказаний, которые получали обыкновенные рядовые за подобные преступления, но его понизили в чине и заставили служить на тех же самых условиях, что и податное население³⁴.

Последняя категория, претендующая на дворянский статус, была порождена петровскими реформами и, в частности, «Табелью о рангах», которая регулировала аноблирование через службу. «Табель о рангах», а также постоянный рост численности армии и бюрократии создали большие возможности социального продвижения для многих людей. В самой идее служилого дворянства не было ничего нового, и дворянство по происхождению не исчезало, но все же «Табель о рангах», с ее предполагаемым приоритетом заслуг и исполнительности, действительно способствовала более широкому определению дворянства – определению, которое включало культурную составляющую, связанную с образованием и проникновением западной культуры³⁵. Поэтому не удивительно, что восходящая мобильность служилого дворянства с высшим и средним образованием вела к величайшей неопределенности в положении элиты. Дети личных дворян, определяемые как разночинцы, были группой с восходящей и нисходящей социальной мобильностью одновременно³⁶; в отличие от потомства большинства социальных групп, они начинали свою жизнь и карьеру с положения ниже, чем имели их отцы, и как следствие этого появлялось расхождение между их формальными правами и личными ожиданиями.

Изучая ревизские сказки 1754–1756 гг., С.М.Троицкий описывает потомков приказных людей, которые достигли наследственного дворянства в послепетровскую эпоху. Особенно интересен случай Д.С.Копьева. Рожденный до того, как его отец получил потомственное дворянство, Копьев формально не считался дворянином, но сам считал себя таковым задолго до того, как достиг служебного чина, дающего дворянство³⁷. Хотя и не совсем обычное – подавляющее большинство таких канцелярских служителей никогда не получало дворянского статуса, – самоопределение Копьева предполагает два возможных объяснения. Или он не понимал, или действительно находил бессмысленным разницу между потомственным дворянством и классными чинами гражданской службы. Такой взгляд можно легко объяснить: ведь его отец, очевидно, продолжал оставаться его родителем, когда переходил от «обер-офицерского чина» к чину потомственного дворянина. Или, весьма возможно, Копьев хорошо понимал свое недворянское

происхождение, но, сильно полагаясь на повышение, называл себя дворянином. Это также объяснимо, если принять во внимание успешную карьеру отца и его собственные весьма многообещающие возможности. В любом случае имелось ожидание аноблирования, которое соответствовало действительному опыту, хотя еще и не формальному положению. Возможно, в случае с Копьевым важнее то, что созданный им собственный образ помимо прочего указывает, что даже для простого человека неформальный статус мог быть выше, чем разрешало ему его формальное положение.

Другие лица, добивающиеся дворянства, не имели столь удачных стартовых условий. Куда менее обещающим было начало карьеры Николая Шапова, простого почтальона, который в 1819 г. был отправлен в армию солдатом после драки с ямщиком. Шапов также считал себя дворянином, сыном штаб-лекаря с чином коллежского асессора (восьмой класс). Только после того как он дважды дезертировал из армии, а затем несправедливо обвинил двух находящихся на действительной службе офицеров в жестокости, власти все-таки изучили положение его отца по документам Герольдии, так как документы военного ведомства погибли в огне. Как было выяснено, отец Шапова от рождения принадлежал к церковному ведомству, посещал Московский университет и завершил свою карьеру штаб-лекарем с чином девятого класса, который не предусматривал потомственного дворянского статуса. Шапов, таким образом, был сыном личного дворянина и вне зависимости от того, когда он был рожден, не мог претендовать на дворянские привилегии³⁸. Повторим еще раз: любой может прийти в замешательство, столкнувшись с таким явлением, как самозванные дворяне. Даже если Шапов умышленно фальсифицировал свое происхождение, что было вполне извинительно в свете его беспокойной служебной карьеры, власти все равно заботились о том, чтобы не нарушать права потенциально благородного лица. Только после того как Шапов был наказан за многочисленные преступления, что заставило провести детальное расследование, власти наконец-то дали заключение о том, что по происхождению он не дворянин.

Круг лиц и групп, претендующих на дворянство, а также большое число лиц, претензии которых были непризнаны, отражали всеобщее сомнение в социальной идентичности. Если эти люди принадлежали к дворянству на законных основаниях, тогда их неопределенное положение отражало ту легкость, с какой безземельное дворянство попадало в ряды податного населения. В рав-

ной степени важно и то, что даже если мотивы были придуманы, сама способность выдвигать притязания, к которым власти относятся серьезно, предполагает отсутствие ясного социального деления между всем населением и рядовыми дворянами. Власти, естественно, старались не нарушать права тех, кто мог быть признан дворянином на законных основаниях³⁹. Хотя государственные усилия ограничить дворянство начались с введения «Табели о рангах» в 1722 г., потребовался почти весь XVIII в., чтобы определить правовые параметры дворянского статуса. И действительно, два краеугольных камня дворянских привилегий – преимущественное положение на службе и исключительное право владеть населенными поместьями – не были жестко определены законодательством, не говоря уже об административной практике, существовавшей вплоть до второй половины XVIII в.⁴⁰

Не только отдельные лица из податных сословий постоянно принимались на гражданскую службу как канцелярские служители, но помимо этого их назначали на должности, предполагающие получение ранга, что открывало перед ними возможности для получения дворянства, начиная с восьмого чина⁴¹. Жестко выступая против самонадеянности канцелярских служителей, которые по ошибке считали себя дворянами, Сенат в 1759, 1769 и снова в 1760 г. напоминал чиновникам обер-офицерских чинов (с 9 класса и выше), которые по происхождению были простолюдинами, что, в соответствии с точным «изображением» «Табели о рангах», «их дети не являются дворянами [и] в отличие от дворян им не позволено приобретать деревни или владеть оными». Более того, так как они не «имеют прав дворянства» по закону от 9 февраля 1758 г., в их распоряжении имеется всего лишь шесть месяцев для того, чтобы продать те поместья, которыми они уже владеют⁴². Ясно, что среди гражданских служащих с четырнадцатого до девятого класса, которые не давали дворянства, трудно было сохранять различия между потомственными дворянами и простолюдинами.

До 60-х годов XVIII в. не удавалось придерживаться предписаний «Табели о рангах», что облегчило подъем простолюдинов по социальной лестнице до тех ступеней, которые были бы для них недоступны, если бы жестко соблюдались предписания «Табели». Это происходило хотя бы потому, что сама «Табель» устанавливала получение дворянства через службу и, таким образом, по общему мнению, облегчала продвижение талантливых людей в правящую элиту. Кроме того, поскольку в 1762 г. дворянство было освобождено от обязательной службы, оно в какой-то мере освобождалось и

от служебных наград, что также стирало границы, разделяющие потомственное дворянство и чиновников недворянского происхождения. Если потомственному дворянству не нужно было больше служить, то оно также теряло право преимущественного назначения на должности⁴³. Несмотря на привилегированное положение, которое продолжало распространяться на дворянство, границы, отделяющие их от простолюдинов, оставались неясными и размытыми – даже на гражданской службе, которая была иерархической и относительно регулируемой. Само отсутствие четкого разделения слоев помогает объяснить, как русский незначительный по численности правящий класс мог расширять и удерживать свою власть, укрепляя сети личных связей, основанных на родстве и патронаже.

Правительственные усилия ограничить численность дворянства продолжались и в первой половине XIX в. Среди вопросов, связанных с обозначением социальных границ, которые рассматривал Комитет 6 декабря 1826 г., были открытость дворянского сословия и правила, регулирующие продвижение по службе. Выводы данного Комитета соответственно были включены в законодательство 40-х годов XIX в. В нем была сделана попытка ограничить аноблирование путем изменения чина, который мог давать право на получение дворянства. Категория почетных граждан, созданная в 1832 г., была соединена с категорией личных дворян, чтобы согласовать интересы штатских служащих и военных офицеров, чей чин более не давал права получить потомственное или личное дворянство. Такие новые правила позволяли избежать опасности, на которую в прениях Комитета указал князь В.П. Кочубей, считая, что в результате ограничения числа служилой, потомственной и личной знати могло бы появиться дополнительное число детей, которые «должны сделаться разночинцами, то есть поступить в такое состояние, которое ничего определительного не имеет и которое в государстве существовать не должно»⁴⁴. Опасения Кочубея хорошо демонстрируют общую проблему, которая порождала споры о получении дворянства посредством службы – необходимость определить в законе и в системе управления состав российского общества или, говоря словами московского генерал-губернатора князя Голицына, изыскать «средства к утверждению порядка и точности в механизме частей, входящих в общественный состав Российской империи»⁴⁵.

Члены Комитета 6 декабря 1826 г. верно объединили феномен служилых разночинцев с проблемой формирования границ дворянства; они понимали, что государственное строительство косвенным образом представляло угрозу для исключительности дво-

рянства, так как расширяло и тем самым стирало границы, отделяющие потомственную знать. Отсутствие соответствия между служебным положением и чином, продолжающееся создание новых подгрупп разночинцев и сложности в определении средних слоев общества – все эти обстоятельства затрудняли проведение ясных социальных границ. В самом стремлении Комитета определить формальное положение в терминах социальных функций не было ничего нового; не являлись новыми и проблемы регистрации отдельных лиц и групп в юридически определенных категориях, точно так же, как ничего нового не было в путанице, связанной с неопределенностью правовых понятий. Но дополнительными источниками этой традиционной социальной неопределенности, которые прямо являлись результатом государственного строительства, была необходимость в рабочей силе, порождающая новые категории служащих с высшим и средним образованием, которые могли стать личными дворянами, почетными гражданами или разночинцами в том случае, если они не являлись потомственной знатью. Рост количества новых подгрупп не увеличивал численного значения категории разночинцев, но он прямо подчеркивал сложности, связанные и с данной категорией, и с социальной классификацией в целом.

С середины XVII в. и до отмены крепостного права в 1861 г., а в случае с крестьянством – и за пределами этой даты, самодержавие пыталось установить законом социальную структуру и возможности ее развития, чтобы она отвечала потребностям постоянно меняющихся задач государственного строительства и гарантировала соответствие формального статуса и социальных функций. Связь формального определения и функции привносила в определение границ социальных категорий элементы изменчивости и нестабильности, результатом чего были подвижные социальные рамки, в которых даже границы дворянства никогда не удавалось определить достаточно жестко. В конце концов, после отмены крепостного права единственная возможность сохранить исключительность дворянства и дворянскую честь, с ней связанную, состояла в том, чтобы ограничить аноблирование. В свете государственного строительства это было затруднено, так как обещание дворянства было прежде всего наградой за службу. Решение, по крайней мере со времени Екатерины Великой, состояло в том, чтобы создать дополнительные источники почетного общественного положения, что воплотилось в категории личного дворянства и почетного гражданства («выдающихся граждан» в законодательстве Екатерины). Эти категории, созданные в связи с поли-

тикой ограничения потомственного дворянства, очень быстро приобрели привилегии, которые рассматривались как дворянские: свобода от рекрутской повинности, налогообложения и телесных наказаний; преимущественный доступ к образованию и к продвижению по службе и, в случае с личными дворянами, вождеденное, но срочное право покупки и владения поместьями с крестьянами, хотя и без права передачи их детям, которые не наследовали личного дворянского статуса. Тем не менее законодательное оформление почетного положения не могло резко ограничить наследственную знать: последствия его сказались на расширении привилегий дворянства по отношению к недворянским группам на основе службы или образования, правда, тем самым разрушая исключительность дворянства.

Рассуждения, представленные до сих пор, совершенно не предполагают, что официально признанные дворяне занимали неопределенное положение, хотя могли не иметь экономической самостоятельности, а их служебная карьера могла быть вовсе не такой уж блестящей. Но приведенные свидетельства наводят на мысль о том, что формальный статус обычно не был определенным у средних слоев общества с восходящей и нисходящей социальной мобильностью: к ним относились претенденты на дворянский статус, по крайней мере те из них, за кем могли его признать, личные дворяне, однодворцы и как угодно определяемые разночинцы. Личные ожидания (или интриги?) зачастую заканчивались разочарованием, но важнее то, что сами власти обычно с трудом определяли, кто точно являлся дворянином. Изучая положение рядовых солдат или дворянской элиты, процесс государственного строительства, мы убеждаемся, что именно растущая потребность в рабочей силе и бюрократии, которые, в свою очередь, создавали новые категории служащих, изменяла определения уже существующих категорий и в целом вносила постоянную неопределенность в разграничение социальных групп.

Растяжимые оковы ***крепостничества***

Феномен незаконного владения крепостными восходит к середине XVIII в., когда правительство впервые стало ограничивать доступ лиц без дворянских прав к труду крепостных. Он продолжал свое существование вплоть до отмены крепостного права,

что свидетельствовало об отсутствии дворянской исключительности, об общей неопределенности статуса и о намеренном нарушении социальных границ на всех уровнях общества. Вопрос о недворянском владении крепостными является ключевым для понимания сословной структуры, ибо к концу XVIII в. безусловное право владеть населенными поместьями стало одним из важных признаков дворянства. И действительно, реакция дворян на освобождение – фактически массовая оппозиция – хорошо продемонстрировала значение привилегии, связанной с обладанием крепостными. На практике русское дворянство никогда не имело исключительного права использовать крепостной труд, и в ряде случаев отдельные дворяне фактически поощряли нарушения своих собственных привилегий. Личные мотивы обычно определялись экономическими потребностями, но подвижность русского общества создавала условия, которые допускали такие злоупотребления. Поразительным фактом, который удостоверяется правовыми, судебными и административными источниками, связанными с незаконным закрепощением, является та легкость, с какой люди не только оказывались в крепостном состоянии, но и избегали законного закрепощения.

Незаконное владение крепостными имело две формы. Во-первых, лица, которым было запрещено по закону владеть поместьями и крепостными, продолжали владеть ими, по крайней мере до 40-х годов XIX в. Во-вторых, и дворяне, которые имели право владеть крепостными, и лица, которые не имели такого права, вновь и вновь незаконно закрепощали свободных людей. Обстоятельства, ведущие к незаконному закрепощению, изменялись, но слабость русской правовой традиции и небрежность в обеспечении правопорядка оставались важнейшими факторами; неопределенность в законах позволяла отдельным лицам и местным властям, сознательно или бессознательно, скрывать незаконные отношения⁴⁶. Документы арзамасского уездного суда (Нижегородская губерния) показывают, что к 1785 г., к тому самому году, когда была опубликована Жалованная грамота дворянству Екатерины II, Сенат со всей строгостью пояснял имеющиеся запреты на владение крепостными лицами без дворянских прав и не признавал подобного права даже в тех случаях, когда крепостные или их потомство были приписаны во времена первой, второй или третьей ревизии. Так, центральное правительство сообщало властям Рязанской губернии, что в будущем они не должны подтверждать покупку крепостных людьми, не имеющими дворянского права, на основе регистрации во времена первой и второй ревизий⁴⁷.

Местные власти, однако, совсем не сразу претворяли в жизнь распоряжения Сената; в 1785 и 1788 г. арзамасский суд подтвердил наличие крепостных у купцов на основе регистрации в первую, вторую и третью ревизию. В одном случае суд определил, что купеческая вдова действительно обладает властью освободить крепостного, чей дед был приписан к ее мужу во время первой ревизии. Дед, отец и дядя того же крепостного были приписаны к упомянутому купцу и во вторую ревизию. Ко времени проведения третьей ревизии дед данного крепостного умер, но его отец, дядя и он сам были включены в ревизскую сказку⁴⁸. В 1788 г. суд снова проявил такое же понимание закона: когда внук шведского новокрещеного, который был приписан к одному купцу в первую ревизию, попросил освобождения, суд отверг прошение и вернул этого внука купцу-господину⁴⁹. Точно так же в губернском отчете от 1796 г. было показано, что в Нижнем Новгороде имеется 25 дворовых, которые были приписаны к разночинцам в первую, вторую и третью ревизии; больше всего их было у приказных, затем шли купцы, мещане и ямщики⁵⁰. Даже еще в 1801 г. арзамасский суд приписывал незаконных сыновей дворовых к купеческим женам, уже после того как появились жесткие ограничения, направленные против того, чтобы крепостных приобретали лица, не имеющие прав дворянства⁵¹.

Несмотря на небрежное обеспечение правопорядка, особенно в XVIII в., строгое разъяснение Сенатом данного закона все в большей степени определяло решения на местах, прежде всего на губернском, а затем уже и на уездном уровне. В 1801 и 1802 г. Нижегородская губернская администрация предприняла действия, которые вели к освобождению семнадцати дворовых, приписанных к купцам, горожанам, приказным и солдатам (все вместе были названы разночинцами)⁵². И снова в 1808 г. арзамасский уездный суд препроводил в Сенат сложный случай, в котором один купец приобрел семью крепостных, после того как другой купец, являвшийся посредником в этой якобы законной сделке, купил их у помещика. Местный суд признал эти сделки незаконными, но не был уверен в решении, связанном со статусом этих крепостных. Девятью годами позже, в 1817 г., Сенат повелел, чтобы они были в течение шести месяцев проданы кому-нибудь, кто имел право владеть крепостными⁵³. Имея в виду неопределенность формулировок в законодательстве, а также то, что Сенату потребовалось девять лет, чтобы прислать решение, вряд ли нас удивит то, что произошло более чем за два десятка лет до того, как арзамасский уездный суд начал наконец-то верно понимать указания

Сената 1780 г. Управление без коррупции и умышленно неверного толкования законов вряд ли было возможно; местные власти и суды, в которых преобладали дворяне, постоянно удостоверяли незаконные продажи и игнорировали жалобы крестьян на своих незаконных владельцев⁵⁴. В то же время, не может быть сомнений в том, что губернским властям зачастую было очень сложно разобраться в законах, которые, как предполагалось, они должны были исполнять; эту сложность, по крайней мере частично, можно объяснить отсутствием кодифицированного права.

В том случае, когда должностные лица понимали закон и честно пытались воплотить его в жизнь, имелись другие основания, которые допускали незаконные формы крепостничества. Одна проблема, адресованная к законодательству, затрагивала экономические отношения между дворянами и разночинцами, которые здесь определялись как все свободные лица, не имеющие права владеть крепостными. Самое распространенное злоупотребление было связано с тем, что знатные владельцы передавали крепостных посредникам, которые должны были бы перепродать их законным покупателям. Раз за разом эти посредники оставляли крепостных в своем владении, основываясь на доверительных «верующих» письмах, данных им дворянами. До 1816 г. владельцам крепостных было разрешено давать такие письма разночинцам, которые занимались для того, чтобы провести продажу; с 1816 г. в этих письмах не должно было указываться имя человека, который не имел права владеть крепостными. Новый закон дал незаконным владельцам один год для того, чтобы совершить все просроченные продажи, после чего крепостные должны были быть освобождены, но даже когда должностные лица возбуждали дело о нарушениях, десять или гораздо больше лет могло пройти до той поры, пока незаконно удерживаемый крепостной получал свободу⁵⁵.

Претворение закона в жизнь было сложным, потому что разночинцы и дворяне с равным упорством продолжали незаконные отношения⁵⁶. Иногда дворяне сами выступали посредниками между незаконными владельцами крепостных, для того чтобы узаконить сделку⁵⁷. Помещики даже продавали доверенности на своих беглых крепостных («мертвые души» Гоголя); последних «предприниматели» обычно продавали как новобранцев, которые немедленно дезертировали или могли быть перепроданы⁵⁸. В одном нерешенном случае 1799 г. человек, потребовавший свободы от своего бывшего владельца дворянина, в итоге оказался приписан к крестьянской семье, планировавшей использовать его вместо рекрута. В соответствии с его прошением, этот служитель ходатайство-

вал о записи в купечество, но так как он был необразован и незнаком с бюрократической процедурой, его бывший владелец представил документ, удостоверяющий, что он был отпущен к некоему лицу, которое, как предполагалось, ему поможет⁵⁹. Этот «документ», возможно, был «верующим» письмом, проданным дворянином посреднику; последний затем перепродал этого якобы свободного служителя как рекрута. Каковы бы ни были в данном случае реальные факты, он демонстрирует те опасности, с которыми сталкиваются исследователи, используя правовые источники, которые сами по себе не достоверны.

Хорошо известно, что крепостные предприниматели приобретали рабочих от имени своих господ; такие же соглашения существовали между разночинцами (в данном случае под разночинцами подразумеваются свободные простолюдины) и дворянами. Различие состояло в том, что ни простолюдины, ни крепостные, которыми они владели, могли не знать или не иметь в дальнейшем каких-либо дел с законными хозяевами, дворянами. И действительно, несколько поколений крепостных могли быть приписаны к дворянам, в то время как фактически они оставались в собственности той же самой разночинной семьи⁶⁰. В одном самом обыденном случае в Витебской губернии мещанин Лев Короновский приобрел в 1798 г. двадцать шесть крепостных в виде дара от местной дворянки. Этот дар получил официальное подтверждение в крепости, зарегистрированной на имя другого дворянина. На следующий год Короновский купил у той же самой дворянки поместье с двумястами шестьюдесятью пятью крепостными, на этот раз на имя третьего дворянина. Когда в 1810 г. дочь Короновского вышла замуж за дворянина, она получила часть поместья вместе с двадцатью девятью крепостными в качестве приданого по доверенности, где указывалось, что тот дворянин, на чье имя ее отец купил поместье, перевел свою часть на нее в качестве возврата долга. Сын Короновского, так же, как и отец зарегистрированный мещанином, наследовал оставшуюся часть отцовского поместья. Когда крестьяне Короновского узнали, что они в действительности принадлежат не ему, а некоему дворянину, они написали жалобу в уездный суд. В 1817 г., после того как было отправлено четыре жалобы и не получен ни один ответ, двадцать шесть крестьян обратились к вышестоящим властям; только тогда началось расследование, которое завершилось тем, что их передали в государственную собственность. Сын Короновского был лишен собственности отца, столь тяжело им заработанной, в 1827 г.; дочери же Короновского, чье положение как дворянки, владелицы крепост-

ных, было надежно защищено благодаря ее замужеству, было позволено сохранить своих крепостных⁶¹.

Другая возможность незаконного закрепощения возникала тогда, когда дворяне, владельцы крепостных, предоставляли людям любого звания право использовать труд их крепостных на временной основе. Такие срочные соглашения не были полностью незаконными в том случае, если крепостные получали паспорта от своих владельцев и шли работать у нанимателя, который им за это платил. Но совсем иное дело, когда разночинцы владели крепостными на основе незаконных контрактов или заимствовали их бесплатно у своих друзей (дворян) или родственников⁶². Иногда такой труд крепостных служил платой за долги, а иногда даже разночинные господа получали право продать их. По одному из контрактов, заключенному в 1815 г., некий капитан доверил трех крепостных жене сержанта якобы для того, чтобы обучить их ведению домашнего хозяйства; после пяти лет она получала право владеть ими постоянно или продать их. В свою очередь она обещала, что не будет брать процентов с трех тысяч рублей, которые она дала в долг этому капитану. В 1821 г., обнаружив, что эта сержантская вдова не была записана в цеховой гильдии и, следовательно, не имела права иметь учеников⁶³, Государственный совет объявил соглашение между ними недействительным и повелел, чтобы крепостные были освобождены. В подобных случаях разночинные наниматели, как правило, пытались установить законное владение крепостными; кроме того, такие трудовые контракты могли продолжаться бесконечно⁶⁴.

С корыстью был связан только один источник незаконного закрепощения: свободные люди могли стать крепостными в результате работы по найму или нищеты, так же, как это происходило во времена Московской Руси, до того, как крепостное право стало по закону передаваться по наследству. Военные историки и исследователи, изучающие работающие сословия, документально подтверждают отношения, которые были равносильны кабальному холопству: в связи с военной службой – это было следствием приобретения людей для выполнения рекрутской квоты, среди работающих сословий – следствием нищеты и возможности работать по найму в городе⁶⁵. В самом деле, история незаконного закрепощения наводит на мысль о том, что отношения, сравнимые с кабальным холопством, имели самое широкое распространение. Так, воевода Соликамска (Казанская губерния) докладывал, что в 1763 г. «неизвестная женщина» попросила его воспитать ее шестимесячного сына; воевода согласился и соответственно за-

писал этого ребенка как своего крепостного, руководствуясь тем, что тот был незаконнорожденным. Когда мальчик подрост, он заявил, что является сыном мещанина, и просил о записи в этой категории. В конце концов, ему удалось выиграть дело, доказав, что он был «под властью своего господина» только пять лет и что с ним обращались не как с крепостным, а как с «приемным сыном». В 1807 г. Сенат объявил его свободным⁶⁶.

Несмотря на правовые запреты и, по крайней мере, частичные принудительные меры, нищета или просто работа по найму до эпохи отмены крепостного права могли привести к незаконному закрепощению. В конце XVIII в. молодой человек по фамилии Родионов, сын свободного крестьянина из района Дорпата, пошел работать на местного землевладельца; оттуда он поехал в Нижний Новгород, где в течение двадцати пяти лет трудился на другого помещика. Когда его наниматель умер, наследница последнего попыталась доказать, что в действительности Родионов был крепостным. Так как она представила купчую с именем, которое было похоже на его имя, но не точно таким, как его, местный суд в 1821 г. освободил Родионова и его семью (кстати, он был женат на крепостной другого дворянина)⁶⁷. В похожем случае молодой человек из церковного ведомства из-за нищеты отца нанялся к одной дворянке. Он начал работать по найму в середине XVIII в., впоследствии был записан как дворовый, затем перешел к наследникам своей хозяйки. В 1822 г. местный суд, обнаружив, что по происхождению он свободный человек, которого нельзя приписать как крепостного, освободил его с детьми⁶⁸. И, наконец, уже в 1859 г. сына мещанки возвратили его матери, после того как в девятую ревизию он был зарегистрирован у помещика в качестве подкидыша (1850 г.). И опять из-за нищеты мать отдала своего сына на попечение крепостного – соглашение, которое, в конечном счете, закончилось тем, что ее сын был приписан к знатному господину⁶⁹.

Экономическая активность также могла привести к незаконному закрепощению, несмотря на то что некоторым людям она позволяла избежать законного рабства. Широко распространенная географическая мобильность, даже среди крепостных, хорошо задокументирована в течение всего имперского периода. Даже если она являлась не чисто экономическим решением, тогда, по крайней мере, подобное перемещение было обусловлено экономическими соображениями или необходимостью⁷⁰. Оно могло быть легальным или нелегальным или некой комбинацией того и другого, как это почти всегда происходило в жизни крепостного

предпринимателя Николая Шипова⁷¹. Местные делопроизводственные источники 80–90-х годов XVIII в. показывают, что беглым мужчинам и женщинам удавалось скрываться в лесах и крестьянских поселениях или найти работу на фабриках и в городах, по крайней мере, в течение тридцати лет⁷². Беглые зачастую закрепощались местными помещиками и должностными лицами. Один крестьянин, убежавший в Саратов в 1796 г., был пойман местным помещиком, который немедленно загрузил его работой, пообещав дать ему свободу через семь лет. К сожалению, этот помещик умер до исполнения своего обещания, и его вдова отказалась освободить крепостного. Крестьянин бежал снова, но в этот раз он был схвачен и в 1809 г. возвращен своему прежнему владельцу⁷³. Такая значительная миграция, задолго до начала индустриализации, является показателем активных социальных и экономических отношений.

Более значима на взгляд исследователя та легкость, с которой беглецы теряли и приобретали крепостное состояние. В 1784 г. власти вернули женщину из сословия однодворцев ее мужу в Воронежскую губернию. Еще в 1751 г. эта женщина бежала или была похищена. (Данные источников по этому поводу противоречивы.) Впоследствии она стала собственностью помещика из Нижегородской губернии и была выдана им замуж за одного из его крепостных. После того как она овдовела, ее продали другому помещику, который также подыскал ей мужа. В 1780 г. – через 29 лет после того, как она ушла в первый раз, – женщина обратилась к губернатору с просьбой предоставить ей свободу и была отправлена вместе со своим сыном обратно к первому мужу⁷⁴. В похожем случае морской офицер похитил дочь мещанина и обманом выдал ее замуж за своего крепостного. Одна знакомая убедила эту девушку, которой было семнадцать лет, что этот офицер хочет жениться на ней. Когда она поняла действительную ситуацию, она бежала. В 1800 г. она и ее крепостной муж были освобождены и приписаны к сословию мещан⁷⁵.

Другой факт говорит о том, что изменение социального положения достигалось не только «похищением» женщин или «побегами» жен⁷⁶. В 1783 г. беглый крепостной из Ярославской губернии был приписан к мещанам Нижнего Новгорода, где он женился и имел двух сыновей. В 1786 г. он поручил своего сына Михаила в возрасте двух лет попечению крепостного по фамилии Улитин. Договорные обязательства были оформлены в соглашении, в котором было условие, что, когда Михаил достигнет совершеннолетия, ему будет позволено покинуть своего благодетеля. Годом

позже этот же мещанин передал тому же крепостному своего второго сына. В этот раз соглашение не было подписано, но крепостной, возможно, обещал найти мальчику подходящее место работы у какого-нибудь купца или мещанина. Прошли годы, и в Балахне Михаил, теперь уже двадцати лет, обратился к городничему Нижнего Новгорода, рассказывая, что хозяин держал его в кандалах на местном стекольном заводе, и только недавно его отпустили, после того как он получил увечье. Так как Михаил называл себя «лицом, принадлежащим к Нижегородскому магистрату», об этом деле запросили власти Нижнего Новгорода. (Его мать умерла в 1789 г., а отец исчез незадолго до пятой ревизии 1794–1795 гг.)

Михаил сообщал, что, после того как он попал на попечение Улитина, он жил у одного мещанина и трех купцов, работал в качестве проводника слепого, потом вновь жил с Улитиним, который на лето отдал его внаем сельскохозяйственным рабочим, затем он жил у другого мещанина, Кузнецова, в течение девяти лет. И, наконец, в 1799 г. владелец фабрики Лебедев убедил Кузнецова, что Михаил – его беглый крепостной и отправил на работу в кандалах, где тот оставался в течение двух месяцев. Хотя три свидетеля подтвердили происхождение Михаила, дело не имело продолжения, так как Лебедев представил доказательство, что он купил крепостного с таким же именем в 1795 г. К 1802 г., однако, губернатор убедился в честности Михаила, – решение, которое было подтверждено, когда помещик, который предположительно продал Михаила Лебедеву, «выкупил» его обратно и немедленно «освободил» в 1803 г. Михаил затем явился в магистрат Нижнего Новгорода и был записан как мещанин. Его брат, Петр, также стал мещанином Нижнего Новгорода, после того как власти узнали, что он был записан Улитиним в качестве найденныша в пятую ревизию⁷⁷.

Этот случай, во всех его подробностях, хорошо показывает, как быстро беглый крепостной мог изменить свою формальную регистрацию, каким призрачным мог быть формальный статус и как легко рабочий контракт мог привести к незаконному закреплению. Ясно, что местные власти не были расположены противодействовать требованиям дворян, так, даже после того как губернатор отверг эти требования, магистрат не предпринимал никаких действий, пока два дворянина сами не отозвали иски. Для историка «реальные факты» данной ситуации, в сущности, неуловимы. Не удивительно, что брошенные и осиротевшие дети,

беглые и бедные легко становились объектами незаконного закрепощения; но поразительным является то, до какой степени владение крепостными не было исключительно дворянской привилегией и та легкость, с которой люди меняли свое формальное положение или избавлялись от него, — законно или незаконно, по собственному желанию или насильно. Именно такое постоянное движение в русском обществе — социальное, экономическое, юридическое или географическое — приводило к широко распространенной неустойчивости социального положения и порождало феномен разночинцев.

Хотя простолюдины к концу XVIII в. уже не могли на законных основаниях иметь крепостных, этот процесс не закончился. В течение всего предреформенного периода это явление само по себе, как и юридические иски, к которым оно приводило, требовали постоянного контроля со стороны Сената и Государственного совета. Только в 1847 г. законодатели и власти, наконец-то, разработали правовые формулы и процедуры, необходимые для того, чтобы разрешать судебные дела, возбужденные крестьянами, желавшими получить свободу по причине незаконного закрепощения разночинными хозяевами⁷⁸. Основываясь на законодательстве 1816–1823 гг., эти процедуры иногда длились более десяти лет. Часто они инициировались крестьянами, которые, хотя в данный момент и находились во владении дворян, некоторое время в прошлом проживали у разночинных хозяев. Когда из имеющихся документов следовало, что крестьяне возвратились к знатным хозяевам, и только после того как дело открывалось, решение по нему выносилось легко. В других случаях — или дворяне не знали, что их крепостные служили в прошлом у разночинцев, или они потеряли своих крестьян вследствие ошибочного решения местных властей⁷⁹. Законы, разрешающие незаконным крепостным возбуждать дела о праве свободы, в своей юридической непоследовательности, да при том условии, что крепостные не имели гражданской идентичности, порождали так много прошений и вызывали так много проблем, что в 1837 и 1849 г. Государственный совет запретил рассмотрение дел в том случае, если крепостные в данный момент проживали у дворян. В дальнейшем, однако, дворяне, которые приобрели крепостных, ранее незаконно принадлежащих разночинным хозяевам, могли потерять свою собственность и должны были документально подтвердить, что они не знали о злоупотреблениях, чтобы получить компенсацию⁸⁰. По иронии судьбы, желая пресечь владение крепостными

недворянами, правительство в действительности ограничивало права дворян свободно распоряжаться своей собственностью. Таким образом, и социально-экономическая реальность, и проблемы с соблюдением законов демонстрируют, что, даже несмотря на самую разрекламированную привилегию дворянства – привилегию иметь крепостных, – дворянская исключительность в России была во многих аспектах правовой и социальной фикцией.

Социальная текучесть и стихийное экономическое развитие

Законодательные и делопроизводственные источники прямо указывают на то, что установленные рамки, внутри которых русские люди добывали средства к существованию, занимались своей профессией или вели торговлю, не могли сдержать стихийное общественное развитие. Ограничения на торговлю и на изменение места жительства не сдерживали развитие, а также не мешали личному экономическому процветанию. Законодатели постоянно и без особого успеха пытались примирить формальные структуры и социально-экономическую действительность, но аморфным правовым определениям (не говоря уже о проблеме исполнения законов) недоставало последовательности, необходимой и для контроля, и для гарантированного развития. Вообще не зарегулированность и сомнительные ограничения свободы неизбежно замедляли темп экономических изменений, а скорее организационная слабость, правовая неопределенность и социальная фрагментация. Все вышеперечисленное, подкрепленное авторитарным деспотизмом и политикой покровительства, усугубляло ненадежное положение личности, расточало экономические ресурсы и тем самым приводило к ослаблению производственного влияния предпринимательской инициативы и правительственной стимуляции.

Традиционная историография обращает свое внимание на связь между политикой государства и экономическим развитием с XVII в. и до наших дней. Споры ведутся вокруг влияния государственной политики, в частности, о том, создавало препятствия или стимулировало государственное вмешательство (или бездействие) развитие современной индустриальной экономики в стране. Историки, изучающие XVIII в., склонны подчеркивать благотворные последствия правительственных мер в период производственного

роста, когда промышленная инфраструктура России незначительно отличалась от других европейских держав. Историки, изучающие XIX в., менее оптимистичны и не так единодушны в оценках общих образцов экономического развития и эффективности правительственных мер. Разумеется, первая половина XIX в., время относительной стагнации, завершилась тем, что в результате Крымской войны было вновь осознано отставание России; тем не менее правительство не связывало себя планами полномасштабной индустриализации до 80-х годов XIX в. Хотя последствия таких обязательств и столь же значимых частных усилий остаются главным источником полемики среди историков экономики и социальной жизни, достигнуто общее согласие в том, что машина глубоких преобразований была, по крайней мере, приведена в движение к концу XIX в.⁸¹

Вне рамок этого крупномасштабного производственного процесса на локальном уровне кипела активная деятельность – деятельность, которая могла быть законной, полузаконной или совершенно незаконной и которая мотивировалась мелочной жадностью, давящей нуждой или честной погоней за прибылью. Так как эта деятельность проходила вне предписанных рамок экономических отношений, ее трудно подтвердить документально, и ее влияние на макроэкономическое развитие зачастую невозможно оценить. Понятие разночинцев часто попадает при исследовании таких микромасштабных поисков экономического выживания или личного процветания. Еще в правление Петра Великого официальные и общественные источники устанавливали нечеткую группу в основном (хотя не исключительно) городских жителей, которые не были приписаны к формальным категориям города и села и тем самым не подлежали обычным формам налогообложения. Не приписанные к какой-то конкретной общине или социальной категории лица, которые часто изображаются чужаками и целиком относятся к разночинцам, играли заметную роль в производстве и торговле, будучи владельцами фабрик, купцами, лавочниками, ремесленниками и наемными рабочими. В пореформенный период они даже могли стать владельцами общинных земель и членами сельских сходов. Ясно, что разночинцы не представляли особого класса или категорию, которая играла конкретную, определяемую роль в организации производства, так же, как не были они связаны с какой-либо одной стороной развития, которая бы объясняла их экономическое значение. Более того, официальное и общественное осознание их существования проли-

вало свет на отношения между правовым положением и профессией, так же, как на экономическое развитие и городского общества, и крепостничества.

Уже в Соборном уложении 1649 г. власть пыталась ограничить городскую торговлю определенными социальными категориями, предписав, кому, чем и где торговать. Многим крестьянам и мелким служащим, всем вместе названным «разночинные не купецкие люди», было запрещено торговать, пока они не были приписаны к посадам и, следовательно, не платили местные подати и не исполняли служебные повинности. Делопроизводственные источники первой половины XVIII в. показывают развитие незаконной экономической инициативы и провал попытки навязать ограничения со стороны местных властей. Сети коррупции и политического патронажа, которые санкционировали подобные злоупотребления, также позволяли стихийное экономическое развитие⁸². В конце 40-х годов XVIII в., когда местный городской магистрат Олонца попытался ужесточить торговые запреты, воеводская канцелярия отказалась поддержать эти усилия соответствующим указом⁸³. Точно так же, в 1748 г. магистрат города Дмитрова жаловался, что разночинцы, да и сам местный воевода, владели «купеческими землями», но не платили налогов, требуемых от посадских⁸⁴.

По всей России должностные лица докладывали, что, несмотря на запреты по закону, крестьяне и разночинцы, которые не были посадскими или не несли местных повинностей, продолжали владеть домами, мастерскими, складами и сельскохозяйственными угодьями, расположенными на купеческих землях. В Благовещенской слободе Нижнего Новгорода 265 крестьян и разночинцев владели мастерскими; для сравнения – 112 мастерских принадлежало зарегистрированным горожанам. В данном случае, по крайней мере, эти крестьяне действительно исполняли повинности и платили слободе налоги, хотя их обязанности были не такими, как обязанности мещан⁸⁵. В Пскове много крестьян и разночинцев незаконно занимались предпринимательством и имели предприятия в своих домах, которые считались неуказными местами. Другие жили и торговали «в домах купцов на податных землях» и даже женились на купеческих вдовах и дочерях, но все же не регистрировались в городской общине. Так, дворцовые и монастырские крестьяне, помещичьи крепостные, священники и дьяконы, ямщики, стрельцы, канцелярские россыльщики и «другие лица разных чинов» владели лавками, предприятиями по обработке льна и конопли, а также солодовнями и кожевенными мастерскими⁸⁶.

Меняющиеся социально-экономические условия начала XVIII в. и желание местных властей зарегистрировать как можно больше налогоплательщиков давали беглым и лицам неясного происхождения возможность утвердить себя на правовых основаниях в различных городских категориях. Как указывалось в третьей главе, имущественный ценз для вступления в городскую общину – капитал стоимостью в пятьсот рублей и одобрение местного купечества или властей – конечно же, всегда предполагал, что любой человек до вступления в общину уже имел укоренившееся дело в данной местности. Принимая во внимание, что незарегистрированным городским жителям было запрещено вести городскую торговлю, такие лица не могли экономически интегрироваться, если они не избегали этих самых ограничений⁸⁷. Ясно, что незаконная торговля во многих случаях определяла экономическое развитие и предпринимательский успех.

Даже крепостные иногда ухитрялись зарегистрироваться в городской общине без согласия своих господ⁸⁸. Другие реально были записаны в одном городе, а проживали в другом. Во время второй ревизии власти обнаружили одного резчика по дереву, который обучался и жил в Москве в течение семи лет, а затем поехал в Шую с паспортом сроком на один год. Он прожил там еще семь лет, женился на дочери священника и, в конце концов, переехал в Кинешму, где проживал со своей женой и детьми в течение пятнадцати лет, так и не получив новый паспорт. Только в 1744 г. власти, наконец-то, возвратили его в Москву, где он был записан в первую ревизию⁸⁹. Эта история и другие почти такие же показывают, что и трудовая мобильность, и гибкие социально-экономические отношения, облегчавшие незаконное закрепощение, также обеспечивали существование людей в менее уязвимом состоянии, как в случае с обученным ремесленником, который формально относился к московскому цеху и вел постоянную семейную жизнь.

В эпоху Екатерины незаконная торговля продолжала существовать, и выдающуюся роль в ней играли различинцы. В наказах Уложенной комиссии фактически каждая социальная категория, которая не была частью городского гражданства под властью магистрата, упоминается в том или ином контексте в виде различинцев; даже дворяне включаются в нее по случаю⁹⁰. Купцы, которые в то время отличались от остальных зарегистрированных горожан только количеством принадлежащих им капиталов, постоянно жаловались на незарегистрированных крестьян и разно-

чинцев, которые вмешивались в их торговлю или производили изделия вне организованных гильдий. Понятие «разночинцы», таким образом, относилось к особой категории чужаков или целому ряду категорий, которые не имели «купеческих прав», но тем не менее занимались купеческими промыслами, т.е. к дворянам, государственным служащим, церковникам, попам и священникам, военным служащим (в отставке и на действительной службе) и их женам, однодворцам, ямщикам, «пахотным солдатам» (бывшим стрельцам и пушкарям), крестьянам, кузнецам, мастеровым, которые не были цеховыми, к этническим и религиозным меньшинствам, купцам из других городов. Как объяснял наказ из Норской слободы (Московское правление), разночинец — «свободный человек» — свободный от налогов и служилых обязанностей, который занимается своим делом без вмешательства или препятствий, и, таким образом, он «бесполезен не только городу, но также и государству»⁹¹.

Внимательное чтение наказов показывает, что экономическая деятельность чужаков была столь же широкой и разнообразной, как и их социальный состав. Разночинцы из сел и городов владели розничными и оптовыми лавками, складами, винными погребами, пекарнями, амбарами, рыбацкими хижинами, постоянными дворами и трактирами. Их предприятия производили кожу, мыло и сальные свечи. Активное участие разночинцев в торговле и перевозках (даже в качестве судовладельцев) приводило их в самые разные регионы, города и порты. Они продавали товары из Германии, Персии и Китая: пшеницу, рыбу, соль, мед и пчелиный воск; меха, шелка, парчу, парусину и сукно; пеньку, краску индиго и хмель. Из природы и размаха такой деятельности ясно, что некоторые разночинцы были вовлечены в крупные экономические предприятия, которые обслуживали национальный и региональный рынки, — в предприятия, которые купцы многозначительно отделяли от мелкого производства, семейной торговли ремесленными изделиями и продуктами.

Некоторые историки настроены скептически по поводу реальных границ налогообложения и службы, которые купечество называло первой причиной их противостояния нечестному соревнованию со стороны разночинцев⁹². Такой скептицизм кажется обоснованным. В городских наказах содержались жалобы на то, что сами купцы нанимали разночинцев приказчиками, управляющими в лавки или для перевозки грузов, что лишало бедных купцов и их сыновей работы, вынуждая становиться крестьянами и

рабочими. Гораздо важнее найма разночинных работников — разночинцы могли быть фабричными рабочими и чернорабочими — было то, что купцы получали ссуды и предоставляли кредит «чужакам»⁹³. Они продавали свои купеческие права, давали векселя людям, которым было запрещено их выдавать, и покупали товары у разночинцев и крестьян, а не у купцов. О какой бы лояльности по отношению к правам купечества они ни заявляли во всеуслышание, промысел являлся для них самым главным приоритетом, и этот промысел, — так как занимались им в имперской России дворяне, купцы, разночинцы и крестьяне — был активным, изменяющимся и независимым от социальных границ. Точно так же, как и в случае владения простолюдинами крепостными, вовлечение разночинцев (здесь в значении «некупцы») в торговую деятельность демонстрировало как и в каких размерах погоня за прибылью преодолевала юридически определенные права и границы.

То, что политика городских властей навязать ограничения на торговлю потерпела провал, частично было следствием фрагментированной природы административной власти⁹⁴. Во многих случаях правовой партикуляризм социальных категорий соответствовал фрагментированной правовой и административной юрисдикции. Зарегистрированные горожане находились под юрисдикцией служб магистрата, разночинцы — уездных или губернских властей, а фабричные рабочие — Берг- и Мануфактур-коллегии⁹⁵. Разобщенность власти и слабость русской правовой традиции сильно ограничивали купцам, торговцам и предпринимателям возможности разрешения экономических споров или возврата потерь, — особенно, когда стороны конфликта подлежали юрисдикции разных ведомств. Екатерина II реформой власти на местах пыталась усилить правовые институты и предусмотреть механизм для объединения различных уровней управления, но результат не оправдал надежд. Незаконная торговля, которую вели разночинцы, крестьяне и другие чужаки, не ослабевала и в центральной части России, и в приграничных регионах. Губернские власти и руководители экономических ведомств постоянно игнорировали усилия городских властей, возглавляемых Главным магистратом, ввести ограничения, а иногда даже открыто противодействовали им⁹⁶. Установленные рамки экономического развития препятствовали удовлетворению нужд независимых предпринимателей, которые в действительности пересекали все социально-экономические границы, воздвигаемые законом.

Незаконная торговля и миграция населения, которые обуславливали размытость социальных границ в XVIII в., сохранились до 60–70-х годов XIX в., когда освобождение крестьян и связанные с ним реформы полностью изменили правовые рамки общества⁹⁷. Дореформенные власти также считали разночинцев социальными и административными чужаками, вовлеченными в незаконную экономическую деятельность. Вместе с дворянами, чиновниками и крестьянами разночинцы не платили городские подати, но продолжали владеть лавками и заниматься купеческими промыслами⁹⁸. Как владельцы домов и производственных площадей, ремесленных и торговых заведений, они все же оставались интегрированными в местные общины⁹⁹. В указах 1812 и 1824 г. вновь была предпринята попытка упразднить незарегистрированных торговцев и увеличить государственные доходы, сократив число ограничений при внесении в списки городских сословий. Новые правила действительно отказались от традиционных требований, никогда не реализованных на практике, чтобы добиться соответствия между социальными категориями и их особыми профессиями и служебными функциями. Теперь различные категории дворян, крестьян, купцов и мещан покупали официальное свидетельство, разрешающее им заниматься торговлей в предписанных размерах: каждое сословие городских жителей имело особые экономические привилегии, и каждый тип свидетельств предоставлял их. Ясно, что цель состояла не в том, чтобы защитить интересы зарегистрированных горожан, а в том, чтобы ускорить сбор платежей; результат вылился в бюрократический кошмар, который фактически сделал законными традиционные нарушения формальных социальных границ. В соответствии с запутанными правовыми предписаниями, торгующие крестьяне могли выбирать из шести различных типов свидетельств, каждый из которых давал особые экономические права¹⁰⁰. Не удивительно, что эти реформы практически ничего не смогли сделать для того, чтобы сдержать поток незарегистрированных предпринимателей и торговцев.

Карьера крепостного предпринимателя Николая Шипова в период правления Николая I очень ярко продемонстрировала социальную изменчивость, правовую неопределенность и бесполезную трату капиталов и ресурсов, которые столь пагубно сказались на долговременном экономическом развитии¹⁰¹. Появившегося на свет частновладельческим крепостным в Нижнем Новгороде в 1802 г., Шипова можно считать одним из первых примеров широко рас-

пространенной географической мобильности, которая открыто отрицала формальную структуру социальных категорий¹⁰². Он начал свою карьеру в мае 1813 г., когда сопровождал своего отца, богатого овцеторговца, во время ежегодного путешествия в Оренбургские степи. Семья Шиповых следовала по маршруту, который проходил через Симбирск, Уральск, Казань и Астрахань к Каспийскому морю. Обычно они нанимали до двадцати рабочих из крестьян и вели торговлю с казаками, сибирскими кочевниками (в данном случае с киргизами) и русскими купцами; кроме того они платили «дань» казацким, башкирским, чувашским и калмыцким общинам за разрешение свободно, не подвергаясь нападениям, проходить по их землям. После транспортировки домашнего скота по Волге они возвращались домой в середине октября. Николай и его отец торговали не только овцами, но и салом, мехами, кожей, одеждой из хлопка и шелка, а также красным миткалем в таких местах, как Ростов, Москва и Макарьевская ярмарка.

Экономические последствия крепостного права можно увидеть на примере истории семьи Шиповых. Хозяин, которому хорошо было известно об их экономических успехах, назначал отца Шипова на административные должности и иногда требовал столь большие денежные взносы, что старший Шипов был вынужден занимать деньги у купцов, чтобы их заплатить. Такое вымогательство со стороны хозяина и разбойников не позволяло накопить большой капитал, хотя торговля в целом была выгодной. Все же Шиповы продолжали энергично трудиться и оставались «богатыми», несмотря на реальную возможность потерять все в одночасье. Наряду с постоянным проявлением умения приспособиться к любым экономическим трудностям, они также упорно добивались свободы; попытки выкупить отдельных членов семьи провалились, но Николай, в конце концов, добился успеха. Его история началась в 1830 г., когда он ушел из дома с тринадцатью тысячами рублей. Услышав, что его отец серьезно болен, он возвратился почти без промедления. Затем его лишили паспорта, но до смерти своего отца Николай возглавлял депозитную торговлю с одним из родственников и управлял капиталом в пятнадцать тысяч рублей совместно с одним купцом. Через месяц он получил новый паспорт и возобновил торговлю.

В конце 1831 г. Николай и его жена вновь спасаются бегством. С помощью «пропавшего» родственника и одного одесского купца ему удастся получить фальшивый паспорт (первый из трех), в

котором было указано, что он житель Кишинева. После путешествия в Молдавию и Константинополь они вернулись в Российскую империю и арендовали магазин в Пятигорске. Жена Шипова и нанятый работник присматривали за магазином, а Шипов отправился работать на Кавказ на одного предпринимателя из казаков, который исполнял государственные заказы, арендовал почтовую станцию и занимался переработкой нефти и торговлей. Арестованный в 1837 г., после того как его наниматель узнал, что он беглый крепостной, Шипов снова вернулся в свою деревню, где до 1842 г. никак не мог получить новый паспорт. Хотя ему не удалось вернуть старые долги или возратить свою собственность, которую он оставил своим компаньонам, он сумел за сто двенадцать рублей арендовать клеевую фабрику в Кишиневе. Все это он потерял, после того как его хозяин отказался вновь восстановить его паспорт. Шипов оказался без источника существования, но полный решимости добиться свободы более чем когда-либо.

Наконец, в конце 1842 г. Шипов предпринял поездку, которая привела к его освобождению. Он получил паспорт и отправился на Кавказ, где крепостные, захваченные горцами, получали свободу, если им удавалось бежать из плена. Работая маркитантом на одного еврейского купца (который ранее работал на него), Шипов позволил «захватить» себя в плен. И, наконец, в 1844 г., после того как ему помог бежать один дезертир-татарин, он стал свободным. Жена Шипова и его сын приехали к нему в Херсон, где сын окончил гимназию и стал учителем в частной школе города Одессы. Его жена получила место смотрительницы в той же самой школе, а Шипов был маркитантом на Кавказе и в Бессарабии. Хотя у того же хозяина экономически процветали, по крайней мере, еще двое крепостных крестьян, успех Шипова как крепостного предпринимателя не был во всем типичен. Помимо этого, его история отражала общие социально-экономические условия: географическую мобильность, социальное и этническое разнообразие партнеров, повторяющиеся финансовые провалы, частые изменения профессии и лежащую в основе всего этого неопределенность положения.

Как видно из истории жизни Николая Шипова, Россия, несмотря на ограничения крепостного права, частично сохраняла подвижный рынок труда. Важно и то, что изменчивость карьеры Шипова — доказательство того, что государственные структуры не смогли инкорпорировать независимую активную деятельность, такую, как деятельность Шипова, что в большой мере способ-

ствовало общей бессмысленной трате человеческих и экономических ресурсов. Описания разночинцев также свидетельствуют об отсутствии устойчивых структур и об изобилии живой предпринимательской инициативы. Феномен разночинцев фактически слишком мало говорит о чисто экономических сторонах производственного развития; однако он, несомненно, подчеркивает важность социальных факторов, а также неформальных, не установленных отношений для экономического развития. Повторим еще раз: поразительной чертой крепостного порядка была не жесткость, а пластичность и аморфность. Активность мелкого предпринимательства доиндустриальной России отражала не «потерянную буржуазию», а подвижные и неопределенные социально-экономические условия – условия, которые помешали эффективной концентрации капитала и ресурсов, а также объединению среднего класса¹⁰³. Медленная поступь производственного развития объясняется не тем, что отсутствовала социальная инициатива, энергия и активность, – всем этим обладал традиционный здравый смысл, подавляемый институтами самодержавия; она определялась бессмысленной тратой этой энергии вследствие плохой организации. Энергии и идей было в избытке – инфраструктура и разумная степень предсказуемости были в крайнем недостатке¹⁰⁴.

В среде русских историков имеется ярко выраженная тенденция связывать периоды коренной ломки и интенсивного развития с реформами сверху. Это отчасти приводит к дефициту исследований, посвященных периодам, которые предшествуют реформам Петра, Екатерины и великим реформам Александра II. Поскольку наши знания об истории поздней имперского периода весьма значительны, мы гораздо лучше осведомлены о стихийном социальном развитии прежде всего этого периода, который касается революционных переворотов начала XX в. Невнимание к широко известным фактам проявляется вновь из-за небольшого числа исследований и их ограниченности, когда историки изображают сталинский переворот и соответствующую историю Советского Союза, включая ее завершение, как еще одно проведенное сверху преобразование. Такое толкование реформ сверху обосновано постольку, поскольку оно работает. Появление разночинцев, связанных со службой и другими сторонами государственного строительства, неоднократно напоминает нам о том, что существовала тесная связь между административной политикой и социальным

развитием. Однако вездесущей ролью государства нельзя исчерпывающе объяснить стихийное социально-экономическое развитие, которое происходило вне рамок официальной политики. Как, например, можно осмыслить быстрое распространение культурных и профессиональных организаций в 60-е годы XIX в.? Великие реформы не создали людей, которые основали подобные организации, хотя это была эпоха относительной свободы, которая сделала эти организации заметными и придала им общественное звучание. Более того, даже если государство действует как вдохновитель существенных перемен, важно помнить, что политики формулировали проекты реформ, основываясь на собственном понимании и знании реальностей русской жизни. Перефразируя Екатерину Великую, они не писали на чистом листе, они писали на коже людей, и их предложения соответствовали, по крайней мере, тому, что казалось исполнимым. Как побочный продукт правительственной политики и стихийного социально-экономического развития, феномен разночинцев проливает свет на активное взаимодействие между этими значительными аспектами развития.

Социальные представления

Разночинцы как чужаки

Общество в своем желании понимать кто такие разночинцы в различных ситуациях обращается к разным группам именно потому, что, как правило, было неясно, кто принадлежит к той или иной социальной категории. Когда Н.Г.Помяловский, бывший учитель семинарии, ставший преуспевающим писателем, заявлял: «Как ужасно то, что я не знаю, кто я есть – умный человек или неисправимый дурак, дьячок или чиновник, или просто пролетарий»¹, он отражал общественную обстановку и душевное состояние, не сводимые лишь к радикальным разночинцам, которые вели борьбу за то, чтобы добиться признания в литературных кружках 60-х годов XIX в. Алкоголизм и эмоциональная неустойчивость, скорее всего, усугубляли у Помяловского чувство растерянности и его сомнения в себе, но имеется достаточно свидетельств того, что социальная ненадежность и эти модели самоопределения, которые и допускались, и востребовались, были представлены во всем русском обществе, на всех его уровнях и во всех слоях населения.

Формы общественного выражения, рассматриваемые здесь, фактически не содержат примеров лиц, которые сами называли себя разночинцами; такие отдельные примеры если и встречаются, то лишь в беллетристике XIX в. Даже в наказах Уложенной комиссии, которые исходили именно от разночинцев, личные подписи авторов оговаривают их занятия или место службы, например отставные солдаты или канцеляристы. Точно так же и в XVIII, и в начале XIX в. отдельные просители, которые по закону принадлежали к подгруппе разночинцев, не определяли себя таким образом; в подавляющем большинстве случаев использование этого понятия по отношению к категории разночинцев применялось со стороны – в отношении других лиц. Неформальные определения, представленные в этой главе, распадаются на че-

тыре основных категории: 1) разночинцы как аморфная, неоднозначно определяемая социальная группа в среде мелких служащих или низших городских сословий; 2) разночинцы как часть сельского общества, которая не принадлежала ни к дворянам, ни к крестьянам; 3) разночинцы просто как лица недворянского происхождения, включая представление о них как об образованных незнатных людях; 4) разночинцы как «чужаки» – понимание, которое могло бы охватить и все три первые определения².

При изучении социального языка не следует ставить знак равенства между самым первым письменным употреблением термина и его происхождением. Еще больше затуманивая картину, пример разночинцев демонстрирует поразительное сходство между административно-правовыми и общественными определениями. До того как проявилось либеральное, образованное и критически мыслящее общество 30-х–40-х годов XIX в., а если точнее, даже до того как возникло понимание Н.К.Михайловским разночинцев как радикальной демократической интеллигенции 60-х г. того же века, не существовало четких различий между официальными и неофициальными формулировками. Это неудивительно, если принять во внимание тот факт, что отсутствовала ясная модель хронологического развития или даже конкретное определение, которое постоянно появлялось бы то в одной, то в другой группе правовых и административных текстов. Умножение литературных образов разночинцев в середине XIX в. было по контексту похоже на создание многих изображений в XVIII в. Оставив в стороне выдающуюся роль самостоятельной образованной элиты, заметим, что середина XIX в. была временем фундаментальных перемен в системе социальных категорий; уничтожение крепостного права изменило основу всех формальных определений, которые существовали в русском обществе. К тому же, реформированные правовые рамки впервые явно определили гражданскую идентичность большей части населения (бывших крепостных), прежде исключенных из почти всего законодательства.

Литературное и публицистическое значение категории разночинцев, таким образом, было связано с тем участием, которое принимала образованная элита, быстро растущая и все более независимая, в процессе создания новых и реструктурирования старых социальных понятий. Этот процесс, который был начат бюрократическими средствами, повторял ранние попытки переопределить категории русского общества, которые в начале XVIII в. привели к тому, чтобы обозначить разночинцев как правовое и административное понятие. Хотя никогда не было предпринято

официальных или неофициальных усилий, направленных на то, чтобы ввести последовательное определение категории разночинцев, это было вызвано постоянной практической потребностью определить людей, которые находились на стыках групп во фрагментарной и неясной структуре общества. В середине XIX в. эта потребность явно проявила себя в связи с элитой, имеющей высшее, среднее, профессиональное и полупрофессиональное образование. Стабилизация правовой и административной терминологии, происходившая с конца XVIII в., а также упрощение и объединение формальных категорий, начатое во второй четверти XIX в. и продолженное в эпоху реформ, сделали категорию разночинцев не столь важной для государственных целей. В противоположность этой тенденции, громко заявившие о себе средние слои русского общества, чьи границы впервые стали различимы в моделях социально-культурного самоопределения, применяли данную категорию таким же образом, что и их бюрократические предшественники.

Уложенная комиссия (1767 г.)

Определения разночинцев, данные представителями общественного мнения, как социальной группы или городской, или сельской, были столь же неточны, как и официальных властей. Как и законодатели, и официальные власти, авторы наказов Уложенной комиссии (1767 г.) обычно устанавливали местоположение разночинцев в связи с другими группами. Жители Харькова, например, описывали свой город как населенный «свободным малорусским народом», где нет разделения на категории, которые встречаются в великорусских городах: «купцы, цеховые и другие разночинцы, мастера и ремесленники»³. Подобным образом жители Нерчинска (Иркутская губерния) пытались увеличить число зарегистрированных купцов в своем городе с помощью тех разночинцев, которые находились под властью уездного воеводы, а не городского магистрата. Нерчинский наказ упоминал наряду с разночинцами и другие группы чужаков, таких, как купцов из других городов, казаков и солдат, которые были вовлечены в местную торговлю⁴. Эти и подобные наказания представляли разночинцев как неопределенную, даже неопределяемую подгруппу.

В спорах по поводу прав лиц, не являющихся купцами, на торговлю в городах депутаты также приравнивали разночинцев к другим более мелким социальным категориям, вовлеченным в мел-

кую торговлю и кустарное производство. Депутат от города Белгорода, говоря о разночинцах, включал в их число крестьян, однодворцев, украинцев и низшие военные чины в отставке, проживающие в городе и деревне⁵. В этом перечислении имеется два различных определения, которые встречаются и в других наказах. Во-первых, разночинцы появились в виде самого широкого обозначения групп, занятых в городской торговле, которые не являлись по закону зарегистрированными купцами и тем самым не подпадали под власть магистрата. Подавляющее большинство городских наказов использует данное понятие в такой общей форме без указания на особые подгруппы⁶. Во-вторых, в наказах, которые предусматривали конкретное перечисление, данная категория могла включать все вышеупомянутые депутатом из Белгорода группы, т.е. такие, как казаки или станичники, стрельцы, церковные служащие и бобыли, иноверцы, служилые мурзы, ясачные татары, греки, ремесленники и промышленники⁷. Подразумевалась ли под разночинцами самая широкая группа или более частное перечисление подкатегорий, общее мнение по их поводу состояло в том, что они всегда были неподвластны местным городским властям. В такой форме указы Уложенной комиссии повторяли правовую практику, определяя разночинцев методом исключения, в некоторых случаях поясняя только, что они не были дворянами, или крестьянами, или казаками, или однодворцами, или купцами, или церковниками, или приказными⁸. Некоторые дворянские указы шли еще дальше и относили к разночинцам некоторых помещиков, которые не были дворянами, или некоторых крестьян, которые не были частновладельческими, точно так же, как купцы применяли данный термин к лицам, которые формально не были посадскими⁹.

Упомянутый белгородский депутат также связывал категорию разночинцев с низшими служилыми классами, которые политической XVIII в. все более отдалялись от потомственного дворянства¹⁰. Эти группы могли быть и сельскими, и городскими и восходили к традиционным для Московского государства категориям военнослужащих (всех их обычно называли «прежних служб служилые люди») и к новым категориям солдат и штатских служащих эпохи Петра. В зависимости от контекста и от точки зрения наблюдателя, эти группы имели и восходящую, и нисходящую социальную мобильность; с их собственной точки зрения, как она представлена в наказах 1767 г., движение, очевидно, было нисходящим. Однодворцы и «пахотные солдаты» XVIII и XIX в. включали в свой состав некоторые остатки служилых категорий Московской Руси; другие же группы растворились в крестьянстве или были

аноблированы. Однако такое объединение категорий не означает, что социальные границы были определены яснее.

Признаваемые в законодательстве Петра Великого однодворцы были свободными землевладельцами, которые сохраняли право добиваться официального признания своего дворянского происхождения. Несмотря на то что однодворцам разрешалось владеть крепостными, они, тем не менее, платили подушную подать и подлежали призыву на военную службу на тех же самых условиях, что и государственные крестьяне. И все же их срок службы был значительно короче, чем у большинства солдат: пятнадцать лет в сравнении с пожизненной службой у крестьян (или с двадцатью пятью годами после 1793 г.). Они также имели больше вариантов продвижения на военной службе, хотя их возможности не шли ни в какое сравнение с дворянскими¹¹. Наказы Уложенной комиссии в целом изображают однодворцев как сельских разночинцев, владевших землей, которые никогда не были ни дворянами, ни крестьянами, и гораздо реже как городскую категорию¹². В любом случае ссылки на земельные споры, налогообложение или служебные обязанности, на право заниматься винокурением и доступ к образованию показывали, что эти группы внутри категории однодворцев искали признания особого положения, которое они возводили к социальному устройству XVII в. Так, «пашенные солдаты» из города Одоева (Московская губерния) требовали права пасти домашний скот на земле, «жалованной предкам»¹³. Яснее были указы безземельных однодворцев Свяжска (Казанская губерния), которые служили в ландмилиции, так же, как государственные крестьяне платили подушную подать и содержали себя наемным трудом. Не имея надежд сохранить свою обособленность, эти однодворцы просили земельных пожалований и умоляли не приравнивать их к государственным крестьянам, а лучше повелеть «перед ними иметь какое ни есть преимущество»¹⁴. Их просьба представляется и поиском социального определения, и желанием получить сопутствующие экономические выгоды.

Вторая группа наказов пришла от городских жителей, которые были более последовательны, чем однодворцы, в определении себя как разночинцев. Эта группа иногда включала отдельных однодворцев или украинцев, но ее основной состав все же состоял из государственных служащих недворянского происхождения или без чина, а также отставных военнослужащих низших чинов, т.е. представителей более новых социальных категорий, число которых возросло в результате петровских реформ. Называли ли они

себя разночинцами – или нет, и представляли ли они свои наказания вместе с другими группами разночинцев – или нет, административный штат недворянского происхождения (называемый приказными служителями) постоянно противился недавним запрещениям, которые лишали их права приобретать крепостных без земли или владеть населенными поместьями (в совокупности включая те, которые получили в виде платы за службу их предки в XVII в.)¹⁵. Они убеждали, что потребности службы, которую они несут и день, и ночь, не позволяют им заниматься домашним хозяйством, так что их жены, «без неизбежного стыда, были вынуждены пасти мелкий скот, лошадей, а также коров, носить воду и выполнять другую изнурительную работу»¹⁶.

Кроме небрежения к домашнему хозяйству и даже опасности для жен и детей во время их служебных командировок в Казанскую губернию, которые длились до пяти лет, приказные служители жаловались на несоответствующую плату, отсутствие пенсии и дополнительные служебные повинности, которые должны были исполнять все жители города. Их рабочее расписание не позволяло им справляться с этими обязанностями без наемных работников за значительную плату; таким образом, владеть, по крайней мере, несколькими крепостными было для них экономической необходимостью. Кроме того, приказные служители и унтер-офицеры в отставке жаловались на ущерб от телесных повреждений, из-за которых они не могли даже взять себе жену из экономических крестьян, так как у них не было средств для уплаты за то, чтобы этих женщин отпустили¹⁷. Наконец, городские разночинцы напрямую связывали свое экономическое положение и неопределенность социального статуса, отмечая, что они не имеют средств обучать своих детей, чтобы подготовить их к государственной службе¹⁸. Ясно, что они рассматривали бесплатный труд крепостных как важный экономический источник, к которому они до недавнего времени имели ничем не ограниченный доступ.

Незнатные служащие из Тобольска определяли социальный смысл проблемы крепостных яснее, когда оправдывали нужду покупать крепостных без земли как способ отделить себя от «подлого» народа. Далее они старались это аргументировать, указывая на отсутствие в Сибири русского дворянства и на возможности сельскохозяйственного развития, в случае, если бы им позволили владеть поместьями и крепостными¹⁹. Несмотря на то что можно перечислить серьезные экономические причины для оправдания желания иметь крепостных, вопросы социального статуса были очень важны; естественно, что отсутствие законного права вла-

деть поместьями и крепостными вело к нисходящей мобильности. Разночинцы показали свою осведомленность в социальном вопросе, протестуя против выполнения их женами неподобающей, стыдной для них работы, и обращая внимание на необходимость отделить их от «подлого» народа. Государственные служащие с чинами и без чинов в Тамбове и Воронеже даже просили разрешения носить официальный мундир и шпагу, для того чтобы провести различие между собой и теми, кого они называли «другие разночинцы»²⁰. Можно задаться вопросом – до какой степени незнатные служащие, в частности без классного чина, отличались от обычного городского населения, до того как закон запретил им владеть крепостными. (Купечество и мелкое мещанство также владели крепостными.) Но важно здесь то, что у разночинцев было страстное желание иметь признаваемые отличия – желание, которое показывает отсутствие жестких границ и если не умаления положения, то, по крайней мере, подразумеваемую неопределенность. Ирония заключается в том, что, хотя реформы Петра установили «автоматическое» аноблирование через службу, но и традиционные служилые категории, представленные одноворцами, и новые категории, представленные городскими разночинцами, старались отделить себя от других групп в обществе, сохранив традиционные отличия, которые, как им казалось, исчезали.

Разночинцы как лица без прав дворянства

Самое раннее правовое определение разночинцев как лиц без прав дворянства восходит к закону 1746 г., который был связан с проблемой незаконной записи в дворянство. Второе правовое определение появилось в 1755 г. в связи с созданием Московского университета, где данное слово сразу же приобрело смысл: образованные простолюдины²¹. Наказы дворян Уложенной комиссии используют общее понимание разночинцев как простолюдинов и более ограниченное, унижительное для разночинцев понимание их как нового служилого дворянства, т.е. социальных выскочек, которые возвысились, используя незаконные средства. Несмотря на признание того факта, что выходцы из разночинцев достигли чинов обер- или штаб-офицеров на государственной или военной службе, и что они стали помещиками, женившись на дво-

рянке или купив землю с крестьянами, в наказах они все же не рассматривались как законное дворянство. Помимо этого, авторы наказов страстно выступали против отсутствия соответствующих процедур аноблирования и прежде всего против того, что процедура приобретения прав и привилегий дворянства не требовала личного пожалования со стороны монарха²². Как и другие сословия, которым было разрешено обращаться в Уложенную комиссию, дворянство выразило понимание изменчивости социальных условий и требовало установить более четкие социальные границы. Говоря словами знатных помещиков Кашинского уезда (Московская губерния): «всякого рода людям, как дворянству, так и купечеству, равным образом и разночинцам, чтобы пожалованы были генеральные привилегии, дабы каждый род имел свои преимущества, и один в другого прерогативы не вступал, и всякий бы пользовался тем, чем будет привилегирован»²³.

В литературе и мемуарах XIX в. понимание разночинцев как лиц незнатного происхождения сохранилось, но оно стало шире и ударение сместилось. Разночинцы все еще казались социальными выскочками и презренными служилыми дворянами, но, вследствие того, что аноблирование с помощью «Табели о рангах» было вполне упрочено, а также из-за того, что растущее число дворян фактически было безземельным, никто не спорил о механизме получения дворянства и сопутствующих этому привилегиях. Условия аноблирования оставались одной из основных проблем для политиков, но в литературе и мемуарах эти вопросы прямо не обсуждались. Скорее, в обществе разночинцы обычно изображаются в культурных понятиях – развитие, которое соответствовало растущему значению разночинцев как образованных простолюдинов, и широкой формулировке культурных идентичностей в образованном обществе.

Одно из самых ранних литературных упоминаний восходящей мобильности разночинцев появляется в «Записках сумасшедшего» Николая Гоголя (1835 г.). Рассказчик, Поприщин, был несостоявшимся, возмущенным и озлобленным чиновником низкого ранга (титулярный советник, чин девятого класса). После того как начальник выбрал его за то, что тот волочился за дочерью директора их департамента, Поприщин восклицает:

«Понимаю, понимаю, отчего он злится на меня. Ему завидно; он увидел, может быть, предпочтительно мне оказываемые знаки благорасположенности. Да я плюю на него! Велика важность надворный советник [седьмой класс]! Вывесил золотую цепочку к часам, заказывает сапоги по тридцати рублей – да чорт его побе-

ри! Я разве из каких-нибудь разночинцев, из портных, или из унтер-офицерских детей? Я дворянин. Что ж, и я могу дослужиться. Мне еще сорок два, – время такое, в которое, по-настоящему, только что начинается служба. Погоди, приятель! Будем и мы полковником [восьмой класс], а может быть, если Бог даст, то чем-нибудь и побольше»²⁴.

Хотя, как потомственный дворянин, Поприщин, очевидно, считал себя выше приказных служителей из разночинцев и был озабочен тем, чтобы выделить себя из числа незнатных претендентов, его реальная несостоятельность – помимо более важных эмоциональных причин, связанных с неразделенной любовью и психической неуравновешенностью, – кроется в отсутствии социального признания: и формального, и неформального, которое, как он полагал, ему причитается²⁵. Повторим в который раз: отсутствие четко проведенных социальных границ в русском обществе является очевидным именно потому, что правовые определения были столь принципиально значимы.

В романе И.С.Тургенева «Накануне» (1859 г.) Николай Стахов – отец героини Елены – чувствовал такое же раздражение, хотя он имел сравнительно устойчивое положение потомственного дворянина, взявшего в жены богатую наследницу. Он использует слово «разночинцы» в открыто унижительной манере, чтобы описать Дмитрия Инсарова, болгарского патриота и революционера, осиротевшего сына преуспевавшего купца. Как студент Московского университета, Инсаров становится частым посетителем дома Стаховых. На этом уровне изображение Инсарова как разночинца соответствует определениям незнатного образованного простолюдина и иностранца, но унижительный смысл, который Николай использует в этом понятии, подразумевает больше, чем социальное происхождение. И действительно, за исключением Николая, Инсаров тотчас же и полностью был принят в круг семьи Стаховых, а сам Николай пренебрежительно зовет Инсарова разночинцем только в момент сильного гнева и потрясения.

Когда Елена сообщает отцу, что она и Инсаров тайно поженились, он взрывается: «Замужем! За этим оборвышем, черногорцем! Дочь столбового дворянина Николая Стахова вышла замуж за бродягу, за разночинца! Без родительского благословения!»²⁶ В то время как социально-экономическое положение Николая и его жены, вероятно, вполне устойчиво, положение их как родителей таковым явно не являлось. Дочь отвергла родительскую власть, их чувства и образ жизни, выйдя замуж за человека («бродяга, разночинец»), который не имеет связей в русском обществе и кото-

рый одержим идеей освободить свой народ от турков. Как и Поприщин, Николай выражает презрение к разночинцам, но его разочарование не связано с тем, что он не имел социального признания. Скорее, он считает самым удручающим то, что не имеет дочернего признания.

Другой персонаж Тургенева – тираническая бабка-помещица из рассказа «Пунин и Бабурин» (1874 г., действие происходит в 30-е годы XIX в.) выражает такое же презрение к разночинцам. Когда ее секретарь Бабурин возражает против несправедливого приказа сослать на поселение крепостного мальчика, она восклицает: «Это мне совершенно все равно – в своих подданных я властна и никому за них не отвечаю, – только я не привыкла, чтобы в моем присутствии рассуждали и не в свое дело мешались. Мне ученые филантропы из разночинцев не надобны; мне слуги нужны безответные»²⁷. Социальное происхождение Бабурина в рассказе точно не указано. Его товарищ, Пунин, который стал «бродягой», после того как был исключен из церковного ведомства, описывает его как республиканца и ссылается на то, что, «говорят, его отец был владетельный грузинский князь из племени царя Давыда». Жена Бабурина позже назовет его мещанином, что, вероятно, и являлось его официальным статусом. В любом случае, его происхождение темно, и, несмотря на его образование, бабка смотрела на него лишь как на нечто большее, чем простого слугу, который должен повиноваться ей беспрекословно. Когда рассказчик, внук Петр, вновь неожиданно встречает Бабурина, последний вспоминает с иронией сказанное прежде бабкой: «...и даже заметил сквозь зубы, что беседа с людьми простыми, с разночинцами, не может мне доставить большого удовольствия и что, вероятно, моей бабке [это] будет неприятно»²⁸. В саркастическом контексте у Бабурина слово «разночинцы» вновь относится к простолюдином, которые, несмотря на образование или общение с социально смешанной компанией, все же представляют культурные низы.

Проявление презрения к разночинцам также появляется в мемуарах радикально и либерально настроенного дворянства XIX в. Александр Герцен использовал это понятие, когда рассказывал о несчастном браке Н.Х.Кетчера, члена московского кружка в 30-х–40-х годов XIX в. Сын шведского ремесленника, который делал хирургический инструмент, и страстный поклонник Французской революции, Кетчер женился на необразованной женщине из низов, которая была сиротой и росла в раскольниковом скиту. По Герцену, Кетчер часто ссорился со своими друзьями и не мог

найти интеллектуального и духовного удовлетворения в своей жене, которая была «покорная, [и] безответная до рабства». Герцен сравнивал Кетчера с Руссо, чей неподобающий брак с Терезой отдалил его от друзей: «Тереза, бедная, глупая Тереза Руссо, разве не сделала из пророка равенства щепетильного разночинца, постоянно занятого сохранением своего достоинства?»²⁹ Так как и Руссо, и Кетчер были детьми искусных ремесленников, словоупотребление Герценом в данном случае соответствовало его понятию разночинцев как образованных простолюдинов, несмотря на то что он не использовал данную категорию в общем или нейтральном смысле, чтобы указать социальное положение. Скорее, Герцен описывал моральное и психологическое падение близкого друга и снисходительно изображал его похожим на разночинца для того, чтобы подчеркнуть его эмоциональные слабости, — слабости, которые усугубились из-за женитьбы на «неразвитой женщине».

П.Д.Боборыкин, писатель второго ряда, выходец из среднего провинциального дворянства, и Елена Штакеншнейдер, дочь богатого дворцового архитектора, — оба применяли слово «разночинцы» по отношению к людям, которые принимали участие в культурной жизни Санкт-Петербурга, но чью оценку литературы, театра и музыки они считали неадекватной. Хотя ничто не ограничивало их при употреблении слов «дворянин» и «простолюдин», они связывали отсутствие культуры с людьми из низших слоев общества, не из «лучшей публики», как мог бы сказать Боборыкин³⁰. В воспоминаниях Штакеншнейдер один из разночинцев был профессор, а другой «претендовал» на то, чтобы быть сыном генерала, но из-за того что она рассматривала их как стоящих ниже себя в культурном смысле, она считала невозможным воспринимать их как людей высокого социального положения³¹. Смысл слова «разночинцы» у Штакеншнейдер, конечно, содержал унижительный оттенок, хотя это не мешало ей чрезмерно восхищаться отдельными писателями и художниками низкого социального происхождения. Скорее наоборот, разница была очевидной: тех, кем она восхищалась, она просто не считала разночинцами. В записках Штакеншнейдер, написанных в 1883 г., отражается смешение социальных и культурных терминов, перевод социальных определений в культурные понятия, которые содержали скрытое утверждение ценностей. Так, она, например, описывала Достоевского как мещанина (мелкого буржуа) по внешнему виду и поведению³². Исчезновение многих установленных законом сословных групп в эпоху великих реформ Александра II

в середине 50-х—середине 70-х годов XIX в. позволяло умножать смыслы социальных терминов, применяя их к сфере культуры. В смешении социальных и культурных признаков не было ничего нового; понимание разночинцев XVIII в. как лиц недворянского происхождения или образованных простолюдинов часто несло в себе утверждение идентичности или ценности. Все же рост ценностно-нагруженных значений отражал новый акцент в моделях социально-культурного определения, а именно: акцент был сделан на создание определения или самоопределения как положительного суждения и на утверждении ценностей, которые помогают объяснить возникновение понятия «интеллигенция».

Разночинцы как социальная среда

Представление о разночинцах как о лицах недворянского происхождения также подразумевало категорию образованных простолюдинов. Изначальная цель этих представлений была не в том, чтобы определить особую группу общества, а в том, чтобы принизить тех, кто в социальном и культурном плане находится внизу, или, как это было в случае с Герценом, осудить манеру поведения. В отличие от авторов, которые относились к разночинцам только пренебрежительно, Боборыкин и другие расширили значение данной категории, описывая социально смешанную среду горожан с высшим и средним образованием, — среду, которая впервые была представлена в законодательстве 1755 г. при создании Московского университета и которая была впоследствии так бесстрастно описана в драматургии А.Н.Островского. В 1846 г. В.Г. Белинский, который превозносил образование и литературу как средства преодоления социальных барьеров и создания общества духовных единомышленников, описал этот феномен так: «Образованность равняет людей. И в наше время уже нисколько не редкость встретить дружеский кружок, в котором найдется и знатный барин, и разночинец, и купец, и мещанин, — кружок, члены которого совершенно забыли разделяющие их внешние различия и взаимно уважают друг в друге просто людей»³³. Хотя Белинский верно изобразил этот важный феномен, он ошибался в хронологии. Культурная элита XVIII в. — писатели, поэты, переводчики, ученые, изобретатели и художники — всегда были социально неоднородной группой; в образованных простолюдинах не было ничего нового. То новое, что появилось в середине XIX в., —

это распространение данного феномена: размеры класса с высшим и средним образованием, общественное признание имеющейся культурной элиты и уровень взаимодействия, организации и словесного выражения вне государственных институтов³⁴.

Восторженное восприятие Боборыкиным такого смешанного общества образованных людей было восприятием, характерным для либеральных помещиков, которые легко отбрасывали свою дворянскую идентичность, чтобы присоединиться к городской образованной элите. Боборыкин с гордостью описывал гимназию в Нижнем Новгороде, в которой учился в правление Николая I, как полностью демократическое учебное заведение, где обучались студенты из всех социальных слоев за исключением крепостных. В частности, он хвалился «разночинной средой», в которой он учился и жил. Под ней он понимал социально разнородную компанию, такую же, как описывал Белинский, в которой судили и принимали образованных людей на основе их таланта и заслуг. В другом отрывке он использовал термин «разночинцы», чтобы изобразить целый ряд горожан, не все из которых получили образование. Сюда входили известные в 60-х годах писатели недворянского происхождения, купцы и мещане, а также неопределенные низшие городские слои, которые отличались от дворян, крестьян и среднего круга³⁵. Когда Боборыкин говорил о литературе, театре и музыке или о друзьях студентах, категория разночинцев была нейтральной, относимой к образованным простолюдинам или к социально иному, культурному кругу, но, когда он использовал это понятие, чтобы описать низшие круги городского общества, разночинцы становились людьми, которые в социальном и культурном плане стояли ниже. Такое смещение было показателем культурного смысла и скрытого утверждения ценностей, что становилось все более характерным для социальных категорий в XIX в.

Описывая Харьков 40-х годов XIX в., В.Н.Карпов включал детей бедных разночинцев в среду студентов университета, так же, как и сыновей богатых помещиков и купцов и детей обнищавших священников. По мнению Карпова, который сам был выпускником местной гимназии и дипломированным художником, городское население делилось на две части: богатые и бедные, привилегированные и непривилегированные. В первую категорию он помещал меньшинство — «людей, наделенных высоким рождением, привилегиями сословия, богатством», — которое распоряжалось большинством. Привилегированные категории были представлены дворянами, чиновниками и купечеством. Эксплуатируемое

большинство состояло из мещан, ремесленников, государственных крестьян и крепостных, которые работали в городе³⁶. Хотя воспоминания Карпова охватывают период 40-х–60-х годов XIX в., они впервые были опубликованы в 1900 г. и, по-видимому, были написаны в конце XIX в. Карпов свел свое понимание разночинцев к особой, хотя и плохо определяемой группе студентов из простолюдинов; в отличие от правовых, административных и общественных употреблений, типология общества 40-х годов у Карпова не включала их как отдельную категорию.

Как независимый художник недворянского происхождения, Карпов мог бы сам попасть под одно из определений разночинцев, но в его воспоминаниях он никогда не называет себя так. Трое других писателей: Н.А.Полевой, А.Н.Островский и Н.Г.Помяловский – сами часто определяемые как разночинцы, использовали это слово, чтобы определить слой или подгруппу с различными признаками. В «Живописце» (1834 г.) Н.А.Полевой изображает борющегося за свое существование молодого художника по имени Аркадий, который отказывается от скромной карьеры провинциального чиновника, чтобы искать лучшего положения в Санкт-Петербурге. В болезненно эмоциональном столкновении с посетителем, приехавшим по просьбе его отца, Аркадий называет себя разночинцем, чтобы объяснить свои надежды и подчеркнуть свое низкое положение: «Кто я? Сын бедного чиновника, ничтожный разночинец, мои братья – подьячие, мне надобно было сделаться также подьячим»³⁷. То, как Аркадий определяет разночинцев, неверно в правовом смысле, ибо он происходит из мелких дворян, и его восприятие далеко от нейтрального. Вдохновленное идеями романтизма XIX в., его определение разночинцев как простолюдинов не означает просто лиц недворянского происхождения или деклассированных дворян. Так Аркадий пытается избежать заурядной жизни, заурядной чиновничьей службы и заурядного провинциального окружения.

А.Н.Островский, который в правовом смысле был разночинцем только до шестнадцатилетнего возраста, рисует картину жизни этой группы в довольно прозаичных тонах³⁸. Хотя в сорока восьми пьесах Островского много персонажей, которые могли бы быть причислены к разночинцам, только два из них, говоря о себе, используют это слово. Первое упоминание – в пьесе «Пучина» (1866 г., действие происходит в 30-е годы). Антон Антонович Погуляев, выпускник университета, который работает частным учителем, все время пребывает в надежде сделать карьеру журналиста в Санкт-Петербурге. Его друг детства Кисельников, поки-

нувший университет примерно в середине обучения, был помолвлен с дочерью «купца известного» и планировал поступить на гражданскую службу. Когда Кисельников представляет Погуляева своему будущему тестю, друг последнего, Переярко́в – чиновник с семинарским образованием, достигший девятого класса за двадцать пять лет службы, спрашивает, не является ли тот Погуляев разночинцем. Утвердительный ответ Погуляева вызывает другой вопрос: он разночинец «из мещан или приказных детей?» Погуляев отвечает, что его отец был учителем, положение которого Переярко́в немедленно определяет как принадлежащее к приказным. Затем Переярко́в и отставной полковник Турунтаев берутся рассуждать о перспективах блестящей карьеры, которая ждет разночинца с университетским дипломом, включая получение дворянства и приобретение крепостных крестьян³⁹. Участники этого разговора определяли разночинцев в соответствии с семейным опытом самого Островского: т.е. как получивших университетское образование простолюдинов из городских низов или бюрократии незнатного происхождения с восходящей мобильностью⁴⁰. В их диалоге не было ни одного осуждающего слова или оттенка пренебрежения, а скорее просто рассуждение о шансах на успешную карьеру, как и в самих вопросах, которых можно было ожидать от старых, опытных людей, беседующих с недавним выпускником.

Второе упоминание термина «разночинцы», которое использует Островский в другом значении, встречается в пьесе «Не от мира сего» (1884 г.) во время спора между Барбарисовым, который потворствовал мошенникам, и его невестой Капитолиной, дочь умершего генерала. Богатая мать Капитолины только что обещала дать значительную сумму денег другой своей дочери, для того чтобы она и ее живущий отдельно супруг могли купить поместье в Крыму. Барбарисов, больше интересующийся приданым, чем женой, реагирует на новость с враждебностью, вызванной купеческим происхождением генеральской вдовы. Когда Капитолина обижается, Барбарисов отвечает: «Я не хвастаюсь. Не титулованная особа, извините, из разночинцев. Да вот ум имею и способности. Искала бы себе лучше, коли я не пара»⁴¹. Хотя здесь нет упоминаний о формальном образовании, но Барбарисов, так же, как и Погуляев, является простолюдином, поднимающимся по социальной лестнице и не лишенным некоторого интеллекта и таланта. Но, в противоположность Погуляеву, он бесчестный выскочка. Внимательный взгляд не только на эти два лица, прямо названные Островским разночинцами, но также на разночинные

персонажи в целом, показывает, что не существовало общепринятых моральных ценностей и образа жизни. Более того, приверженность этим ценностям проявляется во многих характерах, в борьбе с различными эмоциональными и финансовыми проблемами, в успешной и неудачной карьере разного уровня, а также в личных взаимоотношениях, и, наконец, выражается в некоем наборе различных моральных оттенков⁴².

Еще одно, третье, неприукрашенное понимание разночинцев мы находим в произведениях Помяловского. Сын дьякона кладбищенской церкви, выпускник петербургской духовной семинарии, признанный учитель, принятый на работу в элитарный Смольный институт, а позже постоянно сражающийся сотрудник радикального журнала «Современник», Помяловский являл собой образ радикального интеллигента недворянина 50-х–60-х годов XIX в., разночинца, как его определяли литературные критики, ученые и революционеры, начиная с Н.К. Михайловского, в начале 70-х годов⁴³. Но как отмечает Кристофер Беккер и как свидетельствует обзор полицейских отчетов Третьего отделения, нет «доказательств того, чтобы человек 60-х годов называл себя разночинцем или его называли так ближайшие современники»⁴⁴. И действительно, во всех своих произведениях Помяловский использовал термин «разночинцы» только однажды, во введении к незаконченному роману «Брат и сестра», который был начат в 1862 г.⁴⁵: «Мы сочли за необходимое предупредить читателя, что если он слаб на нервы и в литературе ищет развлечения и элегантных образов, то пусть он не читает мою книгу... А вот объяснимся. У нас есть огромный слой общества, целая масса людей, живущая особенною, мало известною для нас, так называемого образованного общества, жизнью, — это бедный разряд разночинцев. Люди они или нет? Узнаемте же, что это за существа, и разоблачимте гнойную язву нашего — да, нашего общества»⁴⁶.

С точки зрения Помяловского, автор должен «обратить внимание общества на ту массу разврата, безнадежной бедности и невежества, которые накопились в недрах его». Так он пишет для «людей, желающих видеть правду голую, неподдельную, взятую из выводимого нами быта» об условиях жизни среди разночинцев: «...разврат глубокий, невежество поражающее, где [люди] не знают, что такое земля, солнце, луна, ветер и т.п.; и как скоты смотрят на явления жизни и природы; бедность, до того облежавшаяся, что потеряно, и притуплено чувство сострадания от нее; забитость неисходную; подлость и низость души закоренелую; язычество этого слоя, неведение основных начал гражданственности»⁴⁷.

Для Помяловского, как для Полевого и Островского, разночинцы представляли заметную, хотя не всегда точно определенную, часть общества. Разночинцы у Полевого – трудноопределяемые мелкие служащие; у Островского – образованные простолюдины, пробивающиеся наверх; а у Помяловского разночинцы стали жертвой социальной действительности, связанной с бесконечной бедностью, страданиями и безнравственностью. Все три писателя применяли определение, которое появилось в правовой и административной практике. У этих авторов разночинцы пришли из различных и рассеянных низших городских сословий, из которых люди часто возникали и в которых они столь легко пропадали⁴⁸.

По иронии, общепринятое понимание категории разночинцев как отдельной группы радикальных интеллигентов недворянского происхождения, выделяющихся своим демократическим духом, социальным сознанием и непритязательным образом жизни, никоим образом не было создано писателями, которые сами могли быть названы разночинцами или жили в социальном кругу разночинцев. Белинский и другие связывали эту категорию с новыми демократическими моральными ценностями, объединяющими людей различного происхождения, но разночинцы просто составляли одну из подгрупп участников этого широкого социального движения и не выходили за пределы мысленного образа, который изображал их как предвестников этого движения. Для такого представления следовало дожидаться литературного критика дворянского происхождения Н.К. Михайловского, хотя оно было предсказано в ранних произведениях Александра Герцена и Николая Огарева.

В начале 60-х годов XIX в. Герцен писал о «новой России», которая коренилась в непривилегированных слоях общества и воплотилась в таких прогрессивных фигурах, как Белинский, участники кружка М.В. Буташевича-Петрашевского, а в настоящее время – Чернышевского. Герцен определял разночинцев как новый элемент в русской интеллектуальной жизни, который не боится царских репрессий и своей бедностью подготовлен морально продолжать демократическую борьбу, – элемент, в отличие от дворянства, способный подняться над сословными интересами. В противоположность более точному социологическому представлению о разночинцах у Михайловского высокоморальные разночинцы Герцена состояли из социально смешанного круга, включавшего бедных дворян и чиновников, потомков священников, воспитанников кадетских корпусов, студентов, учителей, художников, военнослужащих, копиистов, купцов, лавочников и разночинцев⁴⁹. Таким образом, Герцен изображал разночинцев в традици-

онных терминах как социальную категорию, а также шире – как культурную категорию, определяемую моралью.

Огарев усовершенствовал подобное понимание в статье, опубликованной в радикальной эмигрантской газете «Колокол» в 1864–1865 гг.⁵⁰ Он также определял разночинцев как социально смешанную группу, которая может возглавить борьбу за представительное правительство в России. Не являясь буржуазией и третьим сословием, разночинцы могли бы заменить дворянство–бюрократию как существенную интеллектуальную силу страны и играть ту же историческую роль, что и третье сословие во Франции. Находясь в социальном плане между дворянством и крестьянством (народом), данная категория включала купечество и низшие слои мещан, а также «то меньшинство дворянства, которое отказалось от своего сословия, или то разночинство, которое вовсе не пошло в чиновничество или находится в нем с отвращением»⁵¹. Огарев использовал понятие разночинцы в двух планах. В традиционном применении он рассматривал чиновничество недворянского происхождения как разночинцев. В то же самое время, он сформулировал политико-культурное значение, чтобы описать прогрессивную часть общества, которая могла бы соединиться с крестьянством, чтобы изменить Россию. В описании разночинцев, с точки зрения их особого положения в политической жизни, он предвосхитил поздние определения Михайловского, Плеханова и Ленина.

В своей широко известной и авторитетной работе «Из литературных и журнальных заметок 1874» Н.К. Михайловский дал более конкретное социально-политическое определение разночинцев. Он объяснял идеологический конфликт между радикалами и интеллигентами, «отцами» поколения 40-х годов XIX в. и «детьми» поколения 60-х, как прежде всего социальный феномен, явившийся следствием пришествия на литературную сцену разночинцев, отдельной группы радикальных писателей недворянского происхождения. Тщательно отделив их от кающегося дворянства, представленного Д.И. Писаревым, Михайловский уравнивает разночинцев, – которым не в чем было каяться, – с «хорошо известным социальным положением». Таким образом, их характерные черты включали скромное социальное происхождение, бедность, горячее стремление к знаниям, особенно к знанию правды, а также непосредственный опыт и знание народной жизни. Кроме этих черт, разночинцы имели «особенный взгляд на вещи»: они верили, что искусство и литература должны служить социальным нуждам и что они, как просвещенные личности, были обязаны

стремиться к деятельности, которая была бы полезна простым людям. Они понимали, что цивилизация, и материальная, и духовная, развивается за счет народа, и защищали ото всех «подчинение общих категорий цивилизации идее народа и его блага»⁵². Можно спорить, до какой степени разночинцы Михайловского действительно жили этими идеями или приписывали себе такие же черты, что и он. Как заметил сам Михайловский, «существовало много оттенков, много переходных типов между чистым разночинцем и чистым кающимся дворянином», отобразенных в его работе⁵³.

По определению Михайловского, разночинцы попадали в категорию образованных простолюдинов, но он представлял свое понимание в терминах создаваемого социально-культурного идеала – идеала, который требовал и частного социологического опыта, и «особого взгляда на вещи». Интеллектуальные черты разночинцев зависели от их особого социального опыта, следовательно, от принципиального отличия между поведением разночинцев и формальным кодексом чести кающегося дворянства. Михайловский был не только писатель, который изобразил разночинцев в социологических терминах, но он был первым, кто связал особые социальные черты с особым видением мира. Это именно та связь, которая стала преобладать в современных историографических исследованиях, посвященных разночинцам, и которая была следствием очень прямолинейного понимания данной категории.

Начиная с правления Николая I, общественные представления о разночинцах добавили новый культурный компонент к многочисленным правовым, административным и социальным значениям. Отталкиваясь от прежних определений разночинцев как незнатных образованных простолюдинов и социальных низов, выдающиеся писатели либерального и радикального направлений начали связывать эту категорию с широким социально-культурным кругом и приносить в ее употребление особую ценностную окраску. Некоторые из этих писателей стремились разночинцев осудить, другие – превозносить, а третьи – просто о них рассказать. Все больше подобное использование социальной терминологии свидетельствовало о субъективных стремлениях и моральных суждениях, развитие которых отражало проникновение в русскую образованную элиту германского идеализма и французской утопической мысли.

Идеологическое использование социальной терминологии является чрезвычайно примечательным для истории русского революционного движения. Начиная с определения разночинцев Михайловским, политическое значение данной категории приобре-

тало растущее значение – модель, которая была аналогична развитию концепции интеллигенции. Накануне Первой мировой войны теоретики марксизма Г.В.Плеханов и В.И.Ленин применили определение разночинцев Михайловского к истории революционного движения; именно их понимание оказало самое значительное влияние на последующую историографию. В своей «Истории русской общественной мысли» Плеханов рассматривает разночинцев и как социально-экономическое единство, и как одну из идеологических позиций. В соответствии с анализом Плеханова, до XIX в. единственным европеизированным элементом русского общества являлось дворянство, пока на смену «дворянской гегемонии» в искусстве и литературе не пришла «гегемония разночинцев», которые определялись как «демократическое крыло» русского «третьего сословия». Европейская культура наконец-то проникла в буржуазию, представленную «прогрессивными разночинцами», старавшимися избежать судьбы «лишних людей», – «прогрессивных дворян», таких, как Герцен и Огарев – 30-х–40-х годов XIX в.

Даже в этом случае, как доказывает Плеханов, разночинцы оставались незначительной социальной силой, пока на политической сцене не появился пролетариат. С развитием капитализма прогрессивная разночинская интеллигенция восприняла точку зрения пролетариата и стала марксистской. Другая часть того же самого «сословия разночинцев», которая стояла «во главе интеллектуального движения», в течение десятилетий несла ответственность за «идеологическую европеизацию» русской «прогрессивной» (т.е. политически оппозиционной) буржуазии. В настоящий период, заключает Плеханов, нет больше идеологической гегемонии одного класса или сословия; более того, имеется два полюса: пролетарский и буржуазный. Неспособный постигнуть разночинцев в терминах, которые не были связаны с марксистскими историческими формациями, Плеханов попытался установить социально-экономический базис для особой интеллектуальной позиции, но историческая реальность разночинцев была гораздо сложнее, чем его формула. Таким образом, Плеханов связал разночинцев и с пролетариатом, и с буржуазией; в чрезвычайно немарксистской манере он определял эти группы не как социально-экономические классы, а как идеологические позиции. Точно так же, как «прогрессивные дворяне» 30-х–40-х годов XIX в. «шли за воззрениями работающих масс», разночинцы стали и пролетариями, и буржуазией⁵⁴.

Понимание разночинцев у Ленина близко к плехановскому, хотя оно проще и потому менее противоречиво. Ленин определяет

три этапа в развитии революционного движения, связывая каждый этап с одной доминирующей группой в обществе: дворянский этап декабристов и Герцена (1825–1861), разночинский или буржуазно-демократический этап (1861–1895) и пролетарский этап (с 1895 г.). Ленин также отождествлял разночинцев с конкретным общественным элементом, который он определял как «образованных представителей либеральной и демократической буржуазии, принадлежащей не к дворянству, а к чиновничеству, мещанству, купечеству, крестьянству». Он соотносил разночинный период с либеральным и анархистским народничеством и с такими людьми, как Чернышевский (Белинский был предтечей), который объединил утопический социализм с «духом классовой борьбы» и был глубоким критиком капитализма⁵⁵. Повторим еще раз: такие категории анализа скорее соответствовали идеологической, а не социально-экономической точке зрения.

Чужие как свои

Что делает столь различными концепции разночинцев и приносит в них множество оттенков, которые появились в элите общества?⁵⁶ Имелось ли общее представление или коллективный опыт, которые можно разглядеть в частых ссылках на разночинцев как на лиц, не принадлежащих к дворянскому или купеческому сословию, или как на образованных простолюдинов, благонамеренных интеллектуалов, как на социальные и культурные низы общества или разнообразные и незащищенные городские массы? Имеется лишь одно определение, которое могло бы включать в себя целый ряд кажущихся различными значений, — это определение разночинцев как чужаков. Скрытое указание на чужаков, начиная с самых ранних правовых определений разночинцев, было неизбежным результатом политики, направленной на ограничение активных социально-экономических процессов внутри относительно устойчивых административных иерархий и социальных границ. Такая политика и сопровождавший ее смысл «чужаки» продолжались до 80-х годов XIX в., когда консервативная комиссия Каханова открыто осудила то, что морально распущенные социальные элементы, которые определялись как мещане и разночинцы, эксплуатируют крестьян и знатных помещиков. Многие «чужаки», вызывая неприязнь традиционно настроенных чиновников, были расселены в сельских районах и, будучи вла-

дельцами земельных наделов, участвовали в сельских сходах⁵⁷. Тот же смысл мы находим в документах земской статистики Саратовской губернии, в которых категория разночинцев использовалась в 1912 г. для обозначения лиц, купивших или арендовавших земельные наделы⁵⁸. «Пришествие разночинцев» в русскую деревню после отмены крепостного права предполагает влияние чужаков на имперское общество. Гораздо позже исчезновения формальных городских категорий, которые с самого начала охватывали понимание разночинцев как чужаков, они продолжали играть некую роль в административном дискурсе⁵⁹.

В неофициальных источниках разночинцы как чужаки также появились в начале XVIII в. Уже в 1724 г. И.Т.Посошков относился к «разночинным промышленникам», которые вторгались в купеческую торговлю, как к «иночинцам», т.е. как к некупцам, чью профессиональную деятельность следовало ограничить⁶⁰. Наказы Уложенной комиссии открыто и постоянно определяли разночинцев как чужаков. В таком контексте данная категория была лишена какого-либо ценного социального содержания; ее значение определялось группой или группами, которые использовали это название по своему разумению. Для дворян такие разночинцы были новыми дворянами, лицами без дворянских прав, или категорией крестьян, отличной от их крепостных; для купечества и мещан – жителями городов, которые не принадлежали к посаду; для чиновников административного ведомства – лицами, которые подчинялись другим чиновникам.

В большинстве литературных, публицистических и мемуарных источников слово «разночинцы» употреблялось для того, чтобы выразить неодобрение или для того, чтобы описать социальных парий. Это, возможно, объясняет то, почему так мало людей, которые входили в данную группу на законных основаниях, когда-либо применяли данное понятие к себе⁶¹; и действительно, само существование категории, которая определялась как «другие» – будь они недворяне, некупцы или образованные простолюдины – была негативной и исключающей. Неформальные представления о разночинцах более последовательно определяли их как чужаков, хотя такое значение встречалось и в правовом, и более официальном общественном употреблении. Так, авторы дворянских мемуаров XIX в. и их литературные герои подразумевали понятие чужака, когда речь шла о лицах, стоящих ниже по своему культурному уровню и на социальной лестнице. Социально-экономические последствия такого востриятия также могли быть неблагоприятными, особенно в вопросах наград за службу и

стандартов, определявших подходящую брачную партию. Кроме того, для дворянских и недворянских писателей и персонажей их произведений понятие «разночинцы как чужаки» имело социально-культурный смысл, который определял их как простолюдинов с высшим и средним образованием, многие из которых имели шанс подняться по социальной лестнице. В некоторых случаях разночинцы представляли как менее культурная или менее ценная часть элитарного общества, в других – они изображались как равные или даже как образцы для подражания, хотя и только что появившиеся.

Представители общества и правительства, чьи взгляды были выражены в наказах Уложенной комиссии, в литературе и публицистике XIX в. пытались отделить себя от других, исключить чужаков. Но столь же важным было и то, что имелись лица и общины, которые хотели быть исключенными. Чужак в русском обществе был подобен двуликому Янусу. Беглые, например, следовали двум возможным линиям поведения – они пытались или изменить свое формальное положение, или вообще избежать регистрации и тем самым постоянно оставаться вне правовых рамок общества. Лица в правовом смысле с переходным статусом поступали так же. Так, в 1833 г. бывший крепостной одного купца из Арзамаса утверждал, что не знал, что в его распоряжении было только девять месяцев после освобождения, для того чтобы формально обрести постоянное местожительство; хотя он, скорее всего, умышленно проигнорировал регистрацию, полагая, что до следующей ревизии ему не нужно принимать решения⁶². Среди национальных и религиозных меньшинств целые общины пытались остаться вне формальных институтов общества: они или проживали по своим собственным, официально признаваемым законам и обычаям (поляки, балтийские народы, казаки, коренные жители Сибири, евреи и т.д.), или отказывались признавать власть царского правительства (самозванцы, некоторые староверы, кавказские племена, восставшие поляки и т.д.). Официальная политика всегда была направлена на правовую и административную интеграцию, ассимиляцию и стандартизацию, но, принимая во внимание партикуляризм природы социальных определений и структуру разрозненных административных ведомств, эта цель оставалась недостижимой.

Показателен опыт работы с национальными меньшинствами и старообрядцами в армии. В дореформенный период некоторые меньшинства были полностью или частично интегрированы в регулярную военную структуру. Украинцы и балтийские народы,

например, не фигурируют в источниках как отдельные группы; так, официальные рекрутские списки позволяют установить только религиозную принадлежность или место происхождения. Евреи после 1828 г. и поляки после 1831 г. служили на тех же самых условиях, что и русские, хотя еврейские рекруты часто забирались в детском возрасте, чтобы облегчить их крещение и ассимиляцию. Другие меньшинства выполняли военные обязанности в отдельных частях или войсках. Финнам, казакам и некоторым сибирским народам удавалось сохранять свои условия службы и свои войсковые подразделения и тем самым – особое положение в обществе, которого они столь сильно желали⁶³.

Самой сложной группой, с точки зрения государства, были сектанты и старообрядцы разных толков. Отказываясь стричь бороды и приносить присягу, староверы – даже когда они открыто этого не делали – в действительности просто не признавали царя, церковь и страну. В начале правления Александра I власти ответили тем, что ввели присягу, после которой раскольники поступали на военную службу в свои части или определялись в отдаленные полки, причем в каждую часть отправляли по несколько человек. К середине 50-х годов XIX в. рекруты, которые отказались бриться или читать православный символ веры, предстали перед военным трибуналом. Те, кто раскаялся, реально вернулись к православию, получили назначение на службу без наказания. Те, кто отказался, были посланы в каторжные войска Инженерного департамента, где после работы принимали участие в ежедневных мероприятиях, которые были призваны поощрить или вынудить силой изменить веру; если они, в конце концов, принимали официальную церковь, их также отправляли на регулярную службу⁶⁴.

Связи староверов и других меньшинств с подгруппой разночинцев остаются неясными. Иногда меньшинства, именно в этот раз, определялись как разночинцы; в другое время меньшинства сами использовали понятие разночинцы по отношению к чужакам, включая русских, которые жили внутри их общин или по соседству⁶⁵. Как и разночинцы, староверы и меньшинства вообще могли занимать множество формальных положений. Понятие разночинцев включало в себя понятие чужаков как ненужную или низшую группу, но имелась также значительная группа лиц, которые оставались чужаками по выбору. Наряду с этническими и религиозными меньшинствами, этот список включал какое-то число вымышленных или литературных персонажей, которые отказывались от успешной или потенциально успешной карьеры и тем самым выбирали положение чужака для того, чтобы искать

более высокого, определяемого культурой или религией социального идеала. Преимущества в положении чужака, продемонстрированные некоторыми группами, были традиционной чертой русского общества, и более того, эта черта не ограничивалась только теми людьми, которые пострадали от завоевания или преследований во время имперской экспансии. Даже интеллигенты и бунтовщики, которые стали жертвами репрессий властей, выбирали роль чужака, когда смело решались говорить свою правду.

Как столь часто случается в конкретных исторических ситуациях, абстрактные категории, даже имеющие социальное происхождение, не всегда непременно соответствуют социальным фактам, хотя и могут играть определенную роль в отдельных сторонах реальной жизни. В противоположность частому представлению о разночинцах как о чужаках в различных контекстах и источниках, церковные и административно-юридические записи показывают, что они также являлись прихожанами, соседями, коллегами по торговле и сообщниками по преступлению⁶⁶. Источники из Сибири, датируемые концом 50-х годов XVIII в., изображали разночинцев не только как городских или сельских владельцев собственности, но также как преступников, вовлеченных в воровство и нелегальную торговлю акцизным алкоголем⁶⁷. В Брянске в 1770 г. разночинцы объединились со своими соседями, которые считались купцами, чтобы подать прошение о ликвидации предприятия, производящего квас и хлеб; по мнению этих просителей, данное заведение мешало окружающим и являлось серьезным источником пожарной опасности⁶⁸.

Согласно нормам губернской реформы Екатерины Великой, местные власти продолжали считать разночинцев городскими домовладельцами, которые, несмотря на их податные обязательства, исполняли те же самые работные службы, что и другие горожане⁶⁹. В Московской губернии попытки яснее разделить социальные категории привели к созданию «разночинских улиц» и кварталов, которые могли примыкать к районам проживания и высших, и низших слоев⁷⁰. Следующие карты иллюстрируют, как в качестве прихожан и соседей разночинцы разными путями интегрировались в местные общины. В то же самое время, с точки зрения отдельных административных ведомств и общественных групп, они все равно оставались чужаками. Ясно, что категория разночинцев и, в частности, понимание разночинцев как чужаков должны быть рассмотрены, в первую очередь и прежде всего, как субъективная культурная конструкция. Только после этого можно объяснить разнообразие и подвижность ее определений.

Самоопределение и идентичность

Поскольку индивиды и общины определяли себя по отношению к государству или друг к другу, они применяли и интерпретировали правовые формулы в ответ на различные обстоятельства, нужды и стремления. Именно подвижность и непостоянство этих формул позволяли властям и обществу понимать их в отрыве от реальной жизни. Гибкость формальных определений, обнаруженная в официальном и неофициальном применении закона, была созвучна формированию социально-культурной идентичности разных социальных групп. Правовое самоопределение возникло тогда, когда люди старались изменить свою формальную идентичность или получить официальное признание непризнанного положения, когда административные ведомства конкурировали между собой в вопросах принадлежности налогоплательщиков, специалистов и исполнителей, и когда общины, землевладельцы и административные учреждения сталкивались с частными прошениями по поводу перемены положения. Правовая нечеткость открыто способствовала формулированию неформальных определений, которые нарушали официальные категории, а в XIX в. все в большей мере подразумевали утверждение ценностей. Так, писатели, мемуаристы и литературные персонажи незаметно превращали социальное понятие «разночинцы» в культурные представления и в то же самое время создавали новые культурные понятия, такие, как «общество» (либеральные образованные люди) и «интеллигенция», которые в свою очередь приобретали социальный смысл. Культурные понятия и самоопределения различных групп могли охватывать интеллектуальные и более организованные политические, социальные или общественные составляющие, включая некоторые формы пассивного сопротивления и возмущения. Однажды понятые как политически значимые, культурные определения вошли в официальный язык и тем самым начали влиять на государственное представление об обществе.

Правовое самоопределение

Поскольку чиновники использовали правовую категорию разночинцев (как и другие социальные определения) в конкретной административной и юридической практике, они интерпретировали и тем самым изменяли ее значение. Затем это новое ее понимание возвращалось к законодателям, которые продолжали вырабатывать все новые формулировки в ответ на осознанное непонимание или неправильное использование их. Вне этих официальных процессов создания, интерпретации и воссоздания имелись другие, не менее значимые движущие силы, лежащие в основе понимания разночинцев, а именно то, как общество воспринимало, переводило и изменяло установленные законом категории. Для того чтобы объяснить этот процесс, следует рассмотреть природу и содержание идеальных социальных типов и идентичностей, как они выражались властями, интеллектуалами и группами в обществе; изучить расхождение между идеальными типами/идентичностями и конкретной жизнью людей и реальными судьбами групп, а также возможность конкуренции между идеалами и идентичностями. Тщательное рассмотрение показывает, что самоопределение могло быть правовым, социальным и культурным; один важный вывод следует из всех правовых, административных и общественных употреблений: социальные определения были изменяемыми, часто противоречивыми и всегда неясными.

Хотя при создании правовых определений не было общепризнанного института общественного мнения, люди и общины с некоторым минимальным успехом добивались изменений в своем формальном положении. Пытаясь изменить свое зарегистрированное положение, они участвовали в процессе правового самоопределения — процессе, вызванном широко распространенной социальной незащищенностью и неопределенностью формальных предписаний. Достигнув при этом успеха или нет, они выражали свое собственное личное понимание закона. Не удивительно, что правовые определения часто расходились с административной практикой, так как власти определяли формальное положение, а конкретные люди или общины пытались его изменить. Самоопределение также предоставляло возможности для незаконных действий. Как уже было показано, социально-экономическое развитие простиралось далеко за рамки официально признанных институтов и отношений. Как раз самые низшие слои общества, возможно даже в большей степени, чем элита, могли пассивно сопротивляться

властям, избегая государственных правил или искажая собственную идентичность; такие действия впоследствии приводили к официальному ответу в виде новых правовых формулировок.

Самые запоминающиеся примеры правового самоопределения связаны с крепостными, которые обращались в уездные суды с прошениями об освобождении на основе законодательства, разрешавшего незаконно закрепощенным людям добиваться свободы¹. Власти рассматривали прошения от частных лиц, которые попали в зависимость незаконно и чьи хозяева не имели права владеть крепостными. Изучение тридцати прошений, представленных на рассмотрение в Пермскую губернию в правление Александра I и Николая I, показало, что только четыре из них были решены в пользу крепостных². Эти успешные прошения касались незаконных детей женщин, которые были государственными крестьянками. Хотя ряд прошений был основан на ошибочных или недоказанных претензиях, власти также отвечали отказом и на законные прошения, по которым следовало дать свободу, или из-за того что чиновники неверно интерпретировали закон, или из-за того что помещикам удавалось отложить судебное разбирательство до истечения установленного законом срока давности или обжалования. Отсутствие документов, которые обеспечивали дополнительные основания для отказа, обычно истолковывалось в пользу помещиков; таким образом, если крестьяне были записаны за помещиками до 1815 г., Сенат отказывал крестьянским прошениям, даже в том случае, когда помещики не могли предъявить купчие³.

Чтобы понять формирование социальной идентичности, важно знать, как просители определяли себя и оценивали свои требования, как они толковали и тем самым вновь создавали законы. Имеется немало свидетельств того, что крепостные были хорошо знакомы с правовыми текстами, которые регулировали освобождение от крепостной зависимости; в прошениях же они демонстрировали избирательное понимание закона, когда формулировали то, что они считали законными основаниями для освобождения. Одно прошение из Владимирской губернии, по которому Сенат отказал в 20-е годы XIX в., касалось фабричных рабочих, купленных крепостным графа Шереметева от имени своего хозяина. Когда Шереметев продал этих крестьян, они отказались признать своего нового владельца. Но требовали они освобождения на основании законов, запрещающих разночинцам (здесь имеется в виду крепостной Шереметева, который первым приобрел их) владеть крепостными⁴. Многие требования основывались также на

том, что крестьяне обвиняли помещика в своих лишениях и жестоким обращении, включая жалобы на чрезмерно тяжелый труд и на несправедливые или угрожающие жизни наказания⁵. Ни суды, ни законы не рассматривали эти «моральные» проблемы как существенные основания для освобождения; юридические власти могли дать указание местным властям принять меры, дабы предотвратить жестокое обращение, но помещиков не наказывали⁶. Ясно, что имелся разрыв между ожиданиями крепостных, которые полагали, что они имеют право на свободу, и официальными критериями для освобождения.

Прошения, поданные на рассмотрение пермских судов, говорят о сильнейшем стремлении к свободе, несмотря на почти непреодолимые препятствия. Некоторые крепостные утверждали, что их предки были освобождены в первую половину XVIII в., но были возвращены хозяевам, после того как они не смогли обеспечить свою жизнь. В 20-е годы XIX в. потомки этих свободных людей видели достаточно доказательств экономических возможностей, чтобы пытаться себя освободить; власти отвечали на их прошения отказом, и вследствие того, что уже истекло десятилетнее ограничение, установленное законом, и вследствие того, что не всегда было ясно, как их свободные предки стали крепостными. В одном из таких случаев родственники драгуна, уволенного со службы в 1730 г., не смогли доказать родственные отношения с этим освобожденным человеком. Потомки этого разночинца узнали о своем свободном положении только в 1807 г., когда нашли документ, подтверждающий, что их предок драгун и его родственники лично платили подушную подать. Они немедленно воспользовались возможностью освободиться от крепостной зависимости, но так как было неясно, как потомки драгуна превратились в крепостных, суд заключил, что они неудовлетворительно доказали свое родство с этим свободным человеком. Кроме проблем с документами, крепостные, желавшие освобождения, сталкивались с открытым запугиванием со стороны своих хозяев, включая тюремное заключение (до тех пор, пока не истекал предписанный законом срок для обжалования), физические наказания, штрафы и потерю собственности. Помещики, кроме того, поддерживали тесные связи с официальными властями, которые точно так же боялись их. Самые богатые и влиятельные помещики, такие семьи, как Голицыны и Демидовы, помимо этого использовали свои связи в министерствах. Страстное желание свободы, таким образом, кажется еще более удивительным, если принять в расчет серьезные преграды, которые просители должны были пре-

одолеть. Но очевидно, а также очень важно то, что среди крестьян имелось понимание реальной возможности законного освобождения.

При изучении правовых самоопределений социальных групп необходимо отличать идентичность общин от претензий конкурирующих между собой административных ведомств. Несмотря на то что границы административных ведомств и подчиненных им общин обычно были одними и теми же, их интересы часто расходились. Частные устремления, нужды общины и функции административных ведомств сталкивались в противодействии, порождая трясину соперничающих претензий и конфликтующих определений. Вот один из случаев. В представленном властям Пермской губернии в 1800 г. прошении крепостник требовал права владения служащим без чина по фамилии Ведерников⁷. Ведерников был незаконным сыном жены ризничего, которая ушла от своего мужа в 1760 г., когда тот по собственному желанию стал крепостным одного фабриканта. Ведерников просил местный суд о формальном признании своего свободного положения, после чего получил назначение на государственную службу. Со своей стороны, фабрикант сумел убедить Ведерникова забрать прошение — действие, которое низший суд утвердил. Более высокий суд опротестовал это решение, доказывая, что Ведерников уже является казенным человеком, т. е. правительственным служащим, и потому не может быть приписан к фабриканту. Окончательное решение данного дела неизвестно, но конкурирующие претензии, проявленные в нем, существенны. С одной стороны, Ведерников искал признания своей свободы и положения на гражданской службе. Чиновничество, которое всегда испытывало нужду в квалифицированных кадрах, определило его на такую службу. С другой стороны, фабриканту был необходим труд крепостных, в то время как казна и армия не хотели терять потенциального налогоплательщика и рекрута. Множественность интересов, таким образом, приводила к расхождениям в толковании закона. Столь очевидный юридический произвол и несовместимость интересов в этом случае могут быть вновь и вновь объяснены подвижностью и неопределенностью правовых определений, которые допускали такое количество различных и противоречивых обращений.

Такое развитие очевидно в конфликтах между конкретными людьми и их общинами. В 1781 г. один ямщик из Нижнего Новгорода записался в купечество и в 1782 г. был избран бургомистром магистрата. В январе 1783 г. губернские власти освободили его от этого поста по состоянию здоровья, но в сентябре община вновь

избрала его контролировать получение и распределение соли. Бывший ямщик считал такое назначение незаконным и просил освободить его, ссылаясь на «выговор» общины от 1761 г., который освободил одного разночинца, записанного купцом, от административных обязанностей на пять лет. Губернские власти согласились с тем, что, если такое решение существовало, проситель должен быть освобожден от этих обязанностей. Повторим вновь: конфликтующие требования порождались различными толкованиями закона. Через двадцать лет после своего же решения, направленного на то, чтобы дать новым купцам шанс упрочить свое положение, община пересмотрела его и назначила только что появившегося чужака выполнять тяжелые обязанности, которых купцы, старые члены общины, пытались избежать⁸. В конечном счете, бывший ямщик оказался способным воспользоваться законом, чтобы добиться себе преимуществ внутри купеческого сообщества.

Заключительный пример правового самоопределения выявляет живучесть традиционных общинных связей, которые определяли и формальное законодательство, и социально-экономическую реальность. В конце XVIII в. некоторые социальные группы все еще использовали категории Московского государства, чтобы определять себя, и выдвигали претензии на основе социальных и экономических установлений XVII в. Так, в 1782 г. тридцать один проситель из города Василь (Нижегородская губерния) называли себя потомками служилых людей Московского государства («прежних служеб служилые люди»). Ранее они служили в городе Козмодемьянск рассыльщиками и были приписаны к воеводской канцелярии. Во вторую ревизию их записали как «пахотных солдат» города Василь, где они теперь платили подушную подать и поставляли людей для украинских пограничных войск. Хотя им было предложено переселиться в Василь, они проживали в Козмодемьянске и здесь как жители города исполняли свои служебные обязанности. Местный губернатор поддержал их стремление оставаться в своих домах и приказал, чтобы в следующую ревизию просители были бы записаны в Козмодемьянске⁹. Данный случай свидетельствует о силе традиционной идентичности через почти пятидесятилетний срок после податной реформы и правительственных усилий объединить социальные категории Московского государства.

Живучесть общинных связей особенно поражает на примере бывших бобылей Духова монастыря под Нижним Новгородом. В 1799 г., несмотря на то что некоторые из этих бобылей уже проживали в Нижнем Новгороде, а другие — в Кунавинской слободе, они отправили одного своего представителя с прошением к мест-

ным властям. Согласно их прошению, местные горожане долгое время домогались монастырских земель и их жителей – ситуация, которая в 1632 г. вынудила патриарха Филарета вмешаться, чтобы защитить единство общины Духова монастыря. Несмотря на эти усилия, община все же «завершила свое существование». Бывшие крестьяне утверждали, что точно не знают, как и когда это произошло, но они были уверены в том, что это случилось в результате давления со стороны соседей-горожан. Они также рассказывали, что со времени секуляризации церковной собственности, они попали в ведомство Коллегии экономии и в 1769 г. получили новые земли для обработки. И, наконец, они утверждали, что некоторые из них проживали в городе и, хотя не имели права заниматься городской торговлей, все же выполняли служебные обязанности горожан, помимо выплаты подушной подати и рекрутской повинности.

Продолжая называть себя бобылями, двадцать девять просителей настаивали, чтобы им возвращены были прежние земли Духова монастыря. Однако они не могли предоставить документы, по которым можно было восстановить границы потерянной ими общины. Наконец, как было установлено по грамоте 1686 г., монастырская община была включена в Кунавинскую слободу. Местные власти, таким образом, отказали этому прошению как необоснованному¹⁰. Можно только удивляться упорству этих людей, которым удалось сохранить свое чувство общности, несмотря на перенос места проживания из-за тянувшейся в течение века административной реструктуризации и конфискации церковной собственности. Можно предположить, что они, очевидно, не знали всех обстоятельств, связанных с передачей недвижимости их общины, но все же они выказали избирательную память, которая, сознательно или бессознательно, дала им возможность увековечить традиционные связи и продолжать считать себя отдельной социальной группой.

Систематическое изучение феномена разночинцев постоянно свидетельствует о том, что русское общество не имело крепких связей и стабильных структур; однако сохраняющиеся связи общин, уже прекративших по закону свое существование, могут привести и к прямо противоположному выводу. Не свидетельствует ли сила этих традиционных связей о непреклонной приверженности к соблюдению социальных различий? Желание сохранить различия действительно было значительным, но тогда следует понять, почему эти люди столь сильно цеплялись за освященные веками определения. Неопределенность социального положения

и подвижность социальных границ предлагает объяснение, так как эти реальности русской жизни и разрешали, и делали необходимым динамичный процесс правового самоопределения, которое было центральным при формировании социальной идентичности. Когда крепостные и другие лица пытались изменить свое положение, они полагались на свое собственное понимание формальных законов. Также и общины, опасаясь потерять свою формальную или историческую специфику, интерпретировали законы выборочно, стремясь сохранить традиционные различия, — различия, которые более не соответствовали законодательным нормам или социально-экономическим реальностям.

Хотя динамика самоопределения указывает на значение формального законодательства при формировании социальной идентичности, это не означает, что идентичность разных групп или социально-экономические реальности обязательно соответствовали правовым нормам. Историческая память, которая постоянно оказывалась сильнее реальной жизни, также могла быть избирательной и сознательно управляемой. И государство, и общество легко управляли формальными сословными определениями, что было столь важно при определении жизненных возможностей отдельных людей или класса. Неформальное самоопределение могло стать «самостоятельным определением себя в обществе», т.е. адаптацией личности к существующим властным структурам, или оно могло вылиться в сопротивление людей вышестоящим властям в виде сознательного уклонения. Успешное бегство от крепостной зависимости представляет только один пример того, как даже самые низшие слои общества могли использовать существующие структуры власти в собственных интересах. Столь же важными и тесно связанными были феномены самозванства и ложной идентичности, порождаемые различными социально-экономическими реальностями. Один судебный случай 1797 г. касался жены копииста, которая ушла от мужа, а затем просила принять ее в монастырь, утверждая, что она бездомная дочь умершего полковника. По сведениям сына полковника, эта женщина была дочерью крепостной девушки, которая проживала в доме его покойного отца, и хотя сын отрицал это, она, вероятно, все же была его незаконнорожденной сестрой¹¹.

Вот пример спорной идентичности: некий самозванец пытался зарегистрироваться в Архангельске, называя себя Филиппом Григорьевым Симоновым, приемным сыном московского мещанина. В 1846 г. этот самозванец совершил поездку в Архангельск с купцом-работодателем, имея паспорт, выданный московской го-

родской думой и расписку, подтверждающую уплату всех налогов. Когда он попросил о регистрации в Архангельске, власти послали запрос своим московским коллегам. Москва сообщила, что данный человек — самозванец, как заявила об этом его «приемная» мать. Она утверждала, что проживает со своим сыном, реальным Филиппом Григорьевым (на тот момент он был женат и имел детей). Последующее расследование вскрыло множество неточностей и противоречий. Несколько второстепенных лиц действительно помогли оформить бумаги, устанавливающие личность самозванца, архангельского Филиппа, но ключевые свидетели уже умерли или были отведены. Реальные факты этого случая никогда не были точно установлены; вероятно, купец, который действительно нанял архангельского Филиппа, воспользовался ошибкой в московских городских документах, в которых были перечислены два Филиппа Симонова. Наконец, в 1860 г. власти Архангельска отказались от попыток установить подлинность архангельского Филиппа. Они решили, что такой молодой человек не мог сознательно сфальсифицировать свое происхождение, а также, что он не мог быть бродягой или беглым, так как имел документы, выданные московскими властями. Очевидно, с некоторой финансовой помощью его покровителя купца власти позволили самозванцу зарегистрироваться, указав, что «архангельская община мещан заявила свое согласие принять его в мещане города Астрахани»¹².

Вероятность самозванства, наряду с постоянными ошибками в записях делопроизводителей, часто затрудняет оценку достоверности народных стремлений и представлений, выражаемых в примерах правового самоопределения. Это общая проблема при использовании любых документов, прошений или юридических источников, и она не может быть здесь разрешена¹³. Цели данного исследования — значение самоопределения и взаимоотношений, которые просители пытались уточнить, оформить или скрыть, лежат не в плоскости достоверности представлений, а связаны с тем, что говорят документы о значительной неопределенности социальных категорий. Сам факт того, что подобными случаями постоянно занимались местные суды и требовалось постоянное вмешательство Сената, говорит о том, что на уровне правительства они воспринимались очень серьезно. И еще важнее — они доказательство того, что формальные социальные связи не всегда легко было определить или сохранить.

Расплывчатость социальных определений, столь ярко проявляемая в понимании термина «разночинцы», подтверждает важность самостоятельного определения своего положения в боль-

шей общественной структуре¹⁴. Социальная структура не существовала на чисто правовой или экономической основе; она была, по крайней мере частично, субъективной конструкцией, сформулированной и понятой лицами или группами, которые определяли себя в отношениях с другими и которые были, в свою очередь, переопределяемы теми, другими. Как субъективная конструкция социальная структура постоянно взаимодействовала с внешним («объективным») правовым и экономическим давлением, которое лежало вне поля контроля самоопределяемого населения. Разночинцы представляли собой ярчайший пример субъективной и зачастую спорной природы социальных определений. Принимая во внимание слабость русской правовой традиции и отсутствие автономной институциональной основы, можно подумать, что даже внешние элементы закона и производственного развития могли быть случайны и разобщены и, таким образом, подвержены значительным флуктуациям. Результатом было общество, в котором субъективные факторы, будь то самоопределение или спорное административное толкование законов, играло большую роль в развитии социальной структуры, чем могло бы быть в ином случае.

Историки обычно определяют разночинцев как категорию лиц, которая занимала переходное или неопределенное положение, тем не менее, они не изучают, как неопределенные и изменчивые очертания этой группы соотносятся со структурой всего общества. Наряду с непризнанными претензиями на дворянский статус, родственная проблема ограничения дворянства, упрямая живучесть незаконного закрепощения и незаконной торговли, феномен правового самоопределения и сознательного уклонения подтверждают, что неопределенность положения, ярче всего выраженная в категории разночинцев, была общей чертой русского общества. Вполне возможно, таким образом, считать всю имперскую Россию обществом разночинцев. Вместе с парадигмой помещики — крепостные и «сословной парадигмой» — ни одна из них не исчерпала всех возможностей для серьезного научного исследования — историкам России также следует изучить категорию разночинной культуры, в которой формальные социальные границы зачастую не работали. Похожее на цивилизацию майя в Новой Испании, это было общество, где правовые и незаконные экономические отношения соединялись с произвольными процессами социально-культурного самоопределения, чтобы породить частичное совпадение и переплетение сословий, народов и культурных идентичностей. Результатом была текучая, размытая социальная ткань с явным отсутствием структуры, предсказуемости и безопасности.

Интеллигенция как культурное самоопределение

Понятие «интеллигенция» дает самый поразительный пример культурного самоопределения в имперской России. Большинство историков используют данное понятие так, как если бы оно имело простое, общепринятое определение, но при тщательном изучении мы наблюдаем целый ряд неожиданных толкований. В дальнейшем изложении мы не ставим перед собой задачу подробно изучить сложный социальный язык интеллигенции, ни как реальный, ни с точки зрения историографии. Субъективная, нормативная и полемическая сущность категории интеллигенции историками уже исследована¹⁵. Наша цель заключается в том, чтобы, по возможности, примирить противоречивые представления об интеллигенции, изучив ее как субкультуру, которая сама себя провозглашает и определяет, и, в частности, как средство, с помощью которого образованные русские люди старались отделить себя от других. Если принять во внимание размытость социальных границ и подвижность формальных категорий, то становится ясно, что самоопределение играло выдающуюся роль в образовании социальных и культурных идентичностей. Таким образом, история интеллигенции лучше всего может быть понята как часть обширной, долговременной модели социального развития, а не как значительное отклонение, в которое интеллектуальные создатели данного понятия хотели заставить нас поверить.

В традиционных мифах, связанных с русской интеллигенцией, видная роль в спорах о хронологии и существовании природы данного феномена отводится разночинцам, так же, как и в происхождении революционного движения. Расхождения в хронологии являются главным источником несовместимости в определениях интеллигенции, ибо историки еще не объяснили должным образом происхождение данной группы. Хотя интеллигенция как собирательное понятие появилось только в 1861 г., немногие ученые считают это время точкой отсчета для изучения этого понятия и его использования. Подобное невнимание к языку является лишь одной из причин неудач при формулировке достаточного определения. Историки, которые относят возникновение интеллигенции к XVIII в., объединяют социальные и культурные толкования, так как связывают подающиеся учету настроения с особым социальным контекстом¹⁶. Те, кто сосредоточен на иссле-

довании философских кружков 30-х—40-х годов XIX в., настаивают на интеллектуальном происхождении интеллигенции, в то время как те, кто изучает 50-е и 60-е годы того же века, описывают ее в контексте социологического развития¹⁷. Представляется, что все ученые стремятся выяснить связь между понятием «интеллигенция» и социальной реальностью; многие также рассматривают интеллигенцию как отдельную группу общества. Даже те исследователи, которые делают акцент на социальной и интеллектуальной дифференциации внутри интеллигенции, или те, кто определяют ее как общее представление, а не как социальное единство, все же настаивают на том, что к 1870 г. данная абстракция превращается в некую страту или субкультуру.

Упорное стремление исследователей изучать интеллигенцию в социологических терминах создает серьезную проблему для понимания. Историки, которые не могут преодолеть противоречие между интеллигенцией как «само-представлением» и наличием интеллигенции в виде определенной общественной группы, пытаются совместить оба определения¹⁸. Понятие «само-представление» предполагает множественность значений, что затрудняет попытки сформулировать социологическое или «объективно» научное определение. И западные, и советские историки стараются преодолеть эти трудности, исключая субъективную составляющую. Указывая на то, что различные значения интеллигенции «правильно отражали само-представление различных групп писателей и политически активных людей в русском обществе», Дэниел Р. Брауэр заключает, что «любая субъективность в определениях должна помешать их использованию в историческом исследовании»¹⁹. Советские историки идут еще дальше, пытаясь сформулировать «объективные» научные определения. При таком подходе один историк насчитал в советских исследованиях более шестидесяти определений «интеллигенции», самое общее среди них — представление об интеллигенции как о социальной группе, состоящей «из лиц профессионально занимающихся умственным трудом»²⁰. Это определение, по существу, такое же, как то, что использовалось для описания границ советских социальных категорий, приравнивает интеллигенцию к профессионалам современного индустриального общества.

Взгляд на интеллигенцию как на социальную группу сковывает исследователей, и они не в силах создать определение, которое могло бы удовлетворительно очертить ее границы. Ученый дореволюционного периода Михаил Гершензон невольно намекает на решение, когда критикует историков интеллигенции за их не-

удачное применение «законов исторического поиска» и описывает их работы как не более чем бессмысленный набор «поэзии и политики, творческих способностей и масс, мыслей и чувств, слов и фактов»²¹. В диссертации Отто Мюллера, которая до настоящего времени является единственной работой, предлагающей решение дилеммы, вызванной определением интеллигенции как социальной страты, показано, что эта смесь противоположных смыслов и применений может породить альтернативную и в конечном итоге более продуктивную концепцию²².

Указывая, что политическая полемика и философское осмысление подрывают собирательное представление об интеллигенции, Мюллер изучает множество различных оттенков внутри данной категории, – различий, которые зависят от этнической принадлежности, места жительства, времени жизни, от социального положения, от политических и философско-этических ценностей. Повторим еще раз: субъективные концепции отдельных авторов являются идеологическими или идеальными типами, которые обрекают на неудачу любую попытку определить границы социологического единства или развить свободное от ценностных установок определение. Тщательное ознакомление Мюллера с текстами XIX в. и его желание охватить множество значений и смыслов приводит к невозможности поддержать социологическую интерпретацию классической русской интеллигенции²³. Не без оснований полагая, что русское применение понятия «интеллигенция» обязано развитию философии в Германии и Франции, Мюллер тем не менее не объясняет русского социального контекста, в котором эти европейские идеи существовали²⁴, также как он не рассматривает взаимную обусловленность понимания интеллигенции и общей структуры русского общества. Весьма вероятно, что это как раз то, что феномен разночинцев помогает прояснить.

Историки, как правило, употребляют понятие «разночинцы» в тех случаях, когда рассматривают состав интеллигенции и ее формирование как отдельной общественной группы, демонстрируя при этом, как легко выбор тех или иных языковых средств изменяет понимание. Многие историки понимают формирование интеллигенции как субкультуры, которая самостоятельно себя определяет и заявляет о себе с ростом известности радикальной «демократической интеллигенции» («разночинная» или «разночинская интеллигенция») в 60-е годы XIX в. Таким образом, они привязывают социологические значения интеллигенции к феномену разночинцев, или используя обе группы как синонимы, или приписывая радикализацию и отчуждение интеллиген-

ции влиянию разночинцев. Более глубокое понимание разночинцев обнаруживает иные проблемы в создании социологической интерпретации интеллигенции через эту категорию.

Майкл Конфино дает частичный ответ на проблемы, созданные историками, связывающими изменения в природе интеллигенции с «пришествием» разночинцев. Он настоятельно указывает на то, что даже в 40-е и 50-е годы XIX в. большинство интеллектуалов, включая тех, которые происходят от разночинцев, были лояльны к правительству и что уже в XVIII в. значительное число интеллектуалов имели скромное социальное происхождение²⁵. Конфино подвергает сомнению предположение, впервые высказанное Михайловским, что наиболее радикальные идеологические тенденции 60-х годов возникли благодаря «демократизации социальной основы интеллигенции». Скорее, по мнению Конфино, нигилизм был «восстанием мелкопоместных детей» против своих отцов, «с помощью которого разночинцы получили признание и стали частью данного феномена». Видная роль разночинских интеллектуалов была не «результатом количественного роста», а изменениями в их профессиональном распределении, «таком, что большинство из них занималось самостоятельной интеллектуальной деятельностью».

Пытаясь объяснить роль разночинцев в движении нигилистов 60-х годов XIX в., Конфино определяет их как бывших семинаристов, чья бедность, грубые манеры, присущий им «атеизм неофитов» и интеллектуальный догматизм (наследие религиозного образования) были узаконены и даже идеализированы в этосе интеллигенции. Ему удается избежать главных трудностей, связанных с социологическим пониманием «демократической интеллигенции», ограничивая свой анализ определенным историческим контекстом: развитием нигилизма в эпоху великих реформ Александра II. В результате, Конфино смог установить соответствие между идеалом нигилистов и их верой, с одной стороны, и жизненным опытом радикальных по воззрениям бывших семинаристов, с другой, но прямо не приписывал идеологическую радикализацию их влиянию. Определение Конфино этоса интеллигенции, ограниченное во времени и в пространстве, таким образом, противостоит политическому пониманию Мюллера. И все-таки имеются проблемы, связанные с тем, что им ставится знак равенства между бывшими семинаристами и разночинцами. Феномен разночинцев не может быть сведен к любому отдельному социологическому единству, и даже если разночинцы исследуются в рамках социальных терминов, бывшие семинаристы являются только

одной из многочисленных подгрупп, составляющих эту различную по составу категорию. То, что Конфино не удалось отделить разночинцев от семинаристов, не умаляет результатов его анализа, который ограничивается только нигилизмом и в котором его определение приемлемо. Но другие историки, использующие такое определение в более широком контексте, идут на большой риск.

Тщательный анализ категории разночинцев обнаруживает, что она в основном не связана с историческим развитием интеллигенции. Как бы ни определять интеллигенцию, разночинцы не могут объяснить ее происхождение, природу или социальный состав; также нельзя с помощью разночинцев объяснить появление интеллигенции как социальной группы, осознающей самое себя. Роль разночинцев в развитии революционной интеллигенции, и особенно связь между радикализмом и социальным происхождением в течение 60-х и 70-х годов XIX в., остается спорной. Как замечает Дэниэл Р. Брауэр, рост разночинцев как источника радикализма был мифом – мифом, который «отразил принятие желаемого за действительное теми, кто не видел перспективы революционного движения, поскольку его определяло дворянство»²⁶.

Так как разночинцы являлись очевидными участниками социальных волнений уже в середине XVIII в., невозможно приписать радикализацию интеллигенции, которая происходит веком позже, их «пришествию». Они «пришли» и действовали задолго до этого времени²⁷. Любое определение интеллигенции должно уже с самого начала подразумевать разночинцев – будь то «революционеры», скрытые революционеры или политически лояльные члены образованной и культурной элиты. Роль разночинцев в крестьянских восстаниях показала не отчуждение их от общества, но интеграцию и вовлеченность в его жизнь; даже отставные офицеры и губернские секретари иногда участвовали в таких движениях. И действительно, их роль в этих восстаниях ставит под вопрос предполагаемую изоляцию низшего слоя чиновников от «народа» до революционного кризиса XX в.²⁸ Трактовка смысла их участия схожа с уже предложенной историками, которые не согласны с традиционным мнением о глубоком социально-культурном отчуждении, разделяющем священников и крепостных в дореформенный период, а также крестьян и пропагандистов во время «движения в народ» в 1874 г.²⁹

Имеются ценные, хоть и малочисленные доказательства, подтверждающие, что феномен разночинцев имел решающее влияние на формирование интеллигенции и революционного движе-

ния. Как социально-демократическая группа, однако не обладающая самосознанием, с большим числом образованных простолюдинов, «интеллигенция» существовала, по крайней мере, за век до того, как было сформулировано это понятие³⁰. Чаще разночинцы привлекаются в историографические рассуждения для того, чтобы обратиться к проблеме радикализации 60-х годов XIX в. Так, исследователи обращают внимание на новый, по общему мнению, феномен выдающегося положения разночинцев в культуре, чтобы объяснить радикализацию интеллигенции и ее кристаллизацию как группы, обладающей самосознанием, подробнее изучают отношения между радикализмом и составом студенческой молодежи. Ясно, что такой подход непродуктивен. В социальных понятиях разночинцы не представляли собой новой или только что начинающей преобладать группы внутри культурных и образованных элит. В идеологических, интеллектуальных или политических понятиях не было «особой точки зрения на вещи» или определяемого этоса, который бы отделял разночинцев от других групп в обществе. Изображение Чернышевского, Добролюбова, Н.В.Успенского, Помяловского и Ф.М.Решетникова как «разночинцев» очень сильно искажает действительность. Помимо этого, как убедительно показал Отто Мюллер, не существовало одного, единственного понимания интеллигенции. Иначе говоря, можно понять категорию разночинцев, ее роль в образовании интеллигенции и интеллигенцию саму по себе, только уделив пристальное внимание конкретным формулировкам этих понятий и их связям с более широким культурным и политическим контекстом.

То, что не удалось установить нейтральные научные термины для анализа, мешает ученым изучать разночинцев и интеллигенцию именно потому, что обе эти группы представляли собой субъективные категории. Поэтому следует избегать понимания интеллигенции как социального единства, которое может быть изображено с помощью и социологических, и философских представлений. Ибо, только определяя состав как форму сознательной идентификации или позитивной идентичности, возможно объединить правовые, социально-экономические и интеллектуальные различия. Как только это будет сделано, сразу же станет понятно, что нельзя ставить знак равенства между интеллигенцией и образованными элитами или профессионалами. Демократический социальный состав интеллигенции и ее формирование как самоопределяемой и заявляющей о себе субкультуре были не просто результатом радикальных воззрений, несмотря на то что такие

воззрения способствовали волюнтаризму и эгалитаризму без учета социальных различий. Скорее, интеллигенция возникала в отсутствии жестких социальных границ и в социальном взаимодействии с другими группами, что было характерно для русского общества с самых ранних времен.

Формирование интеллигенции со всей очевидностью показывает ту степень, до которой образованное общество передельвало формальные социальные дефиниции имперской России. Идея интеллигенции исходила прямо из культурной элиты, в то время как понимание разночинцев было переделано заново в контексте нарождающейся субкультуры интеллигенции. Изучение степени субъективности, с которой законодатели, правители и представители общества определяли разночинцев, позволяет объяснить их роль в «рождении интеллигенции». Так, новое понимание разночинцев у Михайловского, будучи одним из важных элементов в оформлении субкультуры интеллигенции, не определяет границы социальной группы; скорее, оно имеет смысл, только если смотреть на интеллигенцию с точки зрения идентичности, самоопределения и сознания. Как таковые, смысл и роль интеллигенции в развитии современной России являются столь же разными и иногда ускользающими, как личности или группы, которые включались в данную категорию благодаря своим речам, произведениям, восприятию и действиям.

В отрывках из дневника за 1866 г. Ф.М. Решетников подчеркивает проблемы самоопределения в развитии интеллигенции. В то время как публицисты и историки считали его одним из самых важных представителей разночинской интеллигенции, Решетников описывал нигилистов своих дней в самых нелестных выражениях: «Это — глупые люди. Мальчик, вбивший себе в голову, что он нигилист, то есть не верует в бога, не признает правительство, носит длинные волосы, очки, говорит вздор и подличает, в церкви он ужасно гадок, ужасно гадок на Невском, в пассаже, где делает пакости девушкам, женщинам. Спросите вы его: что такое нигилизм? он никак не объяснит вам. Люди, считающие себя нигилистами, и попавши на должность или имея деньги, о нигилизме толкуют девицам, корчат из себя умных, а в сущности такие подлые люди, что с ними и толковать не стоит. Они никак не хотят не только заступиться за мужика, но не хотят сознательно, чистосердечно назвать его гражданином. Нигилизм — модная фраза, ничего не объясняющая»³¹.

По мнению Решетникова, за нигилизмом не было «объективной» реальности; это была некая выдумка, нечто, что люди вби-

ли себе в голову по поводу того, как им себя называть, однако без каких-либо соответствующих обязательств по отношению к идеям или ценностям. По представлениям Решетникова, нигилисты не были реальными, потому что не обладали искренностью и моральной чистотой, приговор, который сильно напоминает идеалистические постулаты Герцена и его круга. Здесь нет и намека на социологическое единство, только на не осуществившееся обещание политической целостности.

Критика Решетниковым нигилистов сконцентрирована на их взаимоотношениях с народом – взаимоотношениях, которые являлись ключевой проблемой при любом обсуждении интеллигенции. В ней и заключались те трудности, которые испытывали заявившие о себе интеллигенты и революционеры в попытке создать прямые социальные и организационные связи со всем населением. До 90-х годов XIX в. это проблема больше обсуждалась, а не разрешалась на практике, несмотря на то что были и важнейшие исключения, такие, как создание воскресных школ, движение в народ и образовательная деятельность последователей Н.В.Чайковского. Публицисты, теоретики и историки вслед за ними зачастую относят отсутствие стабильных связей за счет непреодолимой социально-культурной пропасти, которая отделяла образованную элиту от простого народа. Однако такое объяснение кажется недостаточным, если принять во внимание, что количество людей с высшим и средним образованием в России росло постоянно в течение всего имперского периода. По мере того как образованная элита постоянно пополнялась прямо из «народа», по мере того как выкристаллизовывалась вслед за реформами Александра I пирамида базового и среднего образования и по мере того как после 1870 г. начался активный рост начального образования, разграничительная линия между образованными и необразованными постепенно размывалась³². Таким образом, к концу XIX в. крестьянские школьные учителя незаметно сливались с образованным крестьянством, а трудящаяся интеллигенция — с квалифицированными фабричными рабочими. Дэниэл Филд приходит к подобному мнению, когда утверждает, что историки, пытающиеся объяснить неудачное движение в народ в 1874 г., преувеличивают социально-культурную границу, отделяющую крестьян от пропагандистов³³. Феномен разночинцев предлагает этому явлению еще более широкое объяснение: отсутствие в русском обществе формальных структур, фрагментированная природа социальных групп и идентичностей, а также невозможность создавать стабильные связи в безопасной обстановке исторически прочных социальных

институтов. Даже без учета репрессий, а репрессии были решающим фактором, который мешал упрочению вновь создаваемых организационных связей, Россия не имела единых социальных структур, с помощью которых возможные лидеры могли бы донести свои идеи.

Вторая проблема, которая повлияла на отношения интеллигенции и большей части населения, заключена в самой идее «народа». Славянофилы, народники, консерваторы, либералы и радикалы – все рассматривали народ как недифференцированную массу тружеников, будущих граждан и скрытых революционеров. Только марксисты предложили более сложный взгляд на социальные отношения, но идеологическая конструкция, которую они применили к русскому обществу, искажала его еще больше, чем представление о народе как об одном сословии неантагонистических тружеников. Представляется невероятным, как критически мыслящие интеллектуалы, которые знали свою страну так хорошо, которые чутко воспринимали ее социальное и этническое разнообразие, могли разделять столь упрощенные взгляды на народ. И все-таки наличие социокультурной пропасти, которая мешала подлинному пониманию, неадекватно объясняет эту проблему. Более правдоподобное и разумное объяснение связано с чрезвычайной сложностью, изменчивостью и фрагментацией общества.

Если признать неопределенность социальных границ в Российской империи, тогда славянофильское видение социального порядка Московской Руси и народнический тезис о «едином народе» становятся яснее³⁴. Вера И.С.Аксакова в органичное, гармоничное единство общества остается своеобразной чертой его характера. Несмотря на то что вряд ли правильно уравнивать отсутствие жестких социальных границ с отсутствием социальных конфликтов³⁵, можно видеть, что славянофильское историческое понимание, помимо простой тоски по идеализированному прошлому, имело некоторую основу. Народническое понимание единого сословия тружеников было, вероятно, ближе к цели; конечно, необходимо учитывать и то, что их успех на выборах в Учредительное собрание 1917 г. говорит о понимании ими русского общества. Хотя и славянофильское, и народническое понимание народа является слишком упрощенным для того, чтобы установить удовлетворительные границы анализа русского социального развития, они кажутся менее утопичными и более укорененными в реальностях русской жизни, если иметь в виду гибкость и неопределенность имперской социальной структуры.

В таком случае, не было той архаической простоты крепостной системы, которую интеллектуалы вкладывали в свои представления о «народе», а скорее имелось отсутствие любой стабильной, ясно разграниченной социальной структуры. Общество было слишком разнообразно, чтобы полемисты и теоретики в погоне за политическими целями могли целиком принять во внимание неопределенную социальную реальность. Таким образом, идея непреодолимых социальных и культурных барьеров, отделяющих образованную элиту от простых людей, усиливала представление об интеллигенции как об отдельном общественном слое. Неспособность установить действенные связи была, по существу, невозможностью преодолеть социальную фрагментацию, которая являлась традиционной чертой русского общества и никоим образом не ограничивала отношения между европеизированными культурными элитами и простым народом. Как только образованные элиты становились более активными и профессиональными и как только сфера их деятельности выходила за рамки государственной службы, они острее начинали осознавать свое отношение ко всему обществу и с болью понимать свою изоляцию от народа и друг от друга. Социальная фрагментация, а не культурное западничество, являлись корнями этой изоляции и чувства отчуждения, которые она породила.

Исследователи интеллигенции неизменно определяют социальное отчуждение как одну из бросающихся в глаза черт данной группы. Интересно, однако, что не только люди 40-х годов XIX в. не были интегрированы в общественную элиту на условиях неформального положения и формальных привилегий, но и так называемые разночинцы 60-х годов того же века – пока еще в большинстве случаев не столь известные, как Чернышевский, – по крайней мере, имели очень многообещающие перспективы на военной и гражданской службе. В таком случае, они не были отчуждены в том смысле, что общество отвергало их, но скорее по своему собственному выбору могли не принимать общепринятые социальные нормы. Отчуждение, провозглашенное самой интеллигенцией, и ее приверженность к налаживанию связей с народом, таким образом, наводит на мысль, что в дополнение к политической дефиниции Мюллера, можно также рассмотреть понятие интеллигенции в рамках поиска действенных социальных уз. Именно неудачи в создании стабильных связей помогают объяснить растущий радикализм и волюнтаризм образованной публики в поздний имперский период³⁶.

«Отсутствовал» ли в России средний класс?

Историки России решают вопрос о среднем классе различными путями, как правило, с учетом опыта Западной Европы³⁷. Поэтому средние слои общества выступают как «потерянная буржуазия» – потерянная и экономически, и политически, как мертворожденное порождение государства или как новое сознательное гражданское общество, включающее интеллигенцию, профессионалов и политизированный предпринимательский класс. Следуя типологии Макса Вебера Запад–Восток, Ватро Мурвар относит феномен «потерянной буржуазии» за счет полного отсутствия классов в русском обществе и за счет «вотчинной власти монарха»³⁸. Мурвар справедливо подчеркивает отсутствие социальных структур и институтов, которые могли бы бросить вызов власти правителя, но, кроме того, он предполагает, что слабость общества автоматически переводилась в сильную монархическую власть. Ясно, что Россия – вовсе не такой случай³⁹; пределы государственной власти были очень реальны, так что, для того чтобы объяснить слабость общества, следует посмотреть за пределы «вотчинной власти».

Альфред Рибер указывает на различные причины того факта, что России не удалось развить национальную буржуазию⁴⁰. Он также обращает внимание на роль государства в определении социального устройства. Но там, где Мурвар видит отсутствие классов, Рибер отмечает жесткие социальные иерархии и традиционные кастовые черты общества, чтобы объяснить неспособность купеческой элиты, описанной как «хорошо определяемая социальная группа», преодолеть региональный, этнический и социально-экономический партикуляризм и консолидироваться как класс. Отмечая, что купечество потерпело неудачу в формировании стабильных связей в своей среде и с другими средними классами общества, Рибер склонен считать причиной отсутствия класса социальную фрагментированность. В дальнейшем он связывает фрагментацию скорее с гибкостью сословного принципа, а не с традиционной размытостью и подвижностью социальных границ.

Во втором подходе к проблеме средних классов внимание обращено на попытки правительства создать «среднее сословие» по модели центрально- и восточноевропейских соседей. Начиная с административных и социальных реформ Екатерины Великой, законодатели связывали социальные дефиниции с экономичес-

ким развитием, полагая, что, если правительство определило эффективную административно-социальную структуру, экономическое развитие должно в результате последовать само собой. Отсутствие жестких структур в обществе, конечно, сыграло некую роль в том, что благотворные результаты экономической инициативы и предпринимательства пропали втуне, хотя и то и другое в избытке имелось в имперской России. Более того, ограничения крепостного права и подчинение социально-экономических институтов фискальным нуждам государства подрывали безопасность и тем самым то развитие, которое, как предполагалось, официально созданные структуры должны были гарантировать. Таким образом, это различие между производственным развитием и фискальными требованиями государства – которое было явным в правовом определении разночинцев – также нашло свое выражение в реформах Екатерины Великой, в реформе гильдий 1824 г., и вновь – в городских реформах 1846–1870 гг. Парадоксальный результат этих усилий по созданию корпоративных структур одновременно с поддержкой приоритета фискальных интересов состоял в том, что создавались социальные категории, определяемые профессией, налоговыми обязательствами и правовыми привилегиями, которые имели больше общего с «податными классами», а не с юридическими сословиями. Другими словами, царская политика скорее создавала своими законами «общество—экономику» (*Wirtschaftsgesellschaft*), а не определяла «среднее сословие» в социальном смысле⁴¹.

Очевидно, что проблема русской «потерянной буржуазии» является серьезной темой для исследования, которая находится вне пределов данной работы. Все же важно рассмотреть несколько конкретных концепций «среднего сословия» для того, чтобы понять, что феномен разночинцев говорит нам о средних слоях общества. Хотя русские законодатели, несомненно, были осведомлены о европейском опыте, когда они разрабатывали политику в отношении «среднего сословия», применение европейских моделей развития для изучения русских средних социальных слоев не позволяет понять слишком много. То, что русские средние слои не смогли сыграть возложенную на них историческую роль основы для экономической модернизации и политической демократизации, не дает возможности судить о них как об искусственном творении государства или как о незрелой, инертной «потерянной буржуазии». Более того, такая неудача характеризует различные параметры и отличительные черты средних слоев русского общества.

Именно в правление Екатерины Великой законодатели сознательно начали формулировать широкую социальную структуру. Отвечая французским политическим теоретикам, таким, как Монтескье, который относил деспотизм и бедность России на счет отсутствия «третьего сословия», находившиеся у трона чиновники и интеллектуалы, включая саму императрицу, составляли проекты создания отсутствующего социального элемента⁴². Большинство наблюдателей, предпочитавших французскую модель, также относили заметное русское экономическое отставание на счет недостатка городского развития, проявившегося в отсутствии «третьего сословия». Воспринимая это сословие как «статичный правовой средний слой», который вклинился между дворянством и крестьянством, они связывали его с городскими ремеслами, искусствами, науками и торговлей; они также полагали, что его ряды могли бы пополняться подкидышами и выборочно освобожденными крестьянами⁴³. Государственные интересы в правовом оформлении «третьего сословия» были очевидны в Жалованной грамоте городам Екатерины Великой (1785 г.)⁴⁴, а позже – в Своде законов (1832 г.). Все же, в замысле и в законе, среднее сословие – как в действительности и любая другая социальная категория в имперской России – оставалось фрагментированным, текучим и внутренне раздробленным.

Наказ Екатерины Великой Уложенной комиссии (1767 г.) определял «средний род людей» как свободных лиц, которые упражняются в художествах, в науках, в мореплавании, в торговле и ремеслах, которые не являлись дворянами и не обрабатывали землю. По мнению императрицы, дворянское звание основывалось на законах добродетели, чести, служения, лояльности и любви к государству и монарху – в то время как членство в «среднем сословии» зависело от исправного поведения, прилежания и тяжелого труда. Соединяя функциональные, культурные и моральные характеристики, Екатерина также включала в «средний род людей» незнатных выпускников всех училищ и воспитательных домов вне зависимости от их формального положения, а также детей низшего чиновничества и приказных людей недворянского происхождения. Неудачность формулировки точного правового или социально-экономического определения «среднего рода людей» – проявившаяся уже в его описании методом исключения, как свободных лиц, которые не были ни дворянами, ни крестьянами, – стала полностью очевидной, когда Екатерина отмечала, что среди детей этих служащих и приказных людей «имелись различные степени привилегий»⁴⁵.

Более точное понимание различных категорий, включаемых в среднее сословие, появилось в «Проекте законов о правах среднего рода государственных жителей» (1769 г.)⁴⁶. В нем повторялись группы, имеющиеся в списке Екатерины, а также появились освобожденные и чужестранцы, которые были зарегистрированы как мещане, подкидыши и незаконнорожденные, воспитывавшиеся мещанами. Кроме того, состав среднего сословия делился на три подгруппы в соответствии с родом занятия. Первая – лица, упражняющиеся в науках и службах: белое духовенство, ученые, низшие чиновники, приказные служители, художники и технические специалисты. Вторая категория состояла из лиц торгующих: купцов, заводчиков и фабрикантов, держателей морских и речных судов и мореплавателей. И, наконец, третья подгруппа была широким определением для всех остальных лиц, легально занятых приличной для мещан работой: ремесленников, освобожденных и обширной категории «мещан просто и мещан-разночинцев», которая охватывала лиц, не занятых уже упомянутыми видами деятельности в городах. Ряд дополнительных возможностей подразумевал подмастерьев и штат слуг, разносчиков готовых продуктов, нецеховых мастеровых и купеческих слуг. В проекте старались включить в «средний род людей» широкий круг категорий свободных горожан, исключая только высшее духовенство, дворянство, военнотружущих и крестьян. В «Проекте законов...» не было единого среднего сословия с правовой, социальной и экономической точек зрения; вместо этого была градация различных классов и статусных групп, сильно дифференцированных, а также перекрывающих друг друга, которые формально были расположены между вышестоящим дворянством и церковной элитой, с одной стороны, а с другой, – непривилегированными сельскими категориями, которые стояли ниже.

Жалованная грамота городам (1785 г.) оформила уже очевидную в проекте 1769 г. фрагментацию⁴⁷. «Средний род людей», названный мещанами, соответствовал всем законно зарегистрированным городским жителям (городовым обывателям). В этой широкой классификации художники, ученые, некоторые богатые купцы и ряд избираемых городских служащих составляли отдельную подгруппу почетных граждан – подгруппу, которая олицетворяла установленное законодательством почетное положение. Купцы регистрировались в первой, второй или третьей гильдиях; ремесленники – в специальных цеховых организациях. Большинство городского населения принадлежало к обычным горожанам, которые также назывались мещанами, но закон все еще сохранял

традиционное наименование «посадские» для прочих жителей⁴⁸. «Среднее сословие» не имело связей, присущих социологическому единству, в него по закону входили дифференцированные подгруппы, которые занимались торговлей, производством, искусствами, науками и ремеслом; в России не было такого представления о гражданстве, основанном на праве наследования и территории, которое существовало в германских княжеских городах, что обеспечивало основу для идентичности более емкой группы⁴⁹. Хотя право наследования играло некую роль, «гражданство» понималось только как законная регистрация и местожительство. Несмотря на то что общины, возможно, старались не регистрировать новых лиц, «среднее сословие» в России оставалось самым открытым из формальных категорий в обществе, в котором социальные границы в целом были проницаемыми⁵⁰.

Русское «среднее сословие» содержало все культурные и социально-экономические компоненты европейских средних классов, но оно не имело институциональных структур, необходимых для того, чтобы преодолеть социальные отличия и фрагментацию. В рукописи, озаглавленной «Введение к Уложению государственных законов» (1809 г.), М.М.Сперанский открыто признал эту проблему, когда решил не принимать в расчет социально-экономические характеристики, а определить русскую социальную структуру прежде всего в политических понятиях⁵¹. Пытаясь соединить равенство гражданских прав с реформой крепостного права, которая определяла бы законом обязанности крестьян по отношению к их владельцам, Сперанский разделил русское общество на три класса, выделяя их по степени политической и гражданской свободы. Поместные крестьяне (третий класс, самая низшая степень свободы) не имели ни политических, ни гражданских прав. Купцы, мещане и поселяне (второй класс) обладали гражданской, но не политической свободой. Дворянство (первый класс) было наделено самой высшей степенью свободы, владея гражданскими, но вновь не политическими правами, хотя дворянство и разделяло власть над крепостными с самодержавием. Таким образом, по Сперанскому, «два только могут быть источника всех разделений [юридически определенных категорий]: права гражданские и политические»⁵².

Несмотря на то что в своем понятии «гражданских прав» Сперанский приблизился к пониманию широких социальных совокупностей, он, однако, выделил два вида гражданской свободы — личной и вещественной — и оставил нетронутыми традиционные различия в налогах и повинностях, правах собственности и дос-

тупе на государственную службу. Кроме того, он наметил два вида гражданских прав: права общие, которыми обладали все субъекты, прежде всего владеющие гражданской идентичностью, и права особенные, которые имели только некоторые социальные категории. Под «особенными гражданскими правами» он имел в виду освобождение от обязательной службы и право приобретать недвижимые населенные имения. Внутри этих рамок Сперанский определял три законных социальных состояния с различными правами: дворянство, людей «среднего состояния» и рабочий народ.

По концепции Сперанского, «среднее состояние» обладало общими, но не особыми гражданскими правами. Его члены несли службу, определяемую по их званиям и промыслам; как и у дворянства, их политические права зависели от владения собственностью. Они могли получить личное дворянство через службу, а получение потомственного дворянства требовало признания императором особых заслуг. Различия у Сперанского, более тонкие и со многими оттенками, на деле были очень близки к сырым, относительно неуклюжим формулировкам эпохи Екатерины, но с двумя фундаментальными отличиями. Возвращаясь к практике Петра, Сперанский делал потомственное дворянство зависимым от службы так, чтобы дети потомственных дворян считались личными дворянами, пока они не отслужили положенное число лет. Кроме того, дети личных дворян, традиционно называемые обер-офицерскими детьми и по закону числящиеся среди разночинцев, принадлежали к «среднему состоянию». Сперанский занял более оригинальную позицию в определении состава «среднего состояния». Он был единственным, кто не ограничивал его городским обществом, поэтому включал в него купцов, мещан, ремесленников, однодворцев и всех поселян, которые имели недвижимую собственность, что автоматически исключало крепостных. В случае с поместными крестьянами, мастеровыми, их работниками и домашними слугами, именно отсутствие собственности – в противоположность соответствующим занятиям и социально-экономической функции – отсылало их в класс рабочего народа⁵³.

Несмотря на то что самые новые предложения Сперанского не были внесены в закон, споры в Комитете 6 декабря 1826 г. показали влияние его идей на настоящую организацию общества. В первой версии своего «Проекта дополнительного закона о состояниях с принадлежащими к нему приложениями» Комитет определил четыре основных состояния: дворянское, духовенства, гражданства и крестьянское⁵⁴. В то время как данный проект не включил понимание Сперанским «среднего состояния», он дей-

ствительно определил состояние гражданства независимо от экономических прав, которые требовали членства в гильдиях или официального патента. Внутри городского населения было выделено четыре сословия по юридическим правам, налогообложению и служилым обязанностям, доступу к образованию и отличиям по службе: чиновные граждане, именитые граждане, почетные граждане и традиционные мещане. По этому проекту, высшее сословие городского населения было ближе всего к дворянству по образованию и образу жизни, в то время как низшие уровни городского общества, занятые торговлей и ручным трудом, сближались с крестьянами. Между этими двумя полюсами находились художники и ученые, которые способствовали просвещению, а также купцы, которые обогащали государство своей деятельностью. Предложенная реформа, таким образом, пыталась найти прочное место для формального положения составных частей различных категорий, находящихся между дворянством и крестьянством.

Комитет 6 декабря 1826 г. не использовал выражение «третье состояние» или что-либо подобное; его главные цели состояли в том, чтобы точно и ясно ограничить основные категории, составляющие русское общество, и установить соответствующие нормы и процедуры для контроля над изменениями в формальном положении, в частности, над аноблированием посредством службы. Так Комитет был обеспокоен тем, что не было соответствия между чином и должностью, а также той легкостью, с которой простолюдины получали дворянство, социально-экономическими отличиями и ненадежностью положения городских сословий. Комитет старался упразднить социальную мобильность и пытался установить контроль и надежные ограничения. Как и власти екатерининской эпохи, Комитет старался дать любой социальной категории, лицам, в нее входящим, «все необходимые средства для правильного и благоприятного использования сил и способностей, данных им Богом»⁵⁵. Встревоженные смешением социальных групп на всех уровнях общества, члены Комитета и Государственного совета при пересмотре проекта были настроены недоброжелательно по отношению к разночинцам, которые определялись как дети личных дворян, без сомнения, имеющих восходящую социальную мобильность⁵⁶. Правительственная позиция была прямо противоположной: ограничивая доступ в ряды дворянства, она только увеличила число личных дворян и разночинцев.

Возможности изменений в «среднем состоянии», которые предлагались в проектах Сперанского и Комитета 6 декабря 1826 г., до

освобождения 1861 г. не привели к фундаментальным социальным реформам. Несмотря на значительные по размеру и длительные по времени существования переходы между городскими и сельскими категориями, их формальное соединение в «средний род» не произошло даже в Своде законов 1832 г. Важно отметить, что законодатели избегали названия Сперанского «среднее состояние», вернувшись вместо него к екатерининскому «среднему роду». Как и Жалованная грамота городам, Свод законов уравнивал социальное состояние действительных городских «граждан» со «средним родом людей» и включал в его ряды гильдейское купечество (и местное, и иногородное, а также почетных граждан), мещан или посадских и ремесленников или цеховых⁵⁷. Широкие правовые рамки категорий оставались неизменными, несмотря на то что кодификация действительно обещала более эффективное внедрение юридических отличий. В то же самое время, внутри и вне широких формальных категорий, так тщательно конструируемых в течение XVIII в., умножение протопрофессиональных элементов и динамика неправовых и полуправовых социально-экономических отношений продолжали изменять юридические определения и нарушать социальные границы.

Четкая система профессионализации не выстроилась в России до 60-х годов XIX в., но создание элит с высшим и средним образованием и появление протопрофессиональных состояний было очевидным уже к концу XVIII в. Так как отсутствовали независимые цеховые структуры, возникновение профессиональных классов происходило, в первую очередь, благодаря тому, что государство направляло профессиональное обучение и специализацию. Феномен разночинцев был тесно связан с ростом ресурсов рабочей силы, благодаря чему создавались многочисленные кадры специалистов и профессиональные категории. Важно теперь рассмотреть, как проявляется категория разночинцев в процессах «профессионализации» и как эти процессы соотносились с глобальной структурой общества. История разночинцев говорит о том, что еще до появления земств и задолго до индустриального переворота 80-х–90-х годов XIX в. Россия имела опыт протопрофессиональной подготовки и профессиональной работы вне государственных институтов. Как это случалось во многих областях российской жизни, общественное развитие активно происходило вне формальных институтов и определений, со специализацией более значительной, чем признавалось официально.

Историки, изучающие профессионализацию в имперской России, обычно принимают за точку отсчета создание государствен-

ных школ для подготовки специалистов, необходимых для отдельных сфер военной и гражданской службы. Это позволяет им исследовать связь между традиционной государственной службой и развитием профессионального этоса, что придавало особое значение общественному служению. Ссылаясь на Академию наук, университеты и специальные военные школы, ученые также обычно характеризуют царскую политику в области образования как неустойчивую, ориентированную на элиту и не учитывающую интересов простого населения. Так, с их точки зрения, распространение образования затрагивало только небольшую культурную элиту, которая служила административным и военным потребностям государства. Очевидные достижения русского образования в самом деле кажутся сконцентрированными на вершине культурной пирамиды, по крайней мере, до конца XIX в., но смыслом государственной политики они очевидно не являлись. Действительно, только в правление Александра I, когда попытались создать общую систему приходских школ и уездных училищ, гимназий и университетов, правительство выделило значительные ресурсы на институты высшего образования, после чего элитарное образование стало развиваться быстрее и пользовалось большим вниманием, чем начальная школа. Разумеется, в течение XVIII в., гораздо больше, чем в правление Александра I и Николая I, создание государственных школ происходило, благодаря, прежде всего, особым административным, военным или экономическим потребностям; но чаще всего эти школы не являлись институтами, дающими высшее образование. Помимо этого, имела место активная деятельность, направленная на развитие специализированного обучения низшего уровня, что также обеспечивало базисное начальное образование⁵⁸.

Тесная связь между образованием и социальным развитием хорошо подтверждена документами. Как правило, считается, что во второй половине XIX в. распространение образования, вызванное потребностями административной, военной и экономической модернизации, способствовало снятию социальных барьеров и реструктуризации социальных идентичностей. В противоположность этому периоду, первая половина XIX в., и особенно правление Николая I, видится временем, когда сословный принцип проявлялся максимально полно, и образовательная политика непреклонно усиливала традиционные социальные границы⁵⁹. Нет сомнений в том, что, как и их предшественники XVIII в., дореформенные законодатели пытались организовать образовательные институты в соответствии с особыми потребностями и функ-

циями четко определяемых социальных категорий⁶⁰. Совсем другое дело – способность это осуществить. Так, еще в 1837 г. в государственных школах, и особенно в частных, дети низших слоев горожан, крестьяне и даже крепостные продолжали изучать «высокую филологию» в нарушение законов, ограничивающих их образование техническими предметами⁶¹.

Уже о первой половине XIX в. следует спросить, действительно ли распространение образования, социальное разнообразие состава учащихся и увеличение числа специальных училищ подрывало социальные границы или модели развития учебных заведений отражали существующие черты русского общества. Другими словами, изменяло ли образование общество? Или само общество, в частности его фрагментированность, задает форму образовательным институтам, видоизменяя политику в момент реализации? История категории разночинцев, когда она рассматривается с учетом ее возможных широчайших связей с обществом, подтверждает последнее объяснение – объяснение, которое также было высказано рядом высокопоставленных чиновников. Распоряжение 1828 г., регулирующее начальные и средние училища, подчиненные Санкт-Петербургскому, Московскому, Харьковскому и Казанскому университетам, определяли специальные учебные заведения и учебные планы в зависимости от социальных категорий, однако уже с самого начала законодатели признавали соответствие между учебным планом и социальным происхождением как «важнейшее, но не исключительное назначение образовательных учреждений».

Министр просвещения князь К.А. Ливен точно описал невозможность проведения в жизнь подобных «сословных барьеров» в русской образовательной системе: «В государствах, где состояния строго отделены одно от другого; где переход из одного в другое, наипаче из среднего в дворянское, чрезвычайно труден, и очень редко когда бывает, что тому или другому предоставляется дворянство только за долговременные и весьма отличные заслуги – в таких... государствах очень легко завести такой порядок [т.е. организовать образование соответственно состоянию учащихся]. Но в Российском государстве, где нет среднего или гражданского состояния, где одно только купеческое сословие некоторым образом представляет оное [состояние], где ремесленник по всем отношениям равен земледельцу и всегда почти больше развращен, где достаточный крестьянин во всякое время может сделаться купцом, а часто бывает и тем и другим вместе, где линия дворянского сословия столь необозримое имеет

протяжение, что одним концом касается до подножия престола, а другим почти в крестьянстве теряется, где ежегодно многие [лица] из гражданского и крестьянского сословий, через получение военного или гражданского офицерского чина, поступают в дворянство, — в Российском государстве такое устройство училищ затруднительно»⁶².

Соглашаясь с тем, что власти, которые пытались ограничить аноблирование, возможно, преувеличивали реальные перспективы социальной мобильности, важно отметить, что министр просвещения рассматривал социальное разнообразие состава учащихся русских училищ как результат, но не причину неопределенных социальных границ. Из тех черт, которые отличали Россию от других, прежде всего европейских государств, важнее была не жесткость, а подвижность социальных границ.

Невзирая на место и время, развитие образования было тесно связано с возникновением профессиональных классов. В России, где образование часто приводило к изменению формального статуса, исключение лиц из податных социальных категорий создавало целый ряд групп различнейших протопрофессионалов⁶³. Дети личных дворян, канцелярские служители и их дети, выпускники государственных школ, которые имели возможность получить чин или даже дворянство, но предпочитали не служить, — все оказывались среди различнейших подгрупп, определяемых службой и формальным образованием. Официальные протопрофессиональные звания — такие, как учитель, художник и зубной техник — давали людям новый правовой статус, работали они или не работали на государство⁶⁴. К 60-м годам часть различнейцев, которые пренебрегли гражданской служебной карьерой, могли стать профессиональными писателями и журналистами; другие находили работу как специалисты вне рамок официально признаваемых степеней и дипломов.

В имперской России традиционно свободные профессии или «великие частные профессии», связанные с правом, управлением и университетским преподаванием, никогда полностью не развернулись; они никогда не достигли должной независимости в своей «основной деятельности» или в контроле над правами для своих членов, чтобы считаться чем-то большим, чем «соискателями мест» или «полупрофессионалами»⁶⁵. Частично исключив юристов, которые организовались в профессиональные сообщества после 1864 г, но все равно отстранялись от участия в важнейших сферах юриспруденции, ни одна из традиционных или новых специальных профессий никогда не получила возможности конт-

ролировать свое образование, лицензирование, наем на работу и поведение (этику)⁶⁶. Согласно мнениям современных социологов, специальных знаний, группового сознания и профессиональных ожиданий недостаточно, чтобы получить профессиональный статус, так же, как и работа в бюрократическом аппарате — условие, которое было широко распространено в России — не имела первостепенного значения для наличия или отсутствия профессионального статуса. Более того, признание той или иной профессии зависело от общественного одобрения и «отношений между административной и профессиональной властями»⁶⁷. Степень социального признания является той темой, которую историки России должны еще изучить, но пока с уверенностью можно сказать, что политические и административные условия самодержавной власти в XIX в. не позволяли развиваться механизмам профессионального самоуправления.

Репрессии полиции, очевидно, играли запретительную роль, мешая общественным импульсам организоваться, хотя их точное воздействие трудно определить, когда изучаешь социальные и культурные определения⁶⁸. Социальная фрагментация в революционную эпоху, особенно последствия 1905, и вновь 1917 г., ясно обнажили слабость профессиональных объединений и идентичностей⁶⁹. Как и «женский вопрос» в поздний имперский период, который, как правило, был связан с более широкой проблемой социальной справедливости (с крестьянским или рабочим вопросами), профессиональная идентичность также была включена в концепцию и этос интеллигенции. При отсутствии независимых организаций «профессионализация» была сконцентрирована на идеале служения. Такие категории, как «третий элемент», общество (либеральное образованное общество) и общественность (общественное служение) отражали трудности в различии между честолюбивыми профессионалами и более широким понятием интеллигенции. Объединение профессионалов с интеллигенцией было в определенной степени оправданным; в борьбе за достижение профессионального статуса, особенно права следовать определенным ими самими служебным идеалам на основе профессиональных знаний, многие полупрофессионалы политизировались и радикализировались, таким образом вливаясь в ряды политически активной интеллигенции⁷⁰. Отсутствие институционализированных профессий ни в коем случае не свидетельствовало об отсутствии жизненной, профессионально ориентированной деятельности, но реально содействовало слабости «профессионального» единства⁷¹.

Из-за традиционного отсутствия социальных структур, необходимости социального признания и неопределенности социального положения первые шаги по направлению к профессионализации были сделаны только в 60-е годы XIX в. в виде процесса самоопределения, что проявилось в поиске организационных связей и средств самовыражения. В самом деле, именно неопределенность сословных определений и дезинтеграция в развитии общества и экономики затрудняет ученым отделять профессионалов от интеллигенции. Эта сложность может быть частично преодолена, если изучать и тех и других как социально-культурные понятия, определяемые ими самими, и помнить, что вследствие аморфности социальных границ, произвольные процессы самоопределения были характерны для всего русского общества. Произвольность самоопределения в сочетании с отсутствием жестких структур также содействовала тому, что высокообразованные экономические элиты были неспособны развить общественное мировоззрение. Кроме того, идентичности и профессиональные объединения, которые реально создавались из-за политических репрессий, редко становились институционализированными. Таким образом, интеллигенция и «потерянная буржуазия» оставались фрагментированными, а профессиональные классы так и не смогли объединиться в новое сознательное гражданское общество.

Признание отсутствия жесткой структуры в русском обществе дает возможность взглянуть по-новому на проблему средних классов. Благодаря этому историки могут констатировать наличие динамичной, независимой и предприимчивой «середины», объясняя позднее неэффективное политическое развитие буржуазии по западноевропейской модели. «Потерянная буржуазия» в России не была потеряна в результате непроницаемых социальных барьеров, отсутствия экономического развития и образования или жестоких политических репрессий. Она была потеряна потому, что русские историки все еще неспособны освободиться от западноевропейских определений средних классов, — определений, которые сформулированы в терминах социально-экономического статуса, политического либерализма, всеобщего образования и профессионализации. Если применить иные критерии и ограничить русские средние классы понятием самоопределения, особенно понятиями «независимого» или спонтанного создания идентичностей или общественного положения, исходя из публичной или социальной роли, тогда можно увидеть, что русские средние классы постоянно сохраняли свое присутствие на исторической арене и составляли гораздо более значительную социальную часть,

чем обычно думают. Идея разночинцев – идея, требующая широкого спектра значений и применений, – точно отражает природу русских средних классов. Как социально-культурная категория она и представляет, и объясняет неопределенность, изменчивость форм среднего класса в разнообразных контекстах.

Как и русское общество в целом, средние классы были фрагментированы и размыты. Интеллигенция, которая иногда изображается как «замена» среднего класса, может быть включена в их ряды вместе с целым рядом предприимчивых и образованных социальных типов (протопрофессионалы, полупрофессионалы, профессионалы, гражданские служащие, независимые мастерские и поселяне). Неопределенная структура русского общества объясняет и то, что дворянство XVIII в. не смогло ограничить самодержавие, и то, что в поздний имперский период образованные элиты не смогли объединиться в гражданское общество, и даже преобладающий историографический взгляд на русское общество как на послушный инструмент в руках активно действующего правительства, – взгляд, разделяемый современными интеллектуалами и властями. Следовательно, отсутствие структур объясняет медленное формирование современного общества, которое определяется в терминах экономического развития, профессиональной специализации и профессионализации. Напрасная трата человеческих ресурсов в области профессиональных навыков и специальных знаний соответствовала напрасной трате экономических ресурсов среди потенциальных инвесторов и предпринимателей. За пределами расточаемых ресурсов продолжающееся отсутствие жестких структур усиливало традиционную неопределенность социального положения и тем самым еще больше политизировало и фрагментировало новые модели объединений, которые возникали благодаря индустриализации и профессионализации. Именно эти политизация и фрагментация, углубляемые полицейскими репрессиями, сделали социально-экономическую трансформацию России столь жестокой и революционной⁷².

Поиск социальных связей являлся центральным вопросом для понимания надклассовости и надсословности интеллигенции и либеральной образованной публики, включенных в понятия «общество» и «общественность», которые стоят выше интересов любой отдельной социальной группы и противостоят самодержавию⁷³. В 1846 г. Белинский говорил, что у нас есть «потребность общества и стремление к обществу»⁷⁴. Его призыв преодолеть разделе-

ние сословных субкультур и «дух разъединения» свидетельствует не о жестких социальных барьерах, а о поиске социальных и духовных связей в исключительно фрагментированном обществе. Точно так же, когда ученые, изучающие историю профессионалов в поздней имперской России, говорят о «поиске социальной идентичности», они косвенно поднимают вопрос о социальной фрагментации и ее центральной роли в революционном кризисе начала двадцатого века⁷⁵. Но они рассматривают фрагментацию как недавно появившийся феномен и видят в «поисках» новых идентичностей возникновение гражданского общества. В действительности же фрагментированность была одной из самых традиционных черт русского общества. «Современное» понимание гражданского общества, не менее чем «традиционное» понимание интеллигенции, базировалось на том же самом отсутствии стабильных структур, что порождало потребность создавать социальные связи. Понятие интеллигенции и гражданского общества, таким образом, представляли усилия образованных элит создать связи вне семьи, соседства или прихода⁷⁶. Вне зависимости от того, как этот поиск общественной идентичности, а также процесс самоопределения, который был с ним связан, озвучивался, — или в виде интеллигенции, или профессиональной независимости, или гражданского общества, — традиционная социальная фрагментация легко заявляла о себе вновь и вновь в революционных ситуациях начала XX в.

Социальный раскол революционной эпохи был не только проявлением кризиса — он был его глубинной причиной. Бесспорно, фрагментация общества объясняет множество образов интеллигенции и неудачу профессионалов конституировать себя как гражданское общество. Бесклассовое или надклассовое общество — в интеллигентском, самодержавном или советском социалистическом обличье — казалось достижимым именно потому, что социальные границы были размытыми и изменяемыми. Как идея интеллигенции и гражданского общества, так и понятие надклассового самодержавия и призыв к революционным социалистическим преобразованиям отражали поиск источников единства и стабильности структуры — все, что было так сложно найти и в традиционной, и новой России периода индустриализации. В течение имперского периода неопределенные структуры в обществе поддерживали изменчивые модели социального и культурного самоопределения. Именно в этом контексте самоопределения лучше всего объяснимы утопизм и волюнтаризм государства и общества⁷⁷.

В своем анализе революционной ситуации в начале XX в. Леопольд Хеймсон определяет интеллигенцию как «коллективное представление», принимаемое некоторыми членами образованной элиты, которая в свою очередь формулировала дополнительные представления об идентичности для групп в обществе. Эти представления затем играли большую роль в создании моделей политического поведения, так как социальные группы хотели использовать идентичности, которые были для них значимыми⁷⁸. Профессор Хеймсон объясняет эти изменчивые и подвижные социальные идентичности – которые внесли значительный вклад в дезинтеграцию общества и в острый социальный конфликт – растущим несоответствием между правовым положением и социально-экономическими реальностями, вызванными модернизацией России в эпоху после отмены крепостного права. История разночинцев говорит о том, что изменчивые социальные идентичности относились к традиционному способу самоопределения, который не был ограничен ни приятием представлений, выработанных интеллигенцией, ни отказом от них. История разночинцев показывает, что подвижные социальные идентичности принадлежали к традиционной схеме самоопределения, не ограниченной ни принятием, ни отрицанием навязываемых интеллигенцией представлений. Более того, неопределенность меняющихся социальных идентичностей, несомненно усиленная индустриальным капиталистическим развитием в городах, была не столько результатом такого развития, сколько причиной того, что Россия не смогла пройти модернизацию без полного распада в процессе революционного переворота.

3 *Заключение*

В течение более чем полутора веков возникали вновь и, существуя, развивались определения категории разночинцев. Если верить письменным источникам, — а в них нельзя быть абсолютно уверенным, когда говоришь о языке, — то правовые определения обычно предшествовали неофициальным; по крайней мере, правовое и неофициальное употребления были близки друг другу. Несомненно, что в период после отмены крепостного права радикальные журналисты и революционеры превратили разночинца в социально-политический тип — модель, которая повторяла развитие политического представления об интеллигенции и процессы наделения традиционных социальных терминов (таких, как «мещанство» и «общество») политико-культурным смыслом. Несмотря на это, даже такое идеологическое применение можно было бы считать производным от более ранних официальных определений. В 1911 г. марксистский теоретик Плеханов все еще мог использовать категорию разночинцев не в идеологическом смысле, говоря об образованном простолюдине, журналисте и патриоте М.П.Погодине, который вовсе не был на передней линии либерального движения. По мнению Плеханова, только с пришествием Чернышевского и Добролюбова разночинцы как образованные простолюдины неизбежно становятся прогрессивными¹. И действительно, не существовало неофициального определения разночинцев, которое не имело бы соответствующего или предшествующего административно-правового применения. Даже в том случае, если не удастся определить точную хронологию каждого употребления, не вызывает споров утверждение, что между ними существовали развивающиеся и взаимосвязанные отношения.

Самые ранние письменные определения разночинцев были правовыми, впрочем, неофициальное использование сразу же следовало за ними. Начиная с правления Петра Великого, законодательство употребляло это название или как самый широкий термин, или для обозначения статуса чужака; эти значения перекрывались, изменялись и развивались в течение всего имперско-

го периода, появлялись вновь и в официальных, и в неофициальных источниках. Первое несомненно правовое упоминание (1718 г.) определяло разночинцев по принципу исключения – как низший слой, который не принадлежит ни к крестьянству, ни к городской податной общине. Примерно в то же время Иван Посошков использовал данное понятие, чтобы определить некупеческие группы, которые вовлечены в городскую торговлю и которые, по его мнению, должны быть исключены из этого рода занятий. В двух этих примерах разночинцы определялись негативно как чужаки, которые восходили к ряду податных и неподатных сословий. Развитие такого использования, с точки зрения хронологии, не совсем понятно; так как правовые и неофициальные применения были очень близки по времени и значению, их следует рассматривать как смежные.

Как самый широкий правовой термин категория разночинцев упоминается в правление Петра Великого, когда к нему были отнесены низшие служилые категории Московской и имперской России. Следуя правовому прецеденту, авторы городских наказов Уложенной комиссии 1767 г. также употребляли данную категорию как широкое понятие для низших служилых категорий; в законодательстве XIX в. и в Своде Законов термин «разночинцы» продолжал указывать на канцелярских служащих вне «Табели о рангах»². Понимание разночинцев как низших сословий, которое проявилось в правовых источниках начала XVIII в., приобрело новое значение к середине XIX в., когда официальные и литературные источники использовали этот термин как общее обозначение для низших городских категорий. Именно поэтому можно определить правовые истоки неофициального понимания разночинцев как низших служащих («старых служб служилые люди»), а позже – как бесформенные и разнообразные городские массы.

Понимание разночинцев по принципу исключения как чужаков к 1746 г. приобрело новое правовое измерение: разночинцы как простолюдины. Это широкое применение сохранялось и после изменений 1755 г., когда в указе о создании Московского университета студенты недворянского происхождения были отнесены к разночинцам. Это стало началом нового понимания разночинцев как поднимающихся вверх по социальной лестнице образованных простолюдинов, которое бытовало среди населения, а также в сфере образования и в статистике XIX в. Даже используемое чисто описательно или в административных целях, такое определение разночинцев (как простолюдинов) оставалось негативным. Начиная с Уложенной комиссии (1767 г.), где преобладали раз-

ные определения разночинцев как чужаков, это слово чаще указывало на людей, не принадлежащих к купечеству или к посаду, но также применялось, по случаю, и к простолюдинам, и даже к новому служилому дворянству. В жизненной практике и в художественной литературе XIX в. дворяне использовали данное понятие в унижительном смысле, чтобы охарактеризовать поднявшихся вверх по социальной лестнице образованных простолюдинов, в которых они видели социальных выскочек и лиц, стоящих ниже их по своему положению. Власти также относили разночинцев к выскочкам, которые легально и нелегально пересекали социальные и общинные границы. Широко распространенное уничижительное использование соответствовало правовому определению разночинцев как лиц, которые не были членами данной общины или категории.

Литература и публицистика XIX в. представляла разночинцев как восходящих по социальной лестнице простолюдинов с целым набором личных черт и моральных качеств. Во второй четверти этого века – развитие самосознания оппозиционных групп в образованном обществе породило позитивные образы, которые подразумевали преднамеренный набор ценностей. Вначале разночинцы предстали как члены либерального, социально смешанного культурного круга лиц с прогрессивным образованием; этот образ предвосхитил последующее, более прямолинейное изображение разночинца как символа «правильных» воззрений. Созданный радикальными публицистами и революционерами образ разночинца как положительного героя также обычно представлял образованного простолюдина, хотя Александр Герцен и Николай Огарев могли включать в данную категорию радикальную дворянскую молодежь 60-х годов XIX в., а марксистский теоретик Г.В. Плеханов мог описывать социалиста аристократа Герцена как разночинца по своим убеждениям. Очевидно, что в таком контексте акцент делался не на социальном происхождении, а на политических ценностях, позиции и поведении.

Социологическое значение категории разночинцев как демократической интеллигенции 60-х годов, которое явилось причиной больших недоразумений в соответствующих историях революционного движения, было поздним (1874 г.) и шло от правовых и неофициальных источников. Вовсе не случайно, что либералы и радикалы взяли термин «разночинцы», который в его самых широких смыслах относился в разных контекстах к чужакам, и применяли его к особым личностям, которые стремились отмежеваться от бюрократического аппарата, выбрав себе оппозиционную об-

ественную роль³. Принимая во внимание слабость независимых структур и организаций в имперской России, также не был случайным и тот факт, что элита с высшим и средним образованием использовала язык, чтобы создать социальные идентичности, трансформируя традиционную социальную терминологию в политико-культурные категории. Переосмысляя эти категории, элиты определяли себя как социально-культурное единство в том обществе, где социальные определения всегда были неопределенными.

Хронологическое развитие категории разночинцев ясно показывает отсутствие отдельных временных стадий в ее значениях. Хотя можно считать появление новых определений за особые зачатки на этой временной прямой, дополнительные параметры все же не изменяли или не замещали уже существующих. За исключением потомственных разночинцев, мелких служащих и низших городских сословий, определение данной категории в целом предполагало статус чужака: формально это означало, что человек не является членом какой-либо категории или общины. Неформально в XVIII в. понятие «чужак» употреблялось по отношению к лицам, которые не принадлежали к купечеству; в XIX в. — к незнатным и образованным простолюдинам. В этом последнем примере разночинец выглядел как чужак, как социальный выскочка, культурный маргинал или положительный политический герой. Ни в законах, ни в административной практике, ни в общественном мнении не было понимания разночинцев как объективной категории чужаков. В большинстве случаев это было слово, применяемое по отношению к особым подгруппам извне, а не наименование, которое разночинцы применяли сами к себе. Только среди радикальных писателей в период после отмены крепостного права переосмысленное значение разночинцев приобрело вес в оппозиционных кругах и стало четко связываться с прогрессивными воззрениями. Чужак как исключение — стал чужаком по собственному выбору, а язык царских законов — стал языком социально-культурной идентичности.

Данное исследование предполагает, что категория разночинцев, будучи сформулирована в различных правовых, социальных и культурных контекстах, отражала общие черты общества Российской империи. Особые интерпретации разночинцев неизменно вызывают необходимость объяснения тесно связанных с этим широких исторических проблем. Соответственно, частное понимание явления разночинцев может изменить анализ более общих проблем только тем, что налагает ограничения на альтернативные определения, и особенно на те методы, с помощью которых

эти определения искажают существующую историографию. Убеждая историков признать и принять «беллетристическую сторону» и «литературную основу» исторического исследования, Хайден Уайт замечает, что «исторический нарратив не изображает те вещи, на которые он указывает; он вызывает в голове образ вещей, на которые указывает, точно так же, как это делает метафора». По этим причинам «история никогда не может быть прочитана как недвусмысленные знаки событий, о которых они сообщают, но скорее как символические структуры, растянутые метафоры, которые «уподобляют» рассказываемые события в той же самой форме, с которой мы уже хорошо знакомы по нашей литературе»⁴. Данное исследование, таким образом, представляет один из образов русского общества, полученный с помощью образа категории разночинцев, который в свою очередь основывается на различных документальных образах, содержащихся в правовых, административных, литературных, публицистических и мемуарных источниках. Ясно, что многогранное понимание разночинцев дает поразительное свидетельство «метафорического уровня исторического дискурса».

Центральная тема этой книги — отсутствие в русском обществе структуры, порождавшее в нем произвольные самоопределения, правительственный произвол, а также делавшее возможным воссоздание социальных категорий как политико-культурных концептов и трансформировавшее социокультурные конструкции в социологические факты. Историческая эволюция категории разночинцев отражает эту модель, начиная с правовых определений начала XVIII в., продолжая общественным представлением о разночинцах как о чужаках и образованных простолюдинах и завершая применением данной категории к радикальной демократической интеллигенции 60-х годов XIX в. Гораздо шире отсутствие структуры обнаруживалось в изменчивости и неопределенности социального положения, в неясной и непостоянной терминологии, в множественности юридически определенных социальных категорий, в несоответствии между правовыми определениями и социально-экономическими реалиями и в спорах по поводу формальной регистрации в отдельной общине или категории. Если принять гибкость за одну из основных черт русского общества, станет возможно или иначе понять, или более полно объяснить важные модели исторического развития.

Социальная структура представляет собой первое измерение русской истории, которое нуждается в пересмотре в свете феномена разночинцев. Неопределенность социальных категорий и отсутствие установленных корпораций порождали и предопределяли

неопределенность положения, которая не была ограничена лишь бедными и преследуемыми слоями общества. Претенденты на дворянство постоянно сталкивались с разочарованиями, а формально признанные дворяне знали, что их исключительные правовые привилегии, такие, как право владеть крепостными, фактически не являются исключительными. Крепостное право возможно и было основой русского социального и административного порядка, но границы крепостного состояния были слишком недетерминированы и динамичны, чтобы определить каким-либо предсказуемым образом структуру отношений во всем обществе. Как писал Джон Стюарт Милль в своем знаменитом эссе о Сэмюэле Тейлоре Колеридже: «Все ученые, занимающиеся человеком и обществом, которые владеют тем, что в первую очередь необходимо для такого сложного исследования, т.е. необходимым пониманием его трудностей, знают, что окружающие опасности не столь велики, как принятие лжи за правду, неправильно понятой части правды за целое»⁵.

Неопределенность также порождалась и тем, что природа социальных категорий имела множество измерений. В имперской России не было последовательного метода определения социальных групп. Дворянство определяло звание, чин, формальная социальная категория (состояние) и социальная группа (сословие). Точно так же любой человек мог занимать множество формальных положений: крепостной мог быть дипломированным художником, крестьянин мог быть зарегистрирован как купец, а разночинец, будучи чужаком, мог принадлежать почти ко всем социальным категориям. Несомненно, что правительство предпринимало усилия для систематизации социального порядка, тем не менее его собственная налоговая политика, служебные нужды и образовательные цели постоянно создавали новые определения и категории, наряду с тем, что постоянно воссоздавались уже существующие. Кроме неопределенностей официальных границ, имелись неофициальные самоопределения (правовые и культурные) и спонтанное экономическое развитие. Как ясно свидетельствует понятие «разночинцы», преобразование чинов Московского государства в имперские социальные категории никогда не было полностью завершено. Имперская Россия не была обществом, состоящим из отдельных социальных слоев различных исторических эпох, налагаемых друг на друга. Это было общество, в котором отсутствие настоящих структур, а не жесткость традиционных, было тормозом в направлении развития современной индустриальной системы, в котором растрчивались неэффективно и материальные, и

человеческие ресурсы. Подвижное, мозаичное, стихийное русское «общество» определило постоянное напряжение сил просвещенных правителей, чиновничества и интеллектуалов при создании системы, симметрии и структуры.

Раз историки осознали эту недетерминированную структуру, конкретные проблемы истории общества и культуры XIX в. стали яснее. Развитие русской культурной элиты, которая буквально ворвалась в политическую жизнь 60-х годов того же века, рождение идеи интеллигенции, «потерянная буржуазия», отсутствие в полной мере сложившихся свободных профессиональных сообществ и неудачная консолидация образованной публики в гражданское общество – все эти феномены кажутся не столь удивительными, если рассматривать их с точки зрения широкого контекста традиционной фрагментации русского общества. Помимо этого, славянофильское понимание допетровской социальной гармонии, народнический тезис об «одиноким человеке» и социальные, политические и культурные концепции «общества», «разночинцев», «интеллигенции», «общественности» и «надклассовости» (бесклассовость в смысле надклассовости или правительства, стоящего над классовыми интересами) – все это представляло собой попытки сконструировать идентичности, общественные структуры и даже социальные организмы в обществе с подвижными, размытыми и неопределенными границами⁶.

Оторванность от жизни и утопические идеи русских реформаторов и революционных правителей – от Петра Великого, Екатерины Великой и Александра II Великого вплоть до Ленина и Сталина, правителей, которые поддерживались значительной частью элиты с высшим и средним образованием, – определялись не пассивностью, а аморфностью общества. Именно эта аморфность позволила и сделала возможным правовое самоопределение, создание более широких социокультурных идентичностей и, в конечном счете, исключительно оторванную от жизни веру в идеологически сконструированное новое общество, состоящее из новых человеческих существ. Так как более объективные правовые и экономические черты сословий были столь различны и изменчивы, культура, определяемая как жизненный стиль, религия, духовные ценности и идеи, в действительности стала неотделима от социальной идентичности, по крайней мере, среди образованных слоев общества. Точно так же самоопределение (или самостоятельное определение себя в обществе) представляло собой не только возможность приспособления, но и сопротивление преобладающим структурам власти.

Имеются существенные данные, подтверждающие, что общественная фрагментация существовала прежде всего в рамках правительственной политики и формальных социальных категорий. В противоположность этому, на приходском уровне и с точки зрения церкви, общество было интегрированным и единым. Единство также проявляло себя в спонтанном производственном развитии, которое так часто приводило к нарушениям правовых границ. Отсутствие стабильных социальных структур вне прихода, соседства и местных общин предполагает, что, выходя за пределы административных рамок, общество становилось фрагментированным, ибо для отдельных людей и самосознания общин и социальная интеграция, и фрагментация формальных институтов были в равной степени действенными. В одном исследовании вряд ли возможно полностью изучить подвижность русского общества. Именно поэтому для историков важно размышлять в понятиях множественности, пересечения и конкуренции социальных рамок, — рамок, которые необязательно имели ясное правовое и социально-экономическое определение. С учетом такой перспективы создание общественных границ можно распознать в точках соприкосновения сдвигающихся линий, где многочисленные правовые, социально-экономические и культурные группы и подгруппы встречались и расходились. Их соприкосновение, очевидно, было решающим в проведении границ между этими категориями, поэтому так необходимо отличать правовые и административные, социально-экономические и культурные определения⁷.

Примечания

Глава 1

¹ Ключевский В.О. *История сословий в России*. Собр. соч.: В 9 т. М., 1989. Т. 6.

² Gregory L. Freeze. *The Soslovie (Estate) Paradigm in Russian History* // AHR. 1986. 91. P. 11–36.

³ В.В. Виноградов проследил возникновение слова «сословие» в церковном литературном языке XIV–XV вв. Виноградов В.В. *Возникновение и развитие слова «сословие»* // Этимология. 1966. М., 1968. С. 133–137.

⁴ Marc Raeff. *The Well-Ordered Police-State: Social and Institutional Change through Law in the Germanies and Russia, 1600–1800*. New Haven, 1983; Christoph Schmidt, *Über die Bezeichnung der Stände (sostojanie–soslovie) in Russland seit dem 18. Jahrhundert* // JGO 1990. 38. P. 199–211.

⁵ Richard Pipes. *Russia under the Old Regime*. New York, 1974.

⁶ Leopold H. Haimson. *Civil War and the Problem of Social Identities in Early Twentieth-Century Russia* // Diana P. Koenker, William G. Rosenberg, and Ronald Grigor Suny, eds., *Party, State, and Society in the Russian Civil War: Explorations in Social History*. Bloomington, Ind., 1989. P. 24–47.

⁷ Alfred J. Rieber. *Merchants and Entrepreneurs in Imperial Russia*. N.C.: Chapel Hill, 1982.

⁸ Edith W. Clowes, Samuel D. Kassow, and James L. West, eds. *Between Tsar and People: Educated Society and the Quest for Public Identity in the Late Imperial Russia*. Princeton, 1991.

⁹ По поводу последней трактовки см.: Michael Confino. *Servage russe, esclavage américain (Note critique)* // *Annales Économies, Sociétés, Civilisation*. 1990. 45. P. 1119–1141 (см. гл. 4).

¹⁰ Raeff M. *The Well-Ordered Police State; Hans-Joachim Torke. Die Staatsbedingte Gesellschaft im Moskauer Reich: Zar and Zemlja in der altrussischen Herrschaftsverfassung 1613–1789*. Leiden, 1974.

¹¹ Марк Раев говорит об этом в кн.: *Origin of the Russian Intelligentsia: The Eighteenth-Century Nobility*. New York, 1966, а также: Michael Confino. *Domaines et seigneurs en Russie vers la fin du XVIII siècle*. Paris, 1963; idem, *Société et mentalités collectives en Russie sous l'ancien régime*. Paris, 1991.

¹² О построении утопии в ранний советский период см.: Richard Stites. *Revolutionary Dreams: Utopian Vision and Experimental Life in the Russian Revolution*. New York, 1989.

¹³ Christopher Becker. *Raznochintsy // The Development of the Word and of the Concept // SR 18. 1956. P. 63–74.*

¹⁴ Вульфсон Г.Н. *Понятие «разночинец» в XVIII – первой половине XIX века // Очерки истории народов Поволжья и Приуралья. Вып. 1. Казань, 1967. С. 107–124.*

¹⁵ Точно такой же подход у М.М. Штранге, который расширяет понятие «демократическая интеллигенция», включая в него не только революционеров, но также и часть образованной элиты недворянского происхождения, см.: Штранге М.М. *Демократическая интеллигенция России в XVIII в. М., 1965.*

¹⁶ Сидорова И.В. *Положение разночинцев в русском обществе (XVIII – первая половина XIX в.).* Канд. дисс. Казань, 1982 и автореферат канд. дисс., также *Кто такие разночинцы? / Полемика в литературе; также Отражение нужд разночинцев в городских наказах 1767 года // Вопросы отечественной, зарубежной истории, литературоведения и языкознания. Ч. 1. Казань, 1981. С. 24–33 и 33–40.*

¹⁷ Чтобы получить достаточно исчерпывающий список монографий, которые косвенно затрагивают проблему разночинцев, читатели могут обратиться к нашей библиографии.

¹⁸ Трактовку литературных источников см.: Albert Kaspin. *Ostrovsky and the Raznochinites in His Plays.* Ph.D. diss. Berkeley: University California, 1957.

¹⁹ Elise Kimerling Wirtschafter. *From Serf to Russian Soldier.* Princeton, 1990. С. 32–40; idem, *Social Misfits: Veterans and Soldiers' Families in Servile Russia // The Journal of Military History.* July, 1995, также *Материалы для географии и статистики России: Смоленская губерния.* СПб., 1862. С. 157–161. Литературное описание см.: Свяченко. *Хроника жизни солдатского сына Дмитрия Журбы // Современник.* 110. 1865. № 9 сентябрь. С. 33–113; 1865. № 10 октябрь. С. 283–361.

²⁰ Троицкий С.М. *Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в.: Формирование бюрократии.* М., 1974; Зайончковский П.А. *Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в.* М., 1978, также Walter M. Pintner. *The Evolution of Civil Officialdom, 1755–1855 // Walter McKenzie Pintner and Don Karl Rowney, eds. Russian Officialdom: The Bureaucratization of Russian Society from the Seventeenth to the Twentieth Century.* Chapel Hill, N.C., 1980. P. 190–226; idem, *Civil Officialdom and the Nobility in the 1850s* в ibid. P. 227–249; idem, *The Russian Higher Civil Service on the Eve of the Great Reforms // Journal of Social History.* Spring 1975. P. 55–68; idem *The Social Characteristics of the Early Nineteenth-Century Russian Bureaucracy.* SR 29. 1970. P. 429–443; Helji Aulik Bennett, *Chiny, Ordeny, and Officialdom // Pintner and Rowney, eds., Russian Officialdom.* P. 162–189; idem, *Evolution of the Meanings of Chin: An Introduction to the Russian Institution of Rank Ordering and Niche Assignment from the Time of Peter the Great's Table of Ranks to the Russian Revolution // California Slavic Studies.* 10. 1977. P. 1–43; idem, *The Chin System and the Raznochintsy in the Government of Alexander III, 1881–1894.* Ph.D. diss. University of California, Berkeley, 1971, Hans-Joachim Torke, *Das russische Beamtenum in der ersten Hälfte des 19 Jahrhunderts // FOG 13.* 1967. P. 7–345, особенно P. 101–132.

²¹ Шепелев Л.Е. *Отмененные историей – чины, звания и титулы в Российской империи*. Л., 1977. С. 25–33, также Зайончковский П.А. *Правительственный аппарат*. С. 26, 41–42, 137.

²² В то же самое время, когда правительство увеличило формальные образовательные требования, необходимые для успешной карьеры, оно также расширило доступ к образованию детям бедных мелких служащих. Harold A. McFarlin. *The Extension of the Imperial Russian Civil Service to the Lowest Office Workers: The Creation of the Chancery Clerkship, 1827–1833 // Russian History* 1. 1974. P. 1–17; idem, *Recruitment Norms for the Russian Civil Service in 1833: The Chancery Clerkship, Societas – A Review of Social History* 3. Winter 1973. P. 61–73; Pintner. *The Russian Higher Civil Service*, idem, *The Evolution of Civil Officialdom* и *Civil Officialdom and the Nobility* (см. ссылку 20).

²³ Владимирский-Буданов М. *Государство и народное образование в России XVIII в.* Ярославль, 1874. Т.1 (переиздано: Cambridge, 1972), также, Рождественский С.В. *Исторический обзор деятельности министерства народного просвещения, 1802–1902*. СПб., 1902, также, Ben Eklof. *Russian Peasant Schools: Officialdom, Village Culture, and Popular Pedagogy, 1861–1914*. Berkeley, 1986.

²⁴ Гарнизонные школы для солдатских детей впервые были открыты в 1732 г. и продолжали существовать в измененном виде до 1856 г., когда правовая категория «солдатские дети, кантонисты» была упразднена. Elise Kimerling [Wirtschafter]. *Soldiers' Children, 1719–1856: A Study of Social Engineering in Imperial Russia // FOG*. 30. 1982. P. 61–136.

²⁵ Курмачева М.Д. *Крепостная интеллигенция России: Вторая половина XVIII – начало XIX века*. М., 1983.

²⁶ Лейкина-Свирская В.Р. *Формирование разночинской интеллигенции в России в 40-х годах XIX в. // История СССР*. 1958. С. 83–104; Она же, *Интеллигенция в России во второй половине XIX века*. М., 1971, а также Владимирский-Буданов М. *Государство и народное образование*, а также Рождественский С.В., *Исторический обзор*, а также Gregory L. Freeze. *The Parish Clergy in Nineteenth-Century Russia: Crisis, Reform, Counter-Reform* (Princeton, 1983). P. 319–329, а также Nancy Mandelker Frieden. *Russian Physicians in Era of Reform and Revolution, 1856–1905* (Princeton, 1981). P. 3–52, а также Alfred J. Rieber. *The Rise of Engineers in Russia // GMRS*. 31. 1990. P. 539–568, а также Etta L. Perkins. *Mobility in the Art Profession in the Tsarist Russia // JGO* 39. 1991. P. 225–233, idem *Careers in Art: An Exploration in the Social History of Post-Petrine Russia*. Ph.D. diss. Indiana University, 1980.

²⁷ При Павле, создавая сиротский приют для детей военных, правительство сохранило разные группы для детей дворян и офицеров. Но даже в этом случае в приют могли быть приняты одаренные солдатские дети. Kimerling [Wirtschafter], *Soldiers' Children*.

²⁸ Подробное изучение феномена разночинцев в связи с развитием интеллигенции и специалистов представлено в гл. 6.

²⁹ Великолепное введение к данной теме см.: Otto W. Muller. *Intelligencia: Untersuchungen zur Geschichte eines politischen Schlagwortes*. Frankfurt, 1971. Другие заслуживающие внимания работы: Alan Pollard. *The Russian Intelligentsia: The Mind of Russia // California Slavic Studies*. 3. 1964. P. 1–32, а

также Хазанова С.И. *К вопросу об изучении интеллигенции дореволюционной России // Революционно-освободительное движение в XIX–XX вв. в Поволжье и Приуралье* / Под ред. Г.Н. Вульфсона. Казань, 1974. С. 37–54; обзор в: Richard Pipes ed., *The Russian Intelligentsia*. New York, 1961.

³⁰ Лейкина-Свирская В.Р. *Формирование; тот же Интеллигенция в России*, а также, Пирумова Н.М. *Земская интеллигенция и ее роль в общественной борьбе*. М., 1986, а также, Антонов В.С. *К вопросу о социальном составе и численности революционеров 70-х годов // Общественное движение в пореформенной России: Сборник*. М., 1965. С. 336–343, а также, Clowes, Kassow, and West, eds. *Between Tsar and People*; Rieber. *The Rise of Engineers*; Perkins. *Mobility in the Art Profession*; idem, *Careers in Art*; Michael Pushkin, *The Professions and the Intelligentsia in Nineteenth-century Russia // University of Birmingham Historical Journal*. 12. 1969–1970. P. 72–79, а также, Richard S. Wortman. *The Development of a Russian Legal Consciousness*. Chicago, 1976. Два последних исследования, которые начинаются не с истории государственных школ: Louise McReynolds. *The News and Russia's Old Regime: The Development of a Mass-Circulation Press*. Princeton, 1991 и William E. Pomeranz. *Justice from Underground: The History of the Underground Advocatura // RR*. 52. 1993. P. 321–340.

³¹ Один из последних прекрасных примеров: Irina Paperno. *Chernyshevsky and the Age of Realism: A Study in the Semiotics of Behavior*. Stanford, Calif., 1988.

³² Штранге М.М. *Демократическая интеллигенция в России; Лейкина-Свирская В.Р. Формирование, а также Интеллигенция в России*. Последователем Штранге является Мишель Ларан: Michel Laran. *La Premiur Génération de l' «intelligentsia» roturiere en Russie (1750–1780)*, *Revue d'histoire moderne et contemporaine*. 13. 1966. P. 137–156.

³³ Рахматуллин М.А. *Крестьянское движение в великорусских губерниях в 1826–1857 гг.* М., 1990. С. 83–89, а также, *К вопросу о влиянии разночинных элементов города на крестьянское движение в 20-е годы XIX в. // Города феодальной России: Сборник статей памяти Н.В. Устюгова*. М., 1966. С. 547–558, а также, *Солдаты в крестьянском движении 20-х годов XIX в. // Вопросы военной истории*. М., 1965. С. 351–358, а также, Прохоров М.Ф. *Влияние городских низов и разночинцев на классовую борьбу крестьян России в середине XVIII в. // Русский город (исследования и материалы)*. Вып. 8. М., 1986. С. 132–154.

³⁴ Daniel R. Brower. *Training the Nihilists: Education and Radicalism in Tsarist Russia*. Ithaca, N.Y., 1975, idem, *The Problem of the Russian Intelligentsia // SR*. 26. 1967. P. 638–647; Michel Confino. *On Intellectuals and Intellectual Traditions in Eighteenth- and Nineteenth-Century Russia // Daedalus*. 101. 1972. P. 117–149; сравни: Michael Pushkin. *Raznochitsy in the University: Government Policy and Social Change in Nineteenth-Century Russia // International Review of Social History*. 26. 1981. P. 25–65; Robert J. Brym. *A Note on the Raznochintsy // Journal of Social History*. 10. 1976–1977. P. 354–359.

³⁵ Мартин Маляя идет дальше и Брауера, и Конфино при решении проблемы соотношения между выходцами из низших слоев и радикализмом 60-х годов XIX в., настаивая на том, что радикальная интеллигенция

²¹ Шепелев Л.Е. *Отмененные историей — чины, звания и титулы в Российской империи*. Л., 1977. С. 25–33, также Зайончковский П.А. *Правительственный аппарат*. С. 26, 41–42, 137.

²² В то же самое время, когда правительство увеличило формальные образовательные требования, необходимые для успешной карьеры, оно также расширило доступ к образованию детям бедных мелких служащих. Harold A. McFarlin. *The Extension of the Imperial Russian Civil Service to the Lowest Office Workers: The Creation of the Chancery Clerkship, 1827–1833 // Russian History* 1. 1974. P. 1–17; idem, *Recruitment Norms for the Russian Civil Service in 1833: The Chancery Clerkship, Societas — A Review of Social History* 3. Winter 1973. P. 61–73; Pintner. *The Russian Higher Civil Service*, idem, *The Evolution of Civil Officialdom* и *Civil Officialdom and the Nobility* (см. ссылку 20).

²³ Владимирский-Буданов М. *Государство и народное образование в России XVIII в.* Ярославль, 1874. Т.1 (переиздано: Cambridge, 1972), также, Рождественский С.В. *Исторический обзор деятельности министерства народного просвещения, 1802–1902*. СПб., 1902, также, Ben Eklof. *Russian Peasant Schools: Officialdom, Village Culture, and Popular Pedagogy, 1861–1914*. Berkeley, 1986.

²⁴ Гарнизонные школы для солдатских детей впервые были открыты в 1732 г. и продолжали существовать в измененном виде до 1856 г., когда правовая категория «солдатские дети, кантонисты» была упразднена. Elise Kimerling [Wirtschafter]. *Soldiers' Children, 1719–1856: A Study of Social Engineering in Imperial Russia // FOG*. 30. 1982. P. 61–136.

²⁵ Курмачева М.Д. *Крепостная интеллигенция России: Вторая половина XVIII — начало XIX века*. М., 1983.

²⁶ Лейкина-Свирская В.Р. *Формирование разночинской интеллигенции в России в 40-х годах XIX в.* // *История СССР*. 1958. С. 83–104; Она же, *Интеллигенция в России во второй половине XIX века*. М., 1971, а также Владимирский-Буданов М. *Государство и народное образование*, а также Рождественский С.В., *Исторический обзор*, а также Gregory L. Freeze. *The Parish Clergy in Nineteenth-Century Russia: Crisis, Reform, Counter-Reform* (Princeton, 1983). P. 319–329, а также Nancy Mandelker Frieden. *Russian Physicians in Era of Reform and Revolution, 1856–1905* (Princeton, 1981). P. 3–52, а также Alfred J. Rieber. *The Rise of Engineers in Russia // GMRS*. 31. 1990. P. 539–568, а также Etta L. Perkins. *Mobility in the Art Profession in the Tsarist Russia // JGO* 39. 1991. P. 225–233, idem *Careers in Art: An Exploration in the Social History of Post-Petrine Russia*. Ph.D. diss. Indiana University, 1980.

²⁷ При Павле, создавая сиротский приют для детей военных, правительство сохранило разные группы для детей дворян и офицеров. Но даже в этом случае в приют могли быть приняты одаренные солдатские дети. Kimerling [Wirtschafter], *Soldiers' Children*.

²⁸ Подробное изучение феномена разночинцев в связи с развитием интеллигенции и специалистов представлено в гл. 6.

²⁹ Великолепное введение к данной теме см.: Otto W. Muller. *Intelligencija: Untersuchungen zur Geschichte eines politischen Schlagwortes*. Frankfurt, 1971. Другие заслуживающие внимания работы: Alan Pollard. *The Russian Intelligentsia: The Mind of Russia // California Slavic Studies*. 3. 1964. P. 1–32, а

также Хазанова С.И. *К вопросу об изучении интеллигенции дореволюционной России // Революционно-освободительное движение в XIX–XX вв. в Поволжье и Приуралье* / Под ред. Г.Н. Вульфсона. Казань, 1974. С. 37–54; обзор в: Richard Pipes ed., *The Russian Intelligentsia*. New York, 1961.

³⁰ Лейкина-Свирская В.Р. *Формирование; тот же Интеллигенция в России*, а также, Пирумова Н.М. *Земская интеллигенция и ее роль в общественной борьбе*. М., 1986, а также, Антонов В.С. *К вопросу о социальном составе и численности революционеров 70-х годов // Общественное движение в пореформенной России: Сборник*. М., 1965. С. 336–343, а также, Clowes, Kassow, and West, eds. *Between Tsar and People*; Rieber. *The Rise of Engineers*; Perkins. *Mobility in the Art Profession*; idem, *Careers in Art*; Michael Pushkin, *The Professions and the Intelligentsia in Nineteenth-century Russia // University of Birmingham Historical Journal*. 12. 1969–1970. P. 72–79, а также, Richard S. Wortman. *The Development of a Russian Legal Consciousness*. Chicago, 1976. Два последних исследования, которые начинаются не с истории государственных школ: Louise McReynolds. *The News and Russia's Old Regime: The Development of a Mass-Circulation Press*. Princeton, 1991 и William E. Pomeranz. *Justice from Underground: The History of the Underground Advocatura // RR*. 52. 1993. P. 321–340.

³¹ Один из последних прекрасных примеров: Irina Paperno. *Chernyshevsky and the Age of Realism: A Study in the Semiotics of Behavior*. Stanford, Calif., 1988.

³² Штранге М.М. *Демократическая интеллигенция в России; Лейкина-Свирская В.Р. Формирование*, а также *Интеллигенция в России*. Последователем Штранге является Мишель Ларан: Michel Laran. *La Premiur Génération de l'«intelligentsia» roturure en Russie (1750–1780)*, *Revue d'histoire moderne et contemporaine*. 13. 1966. P. 137–156.

³³ Рахматуллин М.А. *Крестьянское движение в великорусских губерниях в 1826–1857 гг.* М., 1990. С. 83–89, а также, *К вопросу о влиянии разночинных элементов города на крестьянское движение в 20-е годы XIX в. // Города феодальной России: Сборник статей памяти Н.В. Устюгова*. М., 1966. С. 547–558, а также, *Солдаты в крестьянском движении 20-х годов XIX в. // Вопросы военной истории*. М., 1965. С. 351–358, а также, Прохоров М.Ф. *Влияние городских низов и разночинцев на классовую борьбу крестьян России в середине XVIII в. // Русский город (исследования и материалы)*. Вып. 8. М., 1986. С. 132–154.

³⁴ Daniel R. Brower. *Training the Nihilists: Education and Radicalism in Tsarist Russia*. Ithaca, N.Y., 1975, idem, *The Problem of the Russian Intelligentsia // SR*. 26. 1967. P. 638–647; Michel Confino. *On Intellectuals and Intellectual Traditions in Eighteenth- and Nineteenth-Century Russia // Daedalus*. 101. 1972. P. 117–149; сравни: Michael Pushkin. *Raznochitsy in the University: Government Policy and Social Change in Nineteenth-Century Russia // International Review of Social History*. 26. 1981. P. 25–65; Robert J. Brym. *A Note on the Raznochintsy // Journal of Social History*. 10. 1976–1977. P. 354–359.

³⁵ Мартин Магия идет дальше и Брауера, и Конфино при решении проблемы соотношения между выходцами из низших слоев и радикализмом 60-х годов XIX в., настаивая на том, что радикальная интеллигенция

уже сформировалась к 40-м годам XIX в. и что ее происхождение было связано с интеллигенцией. Martin Malia. *What is Intelligentsia?* // Pipes, ed., *The Russian Intelligentsia*. P. 1–18.

³⁶ Pollard, *The Russian Intelligentsia*. P. 1–32; Овсяннико-Куликовский Д.Н. *История русской интеллигенции*. СПб., 1909. Ч. 2. С. 83–99.

³⁷ Миронов Б.Н. *Русский город в 1740–1860-е годы*. Л., 1990.

³⁸ Голикова Н.Б. *Очерки по истории городов России конца XVII – начала XVIII в.* М., 1982, а также, Анисимов Е.В. *Податная реформа Петра I*. Л., 1982, а также, Кизеветтер А.А. *Посадская община России XVIII ст.* М., 1903, а также, Громыко М.М. *Развитие Тюмени как ремесленно-торгового центра в XVIII в.* // *Города феодальной России*. С. 397–409, а также, Миронов Б.Н. *Русский город*, а также, Рындзюнский П.Г. *Городское гражданство дореформенной России*. М., 1958, а также, Manfred Hildermeier, *Bürgertum und Stadt in Russland, 1760–1860: Rechtliche Lage und soziale Struktur*. Cologne, 1986, а также, Gilbert Rozman. *Urban Networks in Russia, 1750–1800, and Premodern Periodization*. Princeton, 1976, а также, Bernd Knabe. *Die Struktur des russischen Posadgemeindes und das Katalog der Beschwerden und Forderungen der Kaufmannschaft, 1762–1767* // *FOG*. 22. 1975.

³⁹ Анисимов Е.В. *Податная реформа*, а также, Миронов Б.Н. *Русский город*, а также, Rozman. *Urban Networks*.

⁴⁰ См. гл. 3.

⁴¹ Кизеветтер А.А. *Посадская община*, а также, Рындзюнский П.Г. *Городское гражданство*, а также, Hildermeier. *Bürgertum und Stadt*.

⁴² О категории «торгующих крестьян» см. гл. 4.

⁴³ Определенно об этом говорит Анисимов Е.В.: *Податная реформа*.

⁴⁴ Исключительно ценное замечание, что слово «разный», кроме значений «разный», «различный» и «иной», также имеет значение «другой». В результате, значение понятия «разночинцы» или «люди разных чинов» равносложно «людям других чинов», т.е. чужакам. Даль Владимир. *Толковый словарь Великорусского языка*. Т. 1–4. СПб., 1912.

⁴⁵ См. гл. 2 и 5.

⁴⁶ John P. LeDonn. *Ruling Russia: Politics and Administration in the Age of Absolutism, 1762–1796*. Princeton, 1984.

⁴⁷ Andreas Kappeler. *Russland als Vielvölkerung: Entstehung, Geschichte, Zerfall*. Munich, 1992. Специальные исследования, посвященные данной проблеме, включают: Andreas Kappeler. *Russlands Erste Nationalitäten: Das Zarenreich und die Völker der Mittleren Wolga vom 16. Bis 19. Jahrhundert*. Cologne – Vienna, 1982, idem, Robert H. McNeal. *Tsar and Cossack, 1855–1914*. London, 1987, idem, Michael Khodarkovsky. *Where Two Worlds Met: The Russian State and the Kalmyk Nomads, 1600–1771*. Ithaca, N.Y., 1992, а также, *Проблемы исторической демографии СССР / Сборник статей*. Таллин, 1977, а также, *Право и состояние разных классов народонаселения Бессарабской области* // *ЖМВД*. Под ред. Р.Н. Пуллат. 1843. Ч. 3. С. 48–64.

⁴⁸ Евреям было запрещено проживать в столичных городах — Санкт-Петербурге и Москве, за исключением особых обстоятельств. Мыльников А.С. *Выходцы из славянских земель в Петербурге (XVIII – начало XIX в.)* // *Петербург и губерния: Историко-этнографические исследования*. Л., 1989.

С. 69–80, а также, Юхнева Н.В. *Евреи Петербурга в период реформ 1860-х годов: Социально-демографическая характеристика*, там же, С. 81–112; тот же автор, *Петербург: Многонациональная столица*; там же, *Старый Петербург: Историко-этнографические исследования*. Л., 1982. С. 7–51.

⁴⁹ Мемуары Шипова Н.Н., крепостного предпринимателя (и поэтому являющегося своего рода неформально разночинцем) и Карпова В.Н., предпринимателя-разночинца с дипломом художника, дают полный спектр интеграционных экономических возможностей, включая знание многих языков. Карпов В.Н. *Воспоминания — Н.В. Шипов. История моей жизни* /Репр. издание. М.-Л., 1933.

⁵⁰ Громыко М.М. *Развитие Тюмени...* С. 397–409 (см. ссылку 38). Я.Е. Водарский определяет таких сибирских разночинцев иначе, и как неподатных, и отдельно от отставных военных. Водарский Я.Е. *Численность русского населения Сибири в XVII–XVIII вв. //Русское население Поморья и Сибири (период феодализма)*. М., 1973. С. 194–213.

⁵¹ Миронов Б.Н. *Русский город*. С. 107–108.

⁵² Daniel R. Brower. *The Russian City between Tradition and Modernity, 1850–1900*. Berkeley, 1900, idem, *Estate, Class, and Community: Urbanization and Revolution in Late Tsarist Russia //The Carl Beck Papers in Russian and East European Studies*. Paper № 302. Pittsburgh, 1983.

⁵³ Brower, *Estate, Class, and Community*. P. 17–20.

⁵⁴ Clowes, Kassow, and West, eds., *Between Tsar and People*, idem, Alan Kimball. *Russian Civil Society and Political Crisis in the Era of Great Reforms, 1859–1863*. В рукописи. Eugene, Ore., 1989.

⁵⁵ О связи между моделированием собственности «я» (т.е. определением себя и своей роли в обществе) и власти, см.: Greenblatt Stephen Jay. *Renaissance Self-Fashioning: From More to Shakespeare*. Chicago, 1980. Гринблат фактически выступает против признания определенной роли автономии человека в формировании идентичности; более того, он рассматривает человека как продукт идеологии в его отношениях с властью и прежде всего с обществом (С. 256). Но что Гринблат не исследует — это возможность того, что определение себя и своей роли в обществе могло бы порождать успешное сопротивление или уклонение от навязываемых структур, если и не в случае с известными людьми, то, возможно, в случае с неизвестным и — с точки зрения государства — управляемым населением (так называемыми массами). По поводу осознания жизнотворчества в русском романтизме предреформенного периода см. очерки: Alexander D. Nakhimovsky and Alice Stone Nahkimovsky, eds. *The Semiotics of Russian Cultural History*. Ithaca, N.Y., 1985.

⁵⁶ Roger Chartier. *Intellectual History or Sociocultural History? The French Trajectories //Dominick LaCapra and Steven L. Kaplan, eds., Modern European Intellectual History: Reappraisals and New Perspectives*. Ithaca, N.Y., 1982. P. 41–42.

⁵⁷ Ibid.; Dominick LaCapra. *Rethinking Intellectual History and Reading Text*, ibid. P. 47–85.

⁵⁸ Clifford Geertz. *Local Knowledge: Further Essays in Interpretive Anthropology*. New York, 1983. P. 34, idem, *The Interpretation of Cultures*. New York, 1973.

Глава 2

¹ Wirschafter. *Russian Soldier*. P. 3–25.

² Официальные источники обычно определяют профессиональную составляющую статуса человека как звание, но и здесь даже такое употребление не всегда последовательно, так как положение потомственного дворянства (в большинстве случаев осмысляемое как сословие) могло быть названо дворянским званием без учета занятия. Это показывает важность звания (занятия, профессии, служебных обязанностей) для понимания сословия. Как пример см.: Городские выборы в С.-Петербурге// *ЖМВД*. Май 1850. С. 227–68; Городские выборы в С.-Петербурге и отчет С.-Петербургской общей думы// *ЖМВД*. Апрель 1856. С. 131–61; Об устройстве ремесленного сословия и ремесленной промышленности// *ЖМВД*. Ноябрь 1853: отделение. С. 2, 1–40.

³ См. гл. 3. Также см.: Hildermeier. *Bürgertum und Stadt*, idem, Freeze. *The Soslovie (Estate) Paradigm*.

⁴ Daniel Morrison. «*Trading Peasants» and Urbanization in Eighteenth Century Russia: The Central Industrial Region*». Ph.D. diss. Columbia University, 1981, idem, Hildermeier. *Bürgertum und Stadt*. P. 137–151, а также, Миронов. *Русский город*. С. 101–104, 170–177, а также, Анисимов. *Податная реформа*. С. 197–204; Рындзюнский. *Городское гражданство*. С. 61–96; Кизеветтер. *Посадская община*. С. 17–24. Зарегистрированные члены ремесленных гильдий (цехов) также могли быть крепостными, а также, Копанев А.И. *Население Петербурга в первой половине XIX века*. М.-Л., 1957. С. 30–39.

⁵ *Полное собрание законов Российской империи* (далее ПСЗ): 1-я сер. (I) 1649–1825, 45 т. Санкт-Петербург, 1830; 2-я сер. (II) 1825–1881. 55 т. Санкт-Петербург, 1830–1884; 3-я сер. (III) 1881–1913. 33 т. Санкт-Петербург, 1885–1916. Здесь ПСЗ (II). Т. 3, № 2153. Нормы, связанные с продвижением по службе, хорошо объясняют такую точку зрения. Wirschafter. *Russian Soldier*. P. 40–53, а также, Зайончковский. *Правительственный аппарат*. С. 24–56.

⁶ Alfred J. Rieber. *The Sedimentary Society*//Clowes, Kassow, and West, eds., *Between Tsar and People*. P. 346–366.

⁷ Крепостные миллионеры являются самым показательным примером. Недавнее обсуждение этого вопроса по поводу городов. См.: Hildermeier. *Bürgertum und Stadt*. Также, при обсуждении в Секретном комитете 6 декабря 1826 г. обращалось внимание на то, что отсутствует соответствие между чином и должностью. См.: *Сборник Императорского русского исторического общества* (далее СИРИО), 148 т. (Санкт-Петербург 1867–1916), 74: С. 248–487; 90: С. 359–607.

⁸ ПСЗ (I). Т. 5, № 3169. Такое же употребление см.: ПСЗ, т. 8, № 5319. Кизеветтер определяет посад как признанную торговую и ремесленную податную общину, восходящую к XVII в. Членство в ней определялось местом проживания и участием в уплате тягла (позже подушной подати), так что только члены общины, которые платили налоги, могли заниматься своим делом в пределах посада. Кизеветтер. *Посадская община*.

III-V, 1-4, 27-30. Законодательство периода 1699-1711 гг., которое цитируют некоторые историки для определения разночинцев, не употребляет этот термин в фактически существующих текстах указов. Можно предположить, что такое употребление, появляющееся в названиях законов, восходит к их издателям XIX в.; издатели включали в эту категорию звонарей, ямщиков, пушкаррей, воротников и ремесленников, которые не были еще зарегистрированы в посаде. Плошинский Л.О. *Городское или среднее состояние русского народа в его историческом развитии, от начала Руси до новейших времен*. Санкт-Петербург, 1852. С. 168. Беккер замечает то же самое в: «*Разночинцы*», 64 №3. О роли Сперанского в формулировке названий разделов для Полного собрания законов см.: Marc Raeff. *Michael Speransky: Statesman of Imperial Russia. 1772-1839*. The Hague, 1957. P. 320-344.

⁹ Процитированные ранее указ 1718 г. и закон 1720 г. предполагали, что категория разночинцев включала все виды военной службы (полковой и городской служб), драгун и солдат, стрельцов, казаков, жителей казачьих станиц (станичников), тюркскую знать (мурзы) и татар. ПСЗ (I), 6:3501. Олнодворцы занимали определенно среднее положение в русском обществе. Как и крестьяне, они платили подушную подать и несли воинскую повинность, хотя срок их службы был всего 15 лет; а кроме того, как и дворянам, им разрешалось иметь крепостных. Томас Эспер определяет олнодворцев как часть дворянства, которая имеет нисходящую социальную мобильность и постоянно старается восстановить свое прежнее положение. Thomas Esper. *The Olnodvortsy and the Russian Nobility//SEER*. 45, № 104 (1967). P. 124-134. По поводу ясачной подати см.: LeDonne. *Ruling Russia*. P. 281, 289, idem, Marc Raeff. *Siberia and the Reform of 1822*. Seattle, 1956. P. 91-96, idem, Kappeler. *Russland Erste Nationalitiden*. О многочисленных категориях слуг в Московской Руси см.: Ключевский. *История сословий*, а также, Richard Hellie. *Enserfment and Military Change in Muscovy*. Chicago, 1971, idem, John L.H. Keep. *Soldiers of the Tsar: Army and Society in Russia, 1462-1874*. New York, 1985.

¹⁰ Позже законы также считали бобылей и беглых крестьян разночинцами. ПСЗ (I). Т. 8, № 6858; Т. 10, № 7438; Т. 12, № 9061; Т. 17, № 12605. По поводу бобылей и ямщиков см.: Jerome Blume. *Lord and Peasant in Russia from the Ninth to the Nineteenth Century*. Princeton, 1961. P. 168, 240-42, 500-501, idem, Keep. *Soldiers of the Tsar*. P. 105. О купленных см.: Hellie, *Slavery in Russia. 1450-1725*. Chicago, 1982. P. 46-48, 67-71, 238, 343-53.

¹¹ Другой указ от 1746 г. называет купцов, олнодворцев и государственных крестьян, и «других разночинцев» как категории, подлежащие подушному обложению. РГАДА. Ф. 91, оп.1, ч.1, д.2618; ПСЗ (I). Т. 12, № 9256. О подьячих см.: Bogivoj Plavsic. *Seventeenth-Century Chanceries and their Staffs* в Pintner and Rowney, eds. *Russian Officialdom*. P. 19-45.

¹² ПСЗ (I). Т. 14, № 10521.

¹³ ПСЗ (I). Т. 12, № 9267; Т. 33, № 26469.

¹⁴ ПСЗ (I). Т. 20, № 14348, 14412, а также, Кизеветтер. *Посадская община*. С. 38-45, 74-75.

¹⁵ См. также ПСЗ (I). Т. 14, № 10242; ПСЗ (II). Т. 3, № 2463; Т. 7, № 5791; Т. 9, № 6788.

¹⁶ ПСЗ (I). Т. 7, № 4474. Упомянутые конкретные должности или находятся вне «Табели о рангах» (например, подканцелярист), или не дают дворянского звания (секретарь). Согласно Пинтнеру, названиями мелких наемных служащих вне «Табели о рангах» были в нисходящем порядке «канцелярист», «подканцелярист», «копиист» и «писарь». (См. Pintner. *The Social Characteristic*, 432, №6.) По этой причине остается неясным, рассматривал ли данный закон копиистов и писарей как разночинцев. Словоупотребление в данном законе предполагает, что нет, но логика могла бы подсказать, что они также должны были быть включены. Использование термина «подьячие» трудно объяснить иначе, чем пережитком XVII в. Термины времен Московского государства часто появляются в законах начала XVIII в. По поводу наемных штатских служащих вне «Табели о рангах» см.: McFarlin. *The Extension of the Imperial Russian Civil Service: idem, Recruitment Norms*.

¹⁷ ПСЗ (I). Т. 7, №4565.

¹⁸ ПСЗ (I). Т. 26, №19692. Чиновниками считались служащие, которые имели чин по «Табели о рангах».

¹⁹ К категории городских обывателей, считающихся гражданами, принадлежало гильдейское купечество, мещане или посадские, ремесленники или цеховые, вольные люди, приписанные к городам некоторых губерний, и рабочие люди. Понятие «граждане» никоим образом не подразумевало политических прав. *Свод законов Российской империи*. 15 т. Санкт-Петербург, 1857, далее СЗ (1857). Т. 9, кн.1, разд. 3, гл. 1, отд. 1, ст.423–425; гл. 3, ст.554.

²⁰ Чулков Михаил. *Словарь юридический или свод российских узаконений временных учреждений, суда и расправа*. 5 т. Москва, 1792–1796 2: 223.

²¹ ПСЗ (I). Т. 8, №5319; Кизеветтер. *Посадская община*. С. 27–30. Это употребление было, в частности, сформулировано в наказах Уложенной комиссии Екатерины. Законодательство и общество Киевской Руси также имели категорию свободных, деклассированных людей, нуждающихся в помощи, т.е. изгоев, которые существовали вне признаваемых сословий или чинов, но которые могли быть «ресоциализированы» (включены в состав какой-либо группы) благодаря службе или торговле. Marc Szeftel. *La Condition juridique des declassés dans la Russie ancienne, Archives d'histoire du droit oriental* 2 (Brussels, 1938); 431–442.

²² См. гл. 4.

²³ ПСЗ (I), т.14, №10346. Снова предлагая значение «простолюдины», манифест 1763 г. устанавливал классы в Московском университете, Академии наук и Казанской гимназии, для обучения несовершеннолетних детей разночинцев и государственных служащих для дальнейшей службы. Дворянские юноши могли получить образование для штатской службы в кадетских корпусах. ПСЗ (I), т.16, №11988.

²⁴ С точки зрения Беккера, это законодательство отмечает самое начало такого особого употребления в сфере образования термина «разночинцы» как «обычные студенты», однако соответствующие законы, кото-

рыми создавались Санкт-Петербургский практический технологический институт (1828) и Херсонская школа коммерческой навигации (1834), поручали городским советам выбирать студентов из среды купцов III гильдии, мещан, цеховых и разночинцев. Becker. *Raznochintsy*. P. 66–67; ПСЗ (II). Т. 3, №2463; Т. 9, №6788.

²⁵ ПСЗ (I). Т. 9, №6858; Т. 17; №12605. Такое употребление также было общепринятым для городских наказов Уложенной комиссии.

²⁶ СЗ (1857) Т.2, ч.1, кн.2, разд. 1, ст.415.

²⁷ Müller. *Intelligentcija*.

²⁸ По поводу *Polizeistaat* см.: Raeff. *The Well-Ordered Police State*.

²⁹ Ключевский. *История сословий*; Виноградов. *Возникновение и развитие слова сословие*; Schmidt. *Über die Bezeichnung; Freeze. The Soslovie (Estate) Paradigm*.

³⁰ О реализации подушного налогообложения см.: Анисимов. *Податная реформа*; В.М. Кабузан. *Народонаселение России в XVIII – первой половине XIX в. (По материалам ревизии)*. М., 1963.

³¹ С точки зрения Вульфсона все типы разночинцев уже стали неподатными к 60-м годам XIX века; этот вывод, однако, не учитывает все значения и применения данного термина. Хотя наследники налогооблагаемых разночинцев, которые были приписаны к городской, цеховой, или крестьянской общинам могли быть поглощены этими группами, новые разночинные элементы, обычно неподатные, появлялись вновь и вновь. Вульфсон. *Понятие*. С. 111–113; Сидорова. *Отражение*. С. 36–37. ПСЗ (I). Т. 6, № 3624, 3747, 3817; Т. 7, № 4533, 4565, 4566, 5002; Т. 9, № 6858, 7006; Т. 12, № 9061, 9267, 9332, 9383. Данные переписи также учитывают разночинцев как неподатных. *Ведомость о народонаселении России за 1851 год, по 9 народной переписи*//ЖМВД (Ноябрь, 1853), отд. 3, 61–76.

³² См. *Инструкцию комиссара от земли 1729 года*, которая основана на указах 1724 и 1725 годов. Эти инструкции воспроизведены на микрофильмах в General Microfilm Company в *Eighteenth-century Publication* (Waterton, Mass., n.d.).

³³ Ямщики управляли лошадьми, принадлежащими государственным почтовым станциям. Освобожденных от подати и военной службы таких ямщиков не следует путать с городскими и помещичьими крепостными ямщиками. ПСЗ (I). Т.14, №10449.

³⁴ Указ 1727 года освободил их от дворцовых и арсенальных работ. ПСЗ (I). Т.7, №5002.

³⁵ ПСЗ (II). Т.9, №6746.

³⁶ По поводу разночинцев как категории низшего класса см.: Копанев. *Население Петербурга*, 52.

³⁷ ПСЗ (I). Т.6, №3817 (1721); Т. 7, №4145 (1723). Точно так же этот термин относился к лицам, которые покинули посад для того, чтобы избежать налогов, и ухитрились, судя по всему, из-за долгов зарегистрироваться как крестьяне или закладчики. Разночинцам, которые избежали регистрации как податные, следовало вернуться в ту общину, из которой они происходят. ПСЗ (I). Т. 7, № 4624 (1724).

³⁸ ПСЗ (I). Т. 8, №6215; Т. 10, №№ 7389, 7438; Т. 11, №8811; Т. 12, №9061.

³⁹ О копейщиках и рейтарах см.: Keep. *Soldiers of the Tsar*. P. 80–87; Hellie. *Enserfment and Military Change*. P. 24–26, 210–25.

⁴⁰ Другие законы также определяют разночинцев как податных и неподатных. ПСЗ (I). Т. 9, №6858; Т. 17, №12605.

⁴¹ ПСЗ (I). Т. 11, №8836.

⁴² В противоположность этому *Инструкция комисара от земли 1729 года* рассматривала однодворцев и коренных жителей, платящих ясак, как государственных крестьян, из чего следует, что крестьянские категории также были подвижны.

⁴³ Закон от 1752 г. называл фабричных рабочих, незаконнорожденных или лиц неизвестного происхождения, разночинцами. ПСЗ (I). Т. 13, № 9954.

⁴⁴ ПСЗ (I). Т. 12, № 9383.

⁴⁵ См. в гл. 3 мнения по этому вопросу. До реформ местного самоуправления Екатерины Великой центральная Россия (кроме Балтийских земель, Украины и Сибири) была разделена на губернии, возглавляемые губернатором, а также провинции и уезды, возглавляемые воеводами. LeDonne. *Ruling Russia*. P. 39–49.

⁴⁶ Известно, например, что общины приписывали таких людей вне очереди, чтобы избавить себя от любой излишней экономической ноши и чтобы защитить богатых членов общины, которые были вынуждены нести бремя дополнительных налогов, не считаясь ни с чем. Wirschafer. *Russian Soldier*. P. 21–22.

⁴⁷ ПСЗ (I). Т. 18, №12987.

⁴⁸ Kimerling [Wirschafer]. *Soldiers' Children*; Wirschafer. *Russian Soldier*. P. 35–40.

⁴⁹ ПСЗ (I). Т. 18, №12987.

⁵⁰ Например, в Астрахани, см. гл. 1.

⁵¹ ПСЗ (I). Т. 15, №10992 (1759).

⁵² Отдельные примеры неудовлетворенных претензий на привилегии дворянства могут быть найдены в РГВИА, ф.395, д.10, лл.10–11; ф.801, оп.61, д.202, лл.390–93; оп.61/2, д.250, лл.947, д. 55об.; и ф.14414, оп.10/291, св.60, д.326, ч.21. См. также: Троицкий. *Русский абсолютизм*. С. 182–187, 236–239. Подробное исследование данной проблемы представлено в гл. 4.

⁵³ ПСЗ (I). Т. 12, №9256. Здесь термин «разночинцы» используется двояко. Во-первых, он соответствовал особой податной категории. Во-вторых, он относился к ряду податных категорий, включающих казаков, подьячих, солдатских детей, посадских людей и разночинцев.

⁵⁴ Недвижимое имущество включало земли, которые держали как вотчину и поместье. ПСЗ (I). Т. 8, №5633. Blum. *Lord and Peasant*. P. 358–362; «Крестьяне», *Энциклопедический словарь* (далее ЭС), издатель: Ф.А.Брокгауз, И.А.Эфрон (СПб, 1895). Т. 16. С. 683. О монастырских слугах см.: Hellie. *Enserfment and Military Change*, 53 and 361 №149; Blum. *Lord and Peasant*. P. 194.

⁵⁵ ПСЗ (I). Т. 12, №9267, 9332; ЭС. Т. 16 с. 683.

⁵⁶ ПСЗ (I). Т. 12, №9267, 9332.

- ⁵⁷ ПСЗ (I). Т. 15, №10796, 10855; ПСЗ (II). Т. 3, №2378; ЭС. Т. 16. С. 683.
- ⁵⁸ Наказы городов опубликованы в СИРИО. Т. 93, 107, 123, 134, 144, 147. СПб, 1894–1915. François-Xavier Coquin, *La grande Commission Législative, 1767–1768: Les cahiers de doléances urbains (Province de Moscou)*. Paris, 1972. P. 110, 161–163.
- ⁵⁹ ПСЗ (I). Т. 15, №11490; Т. 16, №11638.
- ⁶⁰ ПСЗ (II). Т. 3, №2378. Точно так же указ 1827 г. запретил продажу крепостных гражданам Финляндии. ПСЗ (II). Т. 2, №1009. О запретах 1812 года см.: РГИА, ф.1149, оп.2, д.44.
- ⁶¹ Копанев. *Население Петербурга*. С. 24.
- ⁶² Зайончковский. *Правительственный аппарат*. С. 39–42; John P. LeDonne. *Absolutism and Ruling Class: The Formation of the Russian Political Order, 1700–1825*. New York, 1991.
- ⁶³ ПСЗ (II). Т. 3, №2378; Т. 8, №6129; Т. 9, №6941; Т. 10, №8539; Т. 11, №9203; Т. 15, №15693; Т. 20, №19283; Т. 22, №20825.
- ⁶⁴ ПСЗ (II). Т. 20, №19283. Дворяне, которые случайно приобрели крепостных у незаконных владельцев или незаконно сдали в наем своих крепостных, также не получали компенсацию за потерю людских ресурсов.
- ⁶⁵ Закон, освобождающий этих крепостных от всех судебных издержек, разрешал им пользоваться простой бумагой и освобождал их от уплаты апелляционной пошлины. ПСЗ (II). Т. 22, №20825.
- ⁶⁶ ПСЗ (II). Т. 11, №9203.
- ⁶⁷ Обсуждение в Секретном комитете 6 декабря 1826 г. отражало такое же мнение.
- ⁶⁸ Зайончковский. *Правительственный аппарат*. С. 39–42; LeDonne. *Absolutism and Ruling Class*.
- ⁶⁹ ПСЗ (I). Т. 32, №25604; Т. 35, №27356.
- ⁷⁰ Незаконное крепостничество выступало в двух формах: или хозяин крепостных не имел права владеть ими, или свободные люди попадали в крепостную зависимость незаконным образом. См. гл. 4.
- ⁷¹ Дворяне, которые потеряли своих крепостных, имели право на компенсацию от государства, но только в том случае, если они могли документально подтвердить свою неосведомленность о том, что крепостные были незаконно закабалены их разночинными хозяевами. ПСЗ (II). Т. 3, №2378; Т. 12, №10149.
- ⁷² Участники брачных союзов между дворянами и простолюдинами достойны самого серьезного и тщательного исследования. При этом сразу же возникает проблема — представляют ли эти союзы восходящую или нисходящую мобильность и для кого? Краткий обзор брачных союзов между дворянами и только что аноблированными купцами см.: Hildertmeier. *Bürgertum und Stadt*. P. 113–117.
- ⁷³ ПСЗ (I). Т. 7, №4827, 4828; Т. 11, №8738; Т. 15, №11204; Т. 16, №11708; Т. 17, №12498; Т. 19, №13635.
- ⁷⁴ Разночинцы здесь упоминались и как все категории, которые не имели дворянского права владеть крепостными, и как отдельная категория внутри этой большой группы. *Архив Государственного Совета*. Т.4. Вып. 1. Ч. 2. С. 253–258.

⁷⁵ Там же.

⁷⁶ Закон установил пятилетний срок для таких временных рабочих соглашений, но их можно было впоследствии возобновлять. *ПСЗ (I)*. Т. 33, № 26469.

⁷⁷ *ПСЗ (I)*. Т. 38, № 29416.

⁷⁸ *ПСЗ (I)*. Т. 39, № 29936, 30040.

⁷⁹ *ПСЗ (I)*. Т. 40, № 30407; *ПСЗ (II)*. Т. 3, № 13051.

⁸⁰ Разночинцы нанимались на фабрики по контрактам как ученики, подмастерья или мастера. Те, кто был уже приписан какой-либо категории, могли оставаться на фабриках только пять лет. *ПСЗ (I)*. Т. 9, № 6858; Т. 12, № 9383; Т. 13, № 9954; Т. 17, № 12605. См.: Сафронова А.М. *Документы об организации В.Н. Татищевым школ в слободах при горных заводах Урала в 20-х гг. XVIII в.*// *Источники по истории русского общественного сознания периода феодализма*. Новосибирск, 1986. С. 73, idem, *Arcadius Kahan. Russian Economic History: The Nineteenth Century*, ed. Roger Weiss. Chicago, 1989. P. 179–185.

⁸¹ *ПСЗ (I)*. Т. 3, № 1723; *ПСЗ (II)*. Т. 5, № 3485, 3564; Т. 9, № 6745; Т. 28, № 27742.

⁸² *ПСЗ (I)*. Т. 3, № 1723; Т. 12, № 9383.

⁸³ *ПСЗ (I)*. Т. 3, № 1723.

⁸⁴ Указ от 1728 г. требовал от разночинцев, проживающих в Вятской губернии, выполнять целый ряд служебных обязанностей вместе с посадскими. Эти обязанности включали квартирантскую повинность, ремонт мостов, охрану и борьбу с пожарами. *ПСЗ (I)*. Т. 8, № 5319; Т. 14, № 10242.

⁸⁵ Названные категории включали секретарей, служителей и подьячих до подканцеляристов и «подлых» служителей – дворцовых и конюшенных. *ПСЗ (I)*. Т. 7, № 4474.

⁸⁶ Разночинцы должны были регистрироваться в Санкт-Петербургской ратуше. *ПСЗ (I)*. Т. 9, № 6727, пункт 3. См. также *ПСЗ (I)*. Т. 14, № 10242.

⁸⁷ *ПСЗ (I)*. Т. 14, № 10242.

⁸⁸ Термин «разночинцы» не фигурирует в данной грамоте. *ПСЗ (I)*. Т. 22, № 16188.

⁸⁹ Hildermeier. *Bürgertum und Stadt*. P. 42–45; Wallace Daniel. *Grigorii Teplov and the Conception of Order: The Commission on Commerce and the Role of the Merchants in Russia*// *CASS*. 16. 1982. P. 410–431; idem, *The Merchantry and the Problem of Social Order in the Russian State: Catherine II's Commission on Commerce*// *SEER*. 55. 1977. P. 185–203.

⁹⁰ *ПСЗ (I)*. Т. 22, № 16188. Следующие группы получали звание именитых граждан: избранные городские чиновники, которые служили второй срок с отличием, ученые с академической или университетской степенью и сравнимыми дипломами, люди творческих профессий (архитекторы, художники, скульпторы и композиторы), получившие диплом Академии художеств, капиталисты любого звания, с капиталом не менее пяти тысяч рублей, банкиры, заявившие по крайней мере о капитале в одну тысячу рублей, оптовые торговцы, которые не имели своих лавок, и владельцы морских судов.

⁹¹ *ПСЗ (I)*. Т. 26, № 19692.

⁹² Два мальчика приравнивались к одному рабочему. Закон 1824 г. разделил мещан на торгующих мещан, которые платили дополнительные налоги ради привилегий этого звания, и посадских (простые горожане). *ПСЗ (I)*. Т. 39, №30115.

⁹³ Закон 1832 г. определял как свободные следующие группы населения: лица, утратившие свой прежний статус, включая крестьян и ризничих; дети личных дворян и штатских служащих ниже обер-офицерского чина; ушедшие в отставку рядовые и унтер-офицеры, их вдовы и незамужние дочери. Военные кадры и их семьи в этой последней группе были также освобождены от налогообложения, если были зарегистрированы как горожане. *ПСЗ (II)*. Т. 7, №5842.

⁹⁴ *ПСЗ (II)*. Т. 7, №5791.

⁹⁵ Миронов. *Русский город*; Hildermeier. *Bürgertum und Stadt*; Daniel R. Brower. *Urbanization and Autocracy: Russian Urban Development in the First Half of the Nineteenth Century*// *RR*. 42. 1983. P. 377–402, а также, Копанев. *Население Петербурга*. С. 41–48.

⁹⁶ Дворяне даже регистрировались во всех трех купеческих гильдиях. *Ведомость о народонаселении России за 1851 год по 9 народной переписи*// *ЖМВД* (Ноябрь 1853), отд. 3, 61–76. Об отсутствии умаления прав см.: Троицкий. *Русский абсолютизм*, 361–363. О мелких предпринимателях см.: Шипов. *История моей жизни*; Карпов. *Воспоминания* (о них см. гл. 1, ссылку 49). С. И. Сметанин постулирует существование переходной категории лиц (включающую крестьян, разночинцев и отставных солдат), которая принадлежала к городскому обществу в силу ее социально-экономического положения. Цитируя данные городов Пермской провинции, Сметанин доказывает, что между 1803 и 1860 годами размер этой группы увеличился с 9 до 19,5% всего городского населения. Сметанин С. И. *Разложение сословий и формирование классовой структуры городского населения России в 1800–1861 гг.*// *ИЗ*. 102. 1978. С. 153–182. О незаконном проживании в городе и стране см.: Миронов. *Русский город*. С. 87–88, 120–121.

⁹⁷ Павловский И. Ф. *Статистические сведения о Полтавской губернии сто лет назад*. ТПУАК, вып. 2 (1906): 73.

⁹⁸ Троицкий. *Русский абсолютизм*. С. 39–40, 152–53; Зайончковский. *Правительственный аппарат*. С. 44–53.

⁹⁹ Becker. *Raznochintsy*. P. 69–70.

¹⁰⁰ *Сборник постановлений по Санктпетербургскому общественному управлению*. СПб, 1860.

¹⁰¹ О социальных категориях как административных средствах см.: Freeze. *The Soslovie (Estate) Paradigm*. P. 24–25; Hildermeier. *Bürgertum und Stadt*, 48. P. 124–137, 183–217, 307–322; McFarlin. *The Extension of the Imperial Russian Civil Service*; idem, *Recruitment Norms*.

¹⁰² Kimerling [Wirtschaftler]. *Soldiers' Children*.

¹⁰³ О некоторых предположениях в этом направлении см.: Abbott Gleason. *The term of the Russian Social History*// Clowes, Kassow and West, eds., *Between Tsar and People*. P. 15–27; Alfred J. Rieber. *The Sedimentary Society*. *ibid.* P. 343–366.

¹⁰⁴ Leroy-Beaulieu Anatole. *The Empire of the Tsars and the Russians*/ed. and trans. Zenaida A. Ragozin. New York, 1902. P. 309–310.

¹⁰⁵ Perkin Harold. *The Origin of Modern English Society, 1780–1880*. London, 1969.

¹⁰⁶ Walker Mack. *German Home Towns: Community, State, and General Estate, 1648–1871*. Ithaca, N.Y., 1971. P. 43–44.

¹⁰⁷ Джон П. ЛеДонн доказывает, что ненадежность положения элиты вела к более точному определению социальных границ, формируя имперский правящий класс с общими интересами, связанными с распространением крепостничества. LeDonne. *Ruling Russia*. P. 21–22.

¹⁰⁸ Власти действительно терпимо относились к личным прошениям, но рассматривали коллективные обращения к власти как восстание. Michael Cherniavsky. *Tsar and People: Studies in Russian Myths*. New Haven, 1961, idem, Daniel Field. *Rebels in the Name of the Tsar*. Boston, 1976, idem, Wirtschaftfer. *Russian Soldiers*. P. 120–123.

¹⁰⁹ Rieber. *The Sedimentary Society* (см. ссылку 103).

¹¹⁰ Colin M. McLachlan and Jaime E. Rodrigues. *The Forging of the Cosmic Race: A Reinterpretation of Colonial Mexico*. Berkeley, 1980.

Глава 3

¹ О проблемах, связанных со статистическими источниками, см.: Кахан, *Russian Economic History*, с. 199–214; Повалшин А.Д. *Состояние Рязанской губернии в половине 19 столетия (1848–1874 гг.)*. Рязань, 1895. С. 3–4.

² Chartier. *Intellectual History or Sociocultural History?* P. 39–40 (см. гл. 1, ссылка 56).

³ Лучший анализ статистических источников в: Миронов, *Русский город*; Кабузан. *Народонаселение России*. О данных, восходящих к временам Московского государства, см.: Водарский Я.Е. *Население России в конце XVII–начале XVIII века*. М., 1977.

⁴ Кабузан. *Народонаселение России*; Кабузан В.М. и Шепукова Н.М. *Табель петровой ревизии народонаселения России (1718–1727 гг.)* //Исторический архив, №3 май–июнь 1959. С. 126–165; РГАДА, ф.248, кн.1163, ч.2; лл. 964–1017.

⁵ РГАДА, ф.248, кн.695; 711; 1117; 1163, ч.1–2; 1920.

⁶ РГАДА, ф.248, кн.711; оп.10, кн.908; ф.291, оп.1, ч.1, дд.53, 67, 517, 1720; ф.540, оп.1, д.1101. В случае с казаками такое разделение продолжалось до падения царского режима, в то время как однодворцы стали частью свободного сельского населения после отмены крепостного права. McNeal, *Tsar and Cossack*.

⁷ РГАДА, ф.291, оп.1, ч.1, д.5 (1720 г.).

⁸ По закону 1723 г. требовался минимальный капитал в пятьсот рублей (для Петербурга – триста) при регистрации в посаде.

⁹ В 1744 г. Псковская ратуша просила Главный магистрат разрешить регистрацию местных разночинцев, женатых на купеческих вдовах и дочерях, и

владевших домами, лавками и фабриками, находившимися в пределах города (упоминались как «купцы»). Местные служащие очень хотели приписать их к посаду; так как из 980 мужских душ, зарегистрированных во Пскове во время первой ревизии, осталось только 364 человека, которые платили все налоги и исполняли службу, на которую требовалось привлечение одновременно 86 человек. РГАДА, ф.291, оп.1, ч.1, д.639. Подобные случаи см.: РГАДА, ф.291, оп.1, ч.1, дд.521, 888, 1252, 2397, 2399, 2839, 3783.

¹⁰ РГАДА, ф.291, оп.1, ч.1, д.3654.

¹¹ Одному отставному солдату как раз была позволена незаконная торговля в 1770 г., когда он подал прошение о регистрации в качестве московского купца. Хотя он и владел капиталом в пятьсот рублей, он считал опасным делом несанкционированную торговлю. РГАДА, ф.291, оп.1, ч.4, д.16133. О таком же случае с купцом из Брянска, который проживал и работал в Москве до изменения своего легального места жительства, см.: РГАДА, ф.713, оп.1, д.827. Полное рассмотрение экономических проблем, связанных с разночинцами, см. в гл. 4.

¹² РГАДА, ф.291, оп.1, ч.1, дд.765, 1709, 1085, 1252. О регистрации разночинцев, которые избежали подушного налогообложения в Санкт-Петербурге и Астрахани, см.: РГАДА, ф.291, оп.1, ч.1, д.633.

¹³ Главный магистрат решительно отказался регистрировать незаконных детей и лиц не установленного происхождения, поскольку их приемные отцы, очевидно, не были посадскими. РГАДА, ф.291, оп.1, ч.1, дд.1215, 1432.

¹⁴ РГАДА, ф.248, кн.1163, ч.2, лл. 858об. – 859об.; ф.291, оп.1, ч.1, дд.1215, 1252, 1432, 1940, 2014, 2101, 2211, 2409, 2470, 2698, 2911; ЦГИАГМ, ф.32, оп.17, д.1275. О постоянном сопротивлении местных властей регистрации лиц, которые не имели достаточно средств см.: ЦГИАГМ, ф.16, оп.13, д.236.

¹⁵ По иронии судьбы в пограничном городе Астрахани, где социальные категории были еще более неопределенными, разночинцы, несомненно, принадлежали к посаду и подпадали под власть магистрата. *СИРИО* // 134: 136–137, 216–217.

¹⁶ О включении разночинцев в городские общины см.: РГАДА, ф.291, оп.1, ч.4, дд.15329, 16831. О детях церковников и попов см.: РГАДА, ф.291, оп.1, ч.4, д.18187; ф.713, оп.1, д.440; ЦГИАГМ, ф.54, оп.1, дд.524, 539, 1859. О прошениях монетчиков, отпущенных с казенной службы по болезни, см.: РГАДА, ф.291, оп.1, ч.4, д.18040.

¹⁷ В 1782 г. власти Нижегородской губернии установили, что сорок государственных крестьян не были включены в податной оклад. В.И.Снежинский. *Опись журналам нижегородского наместнического правления (за 1781–1783 гг.)* // ДНГУАК /Сборник статей сообщений, описей, дел и документов. Нижний Новгород, 1898. Т. 3. С. 128. В 1794 г. одна цыганская семья хотела зарегистрироваться в качестве московских мещан, но из-за указа Сената 1783 г., который приравнял их к государственным крестьянам, власти причислили их к экономическим крестьянам Московской губернии. ЦГИАГМ, ф.54, оп.1, д.1098. В 1795 г. бывший монастырский слуга просил о регистрации в московской ремесленной гильдии. Архи-

вные материалы ничего не говорят о результатах этого прошения, но московский монастырь, где служил проситель, был закрыт еще в правление Екатерины Великой, а во времена 4-й ревизии он и его семья были включены в подушный оклад одной деревни в Казанском наместничестве — эту деревню они так никогда и не посетили. ЦГИАГМ, ф. 54, оп. 1, д. 1088.

¹⁸ В 1777 г. Главный Магистрат обратился в Сенат по поводу спора с Тульским наместническим правлением о сыновьях одного умершего ямщика, который был зарегистрирован московским купцом. Для того чтобы получить освобождение от службы, которую он выполнял для яма, бывший ямщик согласился платить по семь рублей в год. В 1781 г. ям потребовал, чтобы его три сына внесли в счет этого платежа 750 рублей за период с 1767 по 1779 г. По документам Главного Магистрата сыновья владели капиталом более трех тысяч рублей и на основе законодательства времен Екатерины не были больше податными и не должны были выполнять обязанности ямщиков. Результат этого прошения неизвестен, но к 1782 г. Сенат все еще не ответил. РГАДА, ф. 291, оп. 1, ч. 4, д. 18211. Ссылку на разночинцев как незаконных торговцев см.: РГАДА, ф. 291, оп. 1, ч. 4, д. 15330 (1769 г.), д. 19880 (1779 г.); ЦГИАГМ, ф. 1036, оп. 1, д. 10 (1792 г.). Такое употребление также часто встречается в городских наказах Уложенной комиссии.

¹⁹ LeDonne. *Ruling Russia*. P. 269–290.

²⁰ РГАДА, ф. 248, кн. 3356, лл. 328–59 об.; ф. 633, оп. 2, дд. 25, 40; ф. 494, оп. 1, дд. 2836, 2904, 3073; ф. 291, оп. 1, ч. 4, д. 16934. Во времена 2-й ревизии много разночинцев проживало в Астрахани, в то время все еще пограничном городе, где беглым было разрешено свободное поселение. РГАДА, ф. 291, оп. 1, ч. 1, д. 2060.

²¹ РГАДА, ф. 494, оп. 1, д. 2843.

²² СИРИО, 134, с. 432–433.

²³ Там же, с. 402–404.

²⁴ РГАДА. Госархив, разряд 24, оп. 2, д. 35. Такие же условия были характерны и для Европейской России, но в меньшем масштабе. Миронов. *Русский город*.

²⁵ РГАДА, ф. 494, оп. 1, д. 3108. Несколькоими годами позже, в 1772 г., разночинцы в Тутурской слободе (Илимское правление) определялись вместе с крестьянами как арендаторы или торговцы. Из двадцати разночинцев двенадцать занимались ремеслом и только пять не владели сельскохозяйственными угодьями. РГАДА, ф. 494, оп. 1, д. 3332.

²⁶ В то же самое время местные власти полагали, что казаки не были, строго говоря, податными и не несли служебных обязанностей; помимо этого, безземельных наемных рабочих и городских разночинцев необходимо было переселить и наделить землей. РГАДА, ф. 494, оп. 1, д. 3365.

²⁷ ПСЗ (II). Т. 27, № 26891.

²⁸ РГИА, ф. 571, оп. 1, д. 1414. О 90-х годах XVIII в. также: ЦГИАГМ, ф. 16, оп. 1, д. 762.

²⁹ Закон 1832 г. включал детей личных дворян и канцелярских служителей, отставных унтер-офицеров, церковников, до достижения ими 25-лет-

него возраста, детей, купленных у «киргизов, калмыков и других азиатов». ПСЗ (II). Т. 7, № 5842.

³⁰ Герман К.Ф. *Статистические исследования относительно Российской империи*. Ч. 1. СПб., 1819. С. 149–150; Кеппен Петр. *Девятая ревизия: Исследование о числе жителей в России в 1815 году*. СПб., 1857. С. 2, 8; Глаголев А. *Законы народонаселения в России* // Министерство внутренних дел. Статистическое отделение. *Материалы для статистики Российской империи*. СПб., 1841. отд. 1, 218; Кабузан. *Народонаселение России*; Кабузан и Шепукова. *Табель Петровой ревизии*; Анисимов. *Податная реформа*, 101–115.

³¹ Во многих случаях термин «разночинцы» даже не появился, хотя группы, по закону определенные как таковые, были включены. По поводу таблиц, суммирующих эти данные, см.: LeDonne John. *Police Reform in Russia: A Project of 1762* // *CMRS*. 32 (1991). P. 249–274; Hildermeier. *Bürgertum und Stadt*. P. 360–361, 364–365; Рындзюнский П.Г. *Городское население*; Рожкова М.К. *Очерки экономической истории России первой половины XIX века*. М., 1959. С. 284; Там же. *Городское гражданство*. С. 225, 263–266, 300, 338, 371; Копанев. *Население Петербурга*. С. 25, 43–46; Кизеветтер. *Посадская община*. С. 155. См. также: *Ведомость о народонаселении России за 1851 год, по 9 народной переписи* // ЖМВД, ноябрь, 1853, отд. 3. С. 61–76.

³² Хильдемайер анализирует противоречия при использовании правовой терминологии, связанной с городским населением. Hildermeier. *Bürgertum und Stadt*. P. 81–83.

³³ Используя данные полиции города Москвы, В. Андроссов включил разночинцев и канцелярских служащих в одну категорию. В другом месте, однако, он указывал, что разночинцы принадлежали к более низким классам вместе с крестьянами, мещанами и солдатами. Андроссов В. *Статистическая записка о Москве*. М., 1832. С. 52–53, 63. Иван Пушкарев определил разночинцев как «отставных служителей дворцовых, детей личных дворян и канцелярских служащих и, в общем, тех лиц, которые не были зарегистрированы в торговом или податном звании». Пушкарев Иван. *Описание Санкт-Петербурга и уездных городов Санкт-Петербургской губернии*. Ч. 1. СПб., 1839. С. 43–50.

³⁴ Герман. *Статистические исследования*. С. 164–165; Кеппен. *Девятая ревизия*. С. 8; Копанев. *Население Петербурга*. С. 43–45. О неудачных определениях категории разночинцев, несмотря на то что ее продолжали использовать в губернской документации, см.: Министерство внутренних дел. *Материалы для статистики Российской империи*. Т. 1. СПб., 1839; Там же. *Панорама Санкт-Петербурга*. Ч. 2. СПб., 1834. С. 84–86.

³⁵ А. Бушен. *Наличное население империи за 1858 год* // Министерство внутренних дел, Центральный статистический комитет. *Статистические таблицы Российской империи*. Вып. 2. СПб., 1863. С. 264.

³⁶ Ibid, 265–266, 288–289, 292–293, 314.

³⁷ В соответствии с «Табелью о рангах» Петра Великого по достижении по штатской службе восьмого класса автоматически даровалось потомственное дворянство, в то время как чины с девятого по четырнадцатый класс давали право на личное дворянство. С 1845 г. чин пятого класса и выше

даровал потомственное дворянство, чины с девятого по шестой – личное, а чин с четырнадцатого по десятый – личное почетное гражданство. По указу 1856 г. право получения потомственного дворянства даровалось с четвертого класса. Звание почетного гражданина, созданное в 1832 г., освобождало от воинской повинности, подушной подати и телесных наказаний. Шепелев. *Отмененные историей*. С. 11–16, 47–101.

³⁸ *Общие городские выборы в Санкт-Петербурге, по новому устройству // ЖМВД*. Ч. 16 (1846). С. 311–354; *Сборник постановлений по Санкт-Петербургскому общественному управлению*. СПб., 1860.

³⁹ Исследователи, изучающие историю городов, взгляды которых мы приводили в гл. 1, исходили из такого же понимания.

⁴⁰ Хотя правовые источники и данные переписи населения не определяли особо церковников и священников, отпущенных из церковного ведомства, как разночинцев, они могли включаться в различные светские категории в зависимости от их настоящей профессии, службы и типа образования. *Сборник распоряжений по Министерству народного просвещения*: В 2 т. СПб., 1866. Т. 1. С. 801–802. О законодательстве, связанном с этим вопросом, см. гл. 2 наст. работы.

⁴¹ Официальные данные о студентах и революционерах обобщены в работах: Brower. *Training the Nihilist*, 44; Зайончковский. *Правительственный аппарат*. С. 25–26; Pushkin. *Raznochintsy in the University*. P. 34, 52–57, 62–63; Врум. *A Note on the Raznochitsy*. P. 85; Лейкина-Свирская. *Интеллигенция в России*. С. 52–53, 60–65, 104–105, 110, 137–138, 150–151, 156–157, 162–163, 177, 298–299, 307–317. См. также: *Таблицы учебных заведений всех ведомств Российской империи с показанием отношения числа учащихся к числу жителей*. СПб., 1838.

⁴² ПСЗ (I). Т. 10, № 7226; *Описание документов и дел, хранящихся в архиве Св. Синода*: В 35 т. СПб., 1869–1916. Т. 20, прил. 10; Миронов. *Русский город*. С. 81–88, 148–149.

⁴³ Данные о народонаселении города Ярославля от 1843 г. также включали дворян, чиновников и разночинцев в одну и ту же графу. *Инвентарное описание губернского города Ярославля в 1843 году // ЖМВД*. Ч. 3. 1843. С. 249. Россыльщики не являлись полицейскими частями в современном значении службы безопасности. Их обязанности, как описывает Джон П. ЛеДонн, были ближе к обязанностям судебного исполнителя в США, т. е. они выполняли административно-судебные решения, связанные с наложением ареста на имущество, сбором штрафов или денежными расчетами. LeDonne. *Absolutism and Ruling Class*.

⁴⁴ Обычное значение термина «дворовые люди» как крепостные слуги здесь явно не подходит. Этот термин также мог относиться к мелким служащим, таким, какими были польская и украинская шляхта, чьи требования о признании их дворянского положения не признавались царским правительством. Когда эти люди не могли доказать документально свой дворянский статус за определенный период времени, они становились крестьянами или мешанами.

⁴⁵ ЦГАИАГМ, ф. 54, оп. 1, д. 911; ф. 203, оп. 754, д. 1296.

⁴⁶ ЦГАИАГМ, ф. 203, оп. 744, д. 1518.

⁴⁷ ЦГИАГМ, ф. 16, оп. 1, д. 337.

⁴⁸ Некоторые приходы имели значительное число разночинцев по отношению к общему числу прихожан, но это могло быть результатом местных особенностей, связанных с использованием терминологии. Имеется только один способ выяснить характер отклонений — следует предпринять локальные исследования, посвященные отдельным общинам. Даже в таком случае это не всегда дает ясный результат, так как данные для группы, которая считалась разночинной, будут весьма спорными.

⁴⁹ Точно так, как это делает Миронов, когда он «очищает» графу «разночинцев», удаляя «неразночинцев» (т.е. дворянство), чтобы сделать церковную статистику сравнимой с другими типами данных о народонаселении. Миронов. *Русский город*. С. 81–85.

⁵⁰ В течение всего XVIII в. сыновья священников постоянно искали и добивались освобождение от церковного ведомства, чтобы стать мастерами монетных и печатных дворов. ЦГИАГМ, ф. 203, оп. 753, дд. 162, 295, 1011, 1442; оп. 754, д. 554.

⁵¹ В эти данные также не включены сведения о четырех крещениях, потому что, хотя один из крестных отцов был из подгруппы разночинцев, родители были или купцами, или мещанами, или цеховыми.

⁵² Печатная форма для исповедальных списков, которая использовалась в церквях Замоскворецкого сорока в 1856 г., имела графы: церковное ведомство; военные; казенные; купечество, мещане, цеховые и другие городские жители; дворовые; крестьяне. ЦГИАГМ, ф. 203, оп. 747, д. 1712.

⁵³ ЦГИАГМ, ф. 203, оп. 747, д. 392, лл. 15, 91; д. 422, лл. 13, 196, 265; д. 603, л. 14; д. 872, л. 10.

Глава 4

¹ В эпоху Петра военная служба в России была пожизненной, срок службы был сокращен до двадцати пяти лет в 1793 г. и до двадцати — в 1834.

² Считалось, что отставные солдаты имеют паспорта с отметками соответствующих властей лобой местности, где они селились. По поводу права отставных солдат изменять местожительство см.: *ПВМ*, 9 января 1843, №4. Об их праве не выбирать постоянное местожительство см.: ЦГИАГМ, ф.32, оп. 12, д. 322.

³ *ПВМ*, 17 августа 1842, № 90. Некоторые солдаты могли иметь артельные деньги, которые становились их собственностью после отставки. *Wirtschaftler. Russian Soldier*. P. 79.

⁴ Подробнее о том, как выживали отставные солдаты, см.: *Wirtschaftler, Social Misfits*.

⁵ Местные архивы содержат много данных об официальных увольнениях, свидетельствующих о возвращении солдат в семьи. РГАДА, ф. 441, оп. 1, дд. 379, 774; ЦГИАГМ, ф. 32, оп. 12, д. 386; ф. 54, оп. 1, дд. 1194, 1501, 1795. О том, как уволенные солдаты принимались в крестьянские общины и о том, насколько легко они интегрировались в социальный

порядок, см.: Черняковский Н. *Статистическое описание ишимского округа Тобольской губернии* // ЖМВД. Ч. 2. 1843. С. 251–252.

⁶ Энский Федор. *Отставные солдаты*. СПб., 1873. С. xxxvii–xxxviii.

⁷ Андроссов. *Статистическая записка*. С. 181–182. О солдатах, занимающихся проституцией и торгующих беспризорными детьми, см.: David L. Ransel. *Mother of Misery: Child Abandonment in Russia*. Princeton, 1988. P. 21–22, 154–158. Жены отставных солдат, жены бывших подопечных императорских приютов для найденышей и жены казенных приказных служителей сталкивались с подобными проблемами и также могли получить паспорта, которые разрешали свободное поселение в том случае, если их мужья погибли, пропали без вести или не могли более их обеспечивать. ЦГИАГМ, ф. 54, оп. 1, дд. 809, 901, 1486, 1795, 2479. В 1799 г. московские власти отказались выдать паспорт женщине, которая заявила, что является законной женой бывшего воспитанника приюта. Хотя она представляла заявление от священника, доказывающее ее брак, она не смогла доказать документально, где она проживала со своим подозрительным мужем, который был отправлен в смиренный дом. Там же, д. 1602.

⁸ В одном случае канцелярский служитель, который нанял солдатскую жену и усыновил ее незаконных детей, заявил, что она является женой его дворового, и продал ее другому дворянину. Женщину со временем освободили, после того как ее подлинный хозяин свидетельствовал, что она действительно жена солдата. Ее дети, однако, оставались крепостными, так как они были воспитаны и содержались ее первым нанятелем и были приписаны к нему в шестую ревизию. Снежневский В.И. *Опись делам арзамасского уездного суда. 1804–1847* // ДНГУАК. Вып. 6. Нижний Новгород, 1889. С. 270–271. Так же, *Опись делам арзамасского уездного суда* // ДНГУАК. Вып. 5. Нижний Новгород, 1889. С. 188. Снежневский В.И. *История побегов крепостных в последней четверти XVIII и в XIX столетиях* // Нижегородский сборник. 10. Нижний Новгород, 1890. С. 566–567.

⁹ Чулков М.Д. *Пригожая повариха, или похождения развратной женщины* // Кокорев А.В. *Хрестоматия по русской литературе XVIII века*. М., 1965.

¹⁰ Kimerling [Wirtschaftler]. *Soldiers' Children*; Kimerling [Wirtschaftler]. *Russian Soldier*. P. 35–38; Beatrice Farnsworth. *The Soldatka: Folklore and Court Record* // SR. 49. 1990. P. 58–73.

¹¹ Очевидно, что соответствие между незаконным рождением и неопределенным социальным положением не ограничивалось теми случаями, которые были связаны с солдатскими детьми, но вследствие того, что правительство было заинтересовано в этих детях как в источнике живой силы для армии, в правовом отношении они числились за военным ведомством; материалы об этой группе имеются в избытке. Полнее категория солдатских детей представлена: Kimerling [Wirtschaftler]. *Soldiers' Children*. Подробнее о проблеме нежелательных детей см.: Ransel. *Mothers of Misery*.

¹² Подробно о законодательстве 1816 г. см.: Kimerling [Wirtschaftler]. *Soldiers' Children*. По поводу жалобы дворового крепостного, который выяснил, что он незаконный сын солдатской жены, и полагал, что это дает ему

возможность самостоятельно выбирать место в жизни (т.е. зарегистрироваться в податной категории). См.: ЦГИАГМ, ф. 54, оп. 1, д. 2021.

¹³ *Опись делам арзамасского уездного суда*. Вып. 5. 1889. С. 178, 186, 195–196 (см. ссылку 8); Снежневский. *Опись делам арзамасского уездного суда 1804–1847*. С. 254 (см. ссылку 8); там же, *Опись делам арзамасского уездного суда // ДНГУАК*. Т. 1. Вып. 7. Нижний Новгород, 1890. С. 288, 299. О таких же спорах в 1840 г., см.: ЦГИАГМ, ф. 16, оп. 13, д. 188, 449.

¹⁴ Снежневский. *Опись делам арзамасского уездного суда, 1804–1847*. С. 159–160, 265.

¹⁵ *Опись дел Пермской ученой архивной комиссии, высланных из Сенатского архива, ТПУАК*. Вып. 3, отд. 2. Пермь, 1897. С. 56–57.

¹⁶ В одном случае, произошедшем в 40-х годах XIX в., незаконный сын солдатки хотел освободиться от власти помещика в возрасте сорока лет, что предотвращало его призыв на военную службу. ЦГИАГМ, ф. 16, оп. 13, д. 238. Снежневский. *Опись делам арзамасского уездного суда, 1804–1847*. С. 266 (см. ссылку 8). О попытках солдатских жен скрыть своих незаконных детей см.: ЦГИАГМ, ф. 54, оп. 1, д. 1478; Kimerling [Wirtschaftler]. *Soldiers' Children*.

¹⁷ РГАДА, ф. 441, оп. 1, д. 946; ЦГИАГМ, ф. 54, оп. 1, дд. 1662, 2060. О попытках отставных солдат и солдатских жен освободить своих сыновей от военной службы см.: ЦГИАГМ, ф. 16, оп. 13, дд. 1489, 1499.

¹⁸ *Опись делам арзамасского уездного суда*. Вып. 5. 1889. С. 181, 191–193 (см. ссылку 8); Снежневский В.И. *Опись делам нижегородского городского магистрата, 1745–1775 // ДНГУАК*. Т. 1. Вып. 12–14. Нижний Новгород, 1894. С. 41; *Опись дел Пермской ученой архивной комиссии, высланных из Сенатского архива*. С. 57–58 (см. ссылку 15).

¹⁹ О призыве в армию лишних священников, о социальных условиях проживания церковных служащих и о нуждах церкви см.: Freeze. *The Parish Clergy*; Gregory L. Freeze. *The Russian Levites: Parish Clergy in the Eighteenth Century*. Cambridge, Mass., 1977. О прошениях по поводу назначения на государственную службу, которые подавали сыновья священников, не рукоположенные в сан церковные слуги и канцелярские служители, см.: ЦГИАГМ, ф. 203, оп. 753, дд. 162, 295, 1011; оп. 754, дд. 554, 1060, 1061; РГАДА, ф. 291, оп. 1, ч. 4, дд. 20388, 21299. О прошении сына дьякона, которому московский епархиальный суд отказал в освобождении в 1761 г., см.: ЦГИАГМ, ф. 203, оп. 753, д. 1442. О случае церковного сторожа, посланного в армию в 1785 г., см.: ЦГИАГМ, ф. 203, оп. 753, д. 1007. Об исключении из церковного ведомства одного монаха, соответственно зарегистрированного среди горожан, см.: ЦГИАГМ, ф. 16, оп. 13, д. 295. О приоритете, который был дан военному ведомству при регистрации лишних священников, см.: ЦГИАГМ, ф. 54, оп. 1, д. 2718. Об освобождении и соответствующей регистрации детей священников и церковных служащих среди горожан и купеческих категорий, см.: ЦГИАГМ, ф. 54, оп. 1, дд. 911, 1831. О священнике, который стал государственным крестьянином, потому что не мог официально служить в церкви, см.: *Опись дел Пермской ученой архивной комиссии, высланных из Сенатского архива*. 16 (см. ссылку 15). О назначении семинаристов учителями казенных школ, см.: Снежнев-

кий. *Опись журналам нижегородского наместнического правления (за 1781–1783 гг.)*. С. 216, 133 (см. ссылку 17 к гл. 3).

²⁰ О казенных приказнослужителях, уволенных со службы за неприемлемое поведение или некомпетентность, см.: ЦГИАГМ, ф. 54, оп. 1, д. 1907; Снежневский В.И. *Опись делам макарьевского уездного суда (1750–1806) //ДНГУАК*. Т. 1. Вып. 8. Нижний Новгород, 1890; там же, *Опись делам и документам нижегородского городского магистрата, 1782–1786 //ДНГУАК*. Т. 1. Вып. 12–14. Нижний Новгород, 1894. С. 113; там же, *Опись журналам нижегородского наместнического правления (за 1781–1783 гг.)*. С. 102–103, 105, 108, 142, 180, 200 (см. гл. 3, ссылку 12).

²¹ В наказах Уложенной комиссии пятеро копиистов из Нижнего Новгорода просили, чтобы купцы, которые служили постоянными членами магистрата, получали жалованье и были исключены из податных списков, т.е., чтобы они были бы формально исключены из списков купечества //СИРИО. 134. С. 15–16.

²² LeDonne. *Absolutism and Ruling Russia*.

²³ О проблеме неограниченной власти знатных помещиков над их крепостными см.: Isabel de Madariaga. *Catherine II and the Serfs: A Reconsideration of Some Problems //SEER*. 52. № 126, January 1974. P. 34–62. О неопределенном положении дворянства см.: *Noblesse état et société Russie XVI–début du XIX siècle //CMRS*. 34. 1993. Даже Джон П. ЛеДонн, который изображает правящий класс «с привилегиями, которые делали его положение совершенно иным по сравнению с остальным населением», отмечает, что на гражданской службе секретари и клерки, а также находящиеся на действительной военной службе офицеры «сформировали человеческий ресурс, который отчасти скрывает явные различия между правящим классом и зависимым населением, но с их помощью правящий класс увеличивает число точек соприкосновения с простым населением так же, как и свою власть над ним». LeDonne. *Absolutism*. vii. С. 60.

²⁴ Часть этих данных обобщена в следующих исследованиях: Троицкий. *Русский абсолютизм*, и Зайончковский. *Правительственный аппарат*.

²⁵ РГВИА, ф. 395, оп. 325, д. 10, лл. 10–11.

²⁶ *Отчет министерства юстиции за 1845*. Санкт-Петербург, 1846. С. xix; *Отчет министерства юстиции за 1846*. Санкт-Петербург, 1847. С. xli.

²⁷ РГВИА, ф. 801, оп. 60, д. 29, лл. 60б–8. Польские шляхтичи, которые не могли документально подтвердить свое происхождение, становились «однодворцами» с правом восстановить дворянский статус на военной службе так же, как и их русские коллеги. *Отчет министерства юстиции за 1845*. С. li.

²⁸ Wirtschafter. *Russian Soldier*. P. 33–34, 44–49.

²⁹ Так, в 1782 г. два фабриканта из Нижнего Новгорода просили об исключении из податного сословия и причислении к дворянам по праву происхождения. Снежневский. *Опись журналам нижегородского наместнического правления (за 1781–1783 гг.)*. С. 156 (см. гл. 3, ссылку 17).

³⁰ Об утрате дворянских прав из-за уголовных правонарушений см.: ЦГИАГМ, ф. 54, оп. 1, д. 1139 (1797 г.). См. также материалы о трибуналах: Wirtschafter. *Russian Soldier*.

³¹ ЦГИАГМ, ф. 54, оп. 1, д. 256.

³² РГВИА, ф. 801, оп. 61/2, д. 250, л. 947–55 об.

³³ Всестороннее изучение социальных последствий имперской экспансии, включая ее воздействие на определение границ элиты, см.: Kappeler Andreas. *Russland als Vielvölkerung*; idem, *Russland Erste Nationalitätien*; и *Noblesse, état et société en Russie*.

³⁴ РГВИА, ф. 801, оп. 61, д. 202, л. 390–93.

³⁵ Это хорошо показано в романе Сергея Аксакова «Русский джентльмен».

³⁶ Джон П. ЛеДонн полагает, что категория личных дворян только подразумевалась законодательством, которое учреждало «Табель о рангах», и реально не была введена до Жалованной грамоты дворянству 1785 г. Даже если это и так, «Табелью о рангах» было действительно определено, что дети штатских служащих недворянского происхождения, которые не достигали восьмого чина, не становились дворянами; считались эти чиновники личными дворянами или нет, последствия их положения, связанные с общими проблемами проведения социальных границ, были такими же. LeDonne. *Absolutism*. 318. N. 5.

³⁷ Троицкий. *Русский абсолютизм*. С. 208–209, 242–243.

³⁸ РГВИА, ф. 14414, оп. 10/291, св. 60, д. 326, ч. 21.

³⁹ Другим источником неопределенности было признание отдельных претендентов дворянскими собраниями в губерниях на основе лжесвидетельства; эта практика продолжалась в XIX веке и позволяла членам правящего класса расширять и консолидировать патронажные сети, на которых покоилась их власть. Взятничество, очевидно, также играло свою роль в этом процессе. LeDonne. *Absolutism*. P. 9–11. До 1782 г. полковые командиры в районе Смоленска незаконно принимали однодворцев на военную службу как дворян // ПСЗ (I). Т. 21, № 15500.

⁴⁰ LeDonne. *Absolutism*. P. 60.

⁴¹ Ibid., 13–15. Еще в 1764 г. даже крепостные, отпущенные своими хозяевами, получали назначение на государственную службу. РГАДА, ф. 248, оп. 42, д. 3574, л. 245.

⁴² РГАДА, ф. 248, кн. 3301, лл. 528–31 об.; кн. 3352, лл. 484–89; LeDonne. *Absolutism*. P. 14, 56–58.

⁴³ Robert E. Jones. *The Emancipation of the Russian Nobility, 1762–1785*. Princeton, 1973.

⁴⁴ СИРИО, 90: 485–86.

⁴⁵ СИРИО, 90: 572.

⁴⁶ О законодательстве, которое регулировало закрепощение и устанавливало право владеть крепостными, см. гл. 2.

⁴⁷ *Опись делам арзамасского уездного суда*. Вып. 5. 1889. С. 176–177 (см. ссылку 8).

⁴⁸ Там же, 174–175.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Снежневский. *Опись журналам нижегородского наместнического правления (за 1781–1783 гг.)*. С. 225 (см. гл. 3, ссылку 17). Подобный доклад, датированный 1787 г., см.: Снежневский. *Опись делам нижегородского*

городового магистрата, 1780–1798 // ДНГУАК. Т. 1. Вып. 11. Нижний Новгород, 1891. С. 578–579.

⁵¹ Мать этого ребенка работала на свою хозяйку только пять лет. *Опись делам арзамасского уездного суда*. Вып. 5. 1889. С. 191 (см. ссылку 8). Такой же случай см.: Снежневский. *К истории побегов*. С. 559–560.

⁵² Снежневский. *Опись дел и документов нижегородского городского магистрата за 1787–1861 гг.* // ДНГУАК. Сборник статей, сообщений, описей, дел и документов. Т. 2. Вып. 15. Нижний Новгород, 1895. С. 65–66; Там же, *Опись делам арзамасского уездного суда*. Вып. 5. 1889. С. 192–193 (см. ссылку 8 выше).

⁵³ Снежневский. *Опись делам арзамасского уездного суда, 1804–1847*. С. 260–261 (см. ссылку 8). Во время продолжительной юридической процедуры человек оставался в крепостном состоянии. В одном случае мещанин из Нижнего Новгорода незаконно владел крепостной в течение двадцати лет, из которых десять лет длилось юридическое разбирательство. Там же. С. 269–270. Подобным образом, в апреле 1782 г. Нижегородский городской магистрат начал расследование состояния нескольких дворовых крепостных, чей отец, мещанин заявил, что он и его дети были освобождены в 1753 году их хозяином купцом, но наследник этого купца вновь закрепостил его детей. Снежневский. *Опись журналам нижегородского наместнического правления (за 1781–1783 гг.)*. С. 129 (см. гл. 3, ссылку 17).

⁵⁴ РГИА, ф. 1149, оп. 2, д. 20, л. 25–25 об.

⁵⁵ Разночинцы также использовали поддельные «верющие» письма, чтобы документально подтвердить право на владение крепостными. Снежневский. *Опись делам арзамасского уездного суда, 1804–1847*. С. 269–270 (см. ссылку 8). В 1804 г. власти Нижегородской губернии приписали бывшего ученика сапожника к государственным крестьянам, после того как было обнаружено, что он незаконно был крепостным одного чиновника в течение одиннадцати лет. Снежневский. *Опись делам васильского уездного суда* // ДНГУАК. Вып. 5. Нижний Новгород, 1889. С. 173–174.

⁵⁶ Если это становилось известным, виновные стороны платили штраф. См. описание одного случая от 1831 г., связанного со священником и знатным помещиком в: Снежневский. *Опись делам нижегородского уездного политического управления* // ДНГУАК. Т. 1. Вып. 7. Нижний Новгород, 1890. С. 318–319. О длительной незаконной эксплуатации крепостных на основе «верющих» писем, см.: Снежневский. *К истории побегов*. С. 551–552.

⁵⁷ О сложном случае 1808 г., в котором участвовали два купца и трое дворян, хорошо юридически документированном, с указанием имен дворян, см.: Снежневский. *Опись делам арзамасского уездного суда*. Вып. 5. 1889. С. 176–177 (см. ссылку 8).

⁵⁸ В 1791 г. в одну такую сделку были вовлечены купец, дворянин и беглый солдат. Снежневский. *Опись делам арзамасского уездного суда*. Вып. 5. 1889. С. 179 (см. ссылку 8). По поводу поимки и продажи мещан и лиц, исключенных из церковного ведомства как рекрутов, см.: Там же, 183–184; Снежневский. *Опись делам нижегородского уездного суда, 1846–1868* // ДНГУАК. Т. 1. Вып. 11. Нижний Новгород, 1891. С. 555–556.

⁵⁹ ЦГААГМ, ф. 54, оп. 1, д. 1775.

⁶⁰ РГИА, ф. 1149, оп. 2, д. 44, л. 39 об.

⁶¹ РГИА, ф. 1149, оп. 2, д. 20, лл. 14–17 об.; д. 44, лл. 27 об.–28.

⁶² РГИА, ф. 1149, оп. 2, д. 44, л. 27–27 об.

⁶³ РГИА, ф. 1149, оп. 1, д. 12, лл. 2–3 об.

⁶⁴ Такие злоупотребления были широко распространены, что заставило правительство, начиная с 1816 г., попытаться отрегулировать природу и сроки таких рабочих контрактов. Крепостных можно было доверять только зарегистрированным ремесленникам с максимальным сроком на пять лет; однако возобновление таких контрактов не запрещалось. РГИА, ф. 1149, оп. 2, д. 44. См. также: СИРИО. 4. С. 365.

⁶⁵ Wirtschafter. *Russian Soldier*. P. 19–20; Victoria E. Bonnell. *Roots of Rebellion: Workers' Politics and Organization in St. Petersburg and Moscow, 1900–1914*. Berkeley, 1983. P. 20–71; Victoria E. Bonnell. *Russian Worker: Life and Labor under the Tsarist Regime*. Berkeley, 1983.

⁶⁶ *Опись делам Пермской ученой архивной комиссии, высланных из Сенатского архива*. С. 59–60 (см. ссылку 15).

⁶⁷ Снежневский. *Опись делам макарьевского уездного суда, 1811–1863 // ДНГУАК*. Т. 1. Вып. 9. Нижний Новгород, 1890. С. 418.

⁶⁸ Там же. С. 418–419.

⁶⁹ Снежневский. *Опись делам семеновского уездного суда, 1831–1867 // ДНГУАК*. Т. 1. Вып. 7. Нижний Новгород, 1890. С. 329.

⁷⁰ О значении беглых как источника для развития наемного труда см.: Козлова Н.В. *Наемный труд в городах Подмоскovie во второй четверти XVIII в. // Русский город*. Вып. 6. М., 1983. С. 102–126.

⁷¹ Шипов. *История моей жизни* (см. гл. 1, ссылку 49 выше). О поддельных паспортах см.: РГАДА, ф. 633, оп. 2, д. 26 (1751 г.); Снежневский. *Опись делам нижегородского уездного суда, 1846–1868*. С. 555–556 (см. ссылку 58); Там же. *К истории побегов*. С. 527–528. О попытках Сената в конце XVIII в. контролировать регистрацию дезертиров из армии на местах см.: ЦГИАГМ, ф. 16, оп. 1, д. 195.

⁷² Снежневский. *Опись журналам нижегородского наместнического управления (за 1781–1783 гг.)*. С. 89–93 (см. гл. 3, ссылку 17). Один беглый крестьянин, который просил о регистрации в 1789 г., попал в руки местных властей, которые отдали крестьянина его же родственнику, деревенскому священнику. Он пожаловался местному губернатору, и тот в 1783 г. разрешил это дело в его пользу. Там же. С. 189. Также см.: Снежневский. *К истории побегов*. С. 517–595.

⁷³ Снежневский. *К истории побегов*. С. 526–527, 574–575.

⁷⁴ Решение суда не упоминает других детей этой женщины, за исключением одной дочери, чья свобода была куплена за двадцать рублей. Вероятно, другие дети, чьи отцы являлись частновладельческими крепостными, оставались в собственности помещиков. Снежневский. *Опись делам васильского уездного суда*. С. 161–162 (см. ссылку 55).

⁷⁵ Снежневский. *Опись дел и документов нижегородского городского магистрата за 1787–1861 гг.* С. 73–74 (см. ссылку 52).

⁷⁶ Необходимо серьезно и систематически исследовать межсословные браки; предположение, которое основывается на воспоминаниях и юриди-

ческих источниках, свидетельствует о том, что это был значительный феномен русской жизни.

⁷⁷ Снежневский. *Опись дел и документов нижегородского городского магистрата за 1787–1861 гг.* С. 32–34 (см. ссылку 52).

⁷⁸ РГИА, ф. 1149, оп. 1, д. 12; оп. 2, дд. 20, 44, 90, оп. 3, д. 125.

⁷⁹ Как только бывший крепостной регистрировался в свободном сословии, он не мог быть возвращен в крепостное рабство. РГИА, ф. 1149, оп. 2, д. 44.

⁸⁰ РГИА, ф. 1149, оп. 2, дд. 20, 90.

⁸¹ Основные мнения по этому вопросу см.: William Blackwell ed. *Russian Economic Development from Peter the Great to Stalin*. N.Y., 1974; Jan Blanchard. *Russia's «Age of Silver»: Precious-Metal Production and Economic Growth in the Eighteenth Century*. N.Y., 1989; Olga Crisp. *Studies in the Russian Economy before 1914*. London, 1976; Alexander Gerschenkron. *Problems and Patterns of Russian Economic Development*/Cyril Black ed. *The Transformation of Russian Society: Aspects of Social Change since 1861*. Cambridge, Mass., 1960. P. 42–72; Arcadius Kahan. *The Plow, the Hammer, and the Knout: An Economic History of Eighteenth-Century Russia*. Chicago, 1985; Thomas C. Owen. *The Corporation under Russian Law, 1800–1917: A study in Tsarist Economic Policy*. Cambridge, 1991; Walter McKenzie Pintner. *Russian Economic Policy under Nicholas I*. N.Y.: Ithaca, 1967; Peter Lyashchenko. *History of the National Economy of Russia*. N.Y., 1949; Rozman. *Urban Networks*; Mikhail I. Tugan-Baranovsky. *The Russian Factory in the Nineteenth Century*. Homewood, Ill., 1970.

⁸² По мнению Джона ЛеДонна, патронажные связи в первую очередь служили укреплению власти правящего класса. LeDonne. *Absolutism*.

⁸³ РГАДА, ф. 291, оп. 1, ч. 1, д. 2923.

⁸⁴ Имеющие отношение к этому сюжету разночинцы подпали под власть уездной администрации или властей Дмитровского церковного ведомства. Главный магистрат послал должностное лицо разобраться с этой проблемой, но исход дела не известен. ЦГИАГМ, ф. 32, оп. 17, д. 1275.

⁸⁵ Крестьяне и разночинцы иногда имели собственность, расположенную на податных землях, не регистрируясь в посаде, если они достигали соглашения с местными властями и выплачивали соответствующие налоги (оброчные деньги). Реально они арендовали собственность у города и платили некую форму ренты, сравнимую с рентой, которую выплачивали государственным крестьянам. РГАДА, ф. 291, оп. 1, ч. 1, д. 67. Такие же отчеты из других местностей. См.: РГАДА, ф. 291, оп. 1, ч. 1, д. 397, 1795, 3274, 2580, 2698, 3783.

⁸⁶ РГАДА, ф. 291, оп. 1, ч. 1, д. 639. Разночинцы из города Тара (Тобольское правление) работали прежде всего ремесленниками. Там же, д. 3783.

⁸⁷ РГАДА, ф. 713, оп. 1, д. 827.

⁸⁸ Трое таких крепостных из поместья князя Голицына были исключены из купечества Санкт-Петербурга только после того, как хозяин узнал их и обратился с прошением об их возвращении. РГАДА, ф. 291, оп. 1, ч. 1, д. 397.

⁸⁹ Там же, д. 888.

⁹⁰ Последующее обсуждение основано на материалах: *СИРИО*. Т. 8. С. 93, 107 и 134.

⁹¹ *СИРИО*. 93. С. 299–300.

⁹² Kahan. *The Plow*. P. 343–345.

⁹³ О разночинцах как источнике рабочей силы для горных разработок и производственных предприятий см.: РГАДА, ф. 248, кн. 3356, л. 328–359 об.

⁹⁴ В 1769 г. один купец из Чебоксар просил Главный магистрат позволить ему ограничивать торговлю разночинцев, так как местные власти ничего не делали, чтобы предотвратить незаконные операции. РГАДА, ф. 291, оп. 1, ч. 4, д. 15330. По поводу жалоб в Главный магистрат о том, что воеводские канцелярии не могли помочь городским властям в распределении квартирантской повинности см.: Там же, д. 15486.

⁹⁵ Административные границы и юрисдикция также неоднократно изменялись, пока, наконец, Александр I реформой министерств не создал более стабильную структуру. О ее особенностях см.: LeDonne. *Absolutism*.

⁹⁶ РГАДА, ф. 291, оп. 1, ч. 4, д. 19880 (1779 г.); ЦГИАГМ, ф. 1036, оп. 1, д. 10 (1792 г.).

⁹⁷ Доказательство такого же положения в 90-е годы XVIII в. и 70-е годы XIX см.: Снежневский. *Опись дел и документов нижегородского городского магистрата за 1787–1861 гг.* С. 8–9, 20, 30–32, 85 (см. ссылку 52).

⁹⁸ *Сборник сведений и материалов по ведомости министерства финансов*. Т. 3. № 11. СПб., 1865. С. 281–317; РГИА, ф. 1167, оп. 16, д. 102.

⁹⁹ То же самое можно сказать о крестьянах, отставных солдатах и солдатских вдовах. Андроссов. *Статистическая записка*. С. 31, 180–82.

¹⁰⁰ *Министерство финансов, 1802–1902*. Ч. 1. СПб., 1902. С. 74–88; РГИА, ф. 1167, оп. 16, д. 102. О предложении разрешить вести внутреннюю торговлю за пошлину в пятьдесят рублей см.: Там же, д. 224.

¹⁰¹ Шипов. *История моей жизни* (см. гл. 1, ссылку 49).

¹⁰² О географической мобильности см.: Миронов. *Русский город*, а также: Hildermeier. *Bürgertum und Stadt*.

¹⁰³ Две группы русского общества – евреи и староверы – добились больших экономических успехов именно за счет силы их независимых (хотя не всегда законных) общинных структур.

¹⁰⁴ Репрессии, очевидно, сыграли свою роль в том, что организация все время оставалась слабой.

Глава 5

¹ Цит. по: Rose L. Glickman. *The Literary Raznochintsy in Mid-Nineteenth Century Russia*//Ph. D. diss. University of Chicago, 1968. P. 104.

² В отличие от законодательных источников и опубликованных вариантов наказов, адресованных Уложенной комиссии, в которых я достаточно уверена, так как прочла их целиком, я не могу сделать такого заявления

относительно литературных, публицистических и мемуарных источников, на материале которых почти полностью основана данная глава.

³ СИРИО, 147. Р. 26–27.

⁴ СИРИО, 134. С. 470–473. Для сравнения употреблений см.: СИРИО, 144: 79–84.

⁵ СИРИО, 8. С. 189–190.

⁶ Городские наказания опубликованы в СИРИО, 144 С. 79–84.

⁷ СИРИО, 8. С. 98–101, 182–183; 68. С. 509; 144. С. 29–33, 104–105, 345–351, 377–383, 417–423, 438; 147. С. 119.

⁸ СИРИО, 14. С. 331, 469, 474; 32. С. 527–531; 43. С. 604–405; 68. С. 361, 557–559.

⁹ СИРИО, 4. С. 342–343; 68. С. 627, 636–638, 645–650.

¹⁰ Связь разночинцев с низшими служилыми классами очевидна в наказах из города Белева (Белгородская губерния). СИРИО. 144. С. 417–418.

¹¹ Esper. *The Odnodvortsy*; Wirtschaftfer. *Russian Soldier*. Р. 33–34, 45–56; Белявский М.Т. *Однодворцы черноземья*. М., 1984.

¹² Наказы дворянства используют не понятие «однодворцы», а понятие «уездные разночинцы», совпадающее с группой, включающей однодворцев. Для сравнения – не все однодворцы в наказах считали себя разночинцами. Более того, в первой половине XIX в. законодательство четко различало две эти категории. См. гл. 2. Также см.: Абрамов Я. *Сословные нужды, желания и стремления в эпоху Екатерининской комиссии*//Северный вестник. № 8 август 1886. С. 159–187, особенно 159–179.

¹³ Вдова некоего генерала взяла эти земли под свой контроль, и ее крепостные теперь обрабатывали их. СИРИО, 115 С. 102–104. Подобные же требования от однодворцев и других традиционных групп населения военнослужащих в Московском и Казанском правлениях см.: СИРИО. 115. С. 3–12, 180–182, 191–192.

¹⁴ СИРИО. 115. С. 213–214. Также, СИРИО. 32. С. 453. Два депутата от пахотных солдат уже поняли необходимость образования для того, чтобы их социальная группа не превратилась в государственных крестьян. СИРИО. 32. С. 410–412, 429–432, 452–454. Об украинских пограничных силах см.: Keep. *Soldiers of the Tsar*. Р. 136–138, 147–148, 276–281.

¹⁵ СИРИО. 93. С. 575; 107. С. 107–114, 155, 476–482, 511–514; 134. С. 12–16, 106–108, 293–298; 144. С. 217–236, 259, 400–403, 440–441. По поводу законодательства, запрещавшего лицам без прав дворянства владеть крепостными или населенными поместьями, см. гл. 2.

¹⁶ СИРИО. 107. С. 14.

¹⁷ СИРИО. 107. С. 51–56.

¹⁸ СИРИО. 93. С. 573–576; 107. С. 22–25; 144. С. 194–211, 382–383, 409–410.

¹⁹ СИРИО. 134. С. 293–296.

²⁰ СИРИО. 144. С. 211, 235–236, 409–410. Некоторые доказывали, что, даровав символы «отличности», власти могут привлечь больше дворян на государственную службу. СИРИО. 144. С. 401. Купцы также были озабочены «подлыми» и поэтому хотели занять место сразу же после дворян, что могло бы отделять их от менее привилегированных разночинцев, военнослужащих и низших (военных) чинов. СИРИО. 144. С. 423.

- ²¹ По поводу употребления в правовом смысле см. гл. 2.
- ²² СИРИО. 8. С. 448, 457–458, 495; 68. С. 622–623. Об определении разночинцев как лиц, которым по закону не дозволено иметь крепостных и деревень см.: СИРИО. 4. С. 276–277.
- ²³ СИРИО. 4. С. 460.
- ²⁴ Гоголь Н.В. *Записки сумасшедшего*// *Сочинения Н.В. Гоголя*: В 5 т. СПб., 1894. Т. 1. С. 382. См. также: Becker. *Raznochintsy*. P. 69–70; Albert Kaspin. *Ostrovsky and the Raznochinetes in His Plays*// Ph.D. diss. University of California, Berkeley, 1957. P. 50–51.
- ²⁵ Ф.Ф. Вигель, чья служебная карьера была вовсе не блестящей, также чувствовал, что он не получил того, на что мог претендовать как потомственный дворянин. Вигель Ф.Ф. *Записки*: В 2 т. М., 1928/переиздано, Cambridge, 1974.
- ²⁶ Тургенев И.С. *Накануне* // *Избр. произв.*: В 2 т. Л., 1958. См. также Becker. *Raznochintsy*. P. 69–70.
- ²⁷ Тургенев И.С. *Пушкин и Бабушкин*// *Собр. соч.*: В 10 т. М., 1961–1962. Т. 8. С. 142–188. См. также Becker. *Raznochintsy*. P. 70.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ Герцен А.И. *Былое и думы*: В 2 т. М., 1962. Т. 1. С. 532.
- ³⁰ Обычно считается, что именно Боборыкин первым ввел в обращение понятие «интеллигенция» в русском социальном и культурном дискурсе. Боборыкин П.Д. *Воспоминания*: В 2 т./Е.Виленская и Л.Ройтберг. М., 1965, 1. С. 135, 174, 302; Штакеншнейдер Е.А. *Дневники и записки (1854–1886)*. М., 1934/переиздано Newtonville, Mass., 1980. С. 446–447.
- ³¹ Штакеншнейдер упомянула М.М. Стасюлевича, издателя журнала «Вестник Европы», и Берга, издателя журнала «Нева».
- ³² Штакеншнейдер. *Дневники и записки*. С. 269–270.
- ³³ Здесь использование Белинским термина «разночинец» предполагает определенную социальную группировку. Белинский В.Г. *Мысли и заметки о русской литературе*// *Полн. собр. соч.* М., 1955. Т. 9. С. 430–457. См. также: Becker. *Raznochintsy*. P. 70.
- ³⁴ Штранге. *Демократическая интеллигенция*; Курмачева. *Крепостная интеллигенция*; Brower. *Training the Nihilists*; James McClelland. *Autocrat and Academics: Education, Culture, and Society in Tsarist Russia*. Chicago, 1979; Anthony Netting. *Russian Liberalism: The Years of Promise, 1842–1855*// Ph.D. diss. Columbia University, 1967; Jeffrey Brooks. *When Russia Learned to Read: Literacy and Popular Literature, 1861–1917*. Princeton, 1985; McReynolds. *The News under Russia's Old Regime*.
- ³⁵ Боборыкин. *Воспоминания*. Т. 1. С. 45–47, 54, 91, 135, 174, 302.
- ³⁶ Крепостные или платили оброк свои господам, или были связаны с купцами кабальным договором. Карпов. *Воспоминания*. С. 164–167 (см. гл. 1, ссылку 49).
- ³⁷ Отец Аркадия был уездный казначей, служба, которая давала чин девятого класса. Полевой – писатель, переводчик и публицист, был сыном купца; и хотя он не имел формального образования, ему удалось преуспеть на литературном поприще. Полевой Н.А. *Живописец*// *Мечты и жизнь*. М., 1988, С. 41; там же, *Автобиография Н.А. Полевого* в том же издании. С. 286–300.

³⁸ Дед Островского был выпускником семинарии и протоиереем. Его отец, Николай, закончил Московскую духовную академию и сделал успешную карьеру на гражданской службе. К 1839 г. Николай получил чин восьмого класса, и он, и его дети были приписаны к московскому дворянству. Перед смертью он относился к средним дворянам и был владельцем четырех поместий и 279 крепостных. Сам Александр окончил Московскую гимназию и три года обучался в Московском университете; после этого он оставил учебу и был в течение восьми лет гражданским служащим, связанным с юриспруденцией, затем стал профессиональным писателем. Kaspin. *Ostrovsky and the Raznochinets*. С. 26–37; *Ostrovsky//KLE*, V. 5. P. 490–500.

³⁹ Островский Н.А. *Пучина*. Полн. собр. соч.: В 16 т. М., 1949–1953. Т. 4. С. 200–251.

⁴⁰ К концу пьесы Погуляев становится преуспевающим юристом, имеющим частную практику, как и отец Островского.

⁴¹ Островский Н.А. *Не от мира сего*. См.: Полн. собр. соч. Т. 9. С. 220–264.

⁴² По поводу краткого описания разночинных героев Островского см.: Kaspin. *Ostrovsky and the Raznochinets*.

⁴³ О жизни и работах Помяловского см.: Glickman. *The Literary Raznochonets*. гл. 2.

⁴⁴ Becker. *Raznochintzy*. P. 70. Когда чиновники Третьего отделения определяли разночинцев, они имели в виду одну из нескольких непривилегированных групп низших сословий или служащих низшего ранга со средним образованием и специалистов, которые иногда получали потомственное дворянство за службу и иногда принимали участие в революционной деятельности и крестьянских восстаниях. Таким образом, они видели в разночинцах социальную категорию в традиционном административно-правовом смысле и никоим образом не приравнивали ее к революционной демократической интеллигенции. ГАРФ, ф. 109, оп. 3, д. 69 (1851); оп. 223, д. 27 (1862), д. 31 (1866); оп. 1, д. 2226 (1880). Мальшинский А.П. *Обзор социально-революционного движения в России*. СПб., 1880. По крайней мере два других автора, связанные с Чернышевским, которые были сыновьями гражданских служащих недворянского происхождения, также не используют понятие разночинцы, когда описывают свое окружение в детстве. Воронов М.А. и Макашин С.А. *Рассказы о старом Саратове*. Саратов, 1937.

⁴⁵ Glickman. *The Literary Raznochintzy*. P. 119–20.

⁴⁶ Помяловский Н.Г. *Брат и сестра//Соч.*: В 2 т. М.-Л., 1965. Т. 2. С. 191–258.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Помяловский причислял к разночинцам обедневших дворян, мещан низших сословий, отставных унтер-офицеров, мелких служащих и священников, которые не имели постоянной службы. Боборыкин использует и это определение наряду с другими.

⁴⁹ Герцен А.И. *1831–1863 и VIII лет//Соч.*: В 9 т. М., 1958. Т. 8. С. 31–51 и 211–218.

⁵⁰ *Письмо к «Одному из многих»//Колокол*, 15 сентября 1864, № 189. С. 1550–1553; 15 октября 1864, № 190. С. 1561–1562; 1 апреля 1865, № 196. С. 1605–1607.

⁵¹ Там же, 15 октября 1864 г., № 190, С. 1562.

⁵² Михайловский Н.К. *Из литературных и журнальных заметок 1874 года*// Сочинения Н.К. Михайловского. СПб., 1896. С. 600–676.

⁵³ Там же.

⁵⁴ В статье от 1911 года Плеханов описывал Герцена как разночинца по своим сословным взглядам. Плеханов Г.В. *Соч.*: В 24 т. М. 1923–1927. Т. 20. С. 128–130; а также А.И. Герцен и крепостное право. Там же. Т. 23. С. 332.

⁵⁵ Ленин В.И. *Из прошлого рабочей печати в России и Роль сословий и классов в освободительном движении*// Полн. собр. соч.: В 55 т. М., 1958–1965. Т. 25. С. 93–94 и Т. 23. С. 397–399.

⁵⁶ По поводу «чужих как своих» см.: Peter Gay, *Weimar Culture: The Outsider as Insider*. N.Y., 1968.

⁵⁷ Разночинцы, которые наводнили деревню, были владельцами трактиров, постоянных дворов, арендаторами зерновых мельниц и «другими», чье положение соответствовало положению «кулаков и мироедов». Francis William Wcislo. *Reforming Rural Russia: State, Local Society, and National Politics, 1855–1914*. Princeton, 1990. P. 89–90. Более ранняя правовая ссылка на сельских разночинцев как чужаков появилась в законе 1854 г., который требовал, чтобы «дворяне, сельские разночинцы, церковники и сторонние люди», которые жили на землях государственных крестьян, заключили соглашения с местными общинами по поводу условий владения. ПСЗ (II). Т. 29, № 28132.

⁵⁸ *Списки населенных мест Саратовской губернии*. Саратов, 1912.

⁵⁹ Очевидно, что понимание разночинцев как лиц недворянского происхождения, возможно, сохраняло правовой смысл до 1917 г.

⁶⁰ «Иночинцы» у Посошкова включали дворян, военнослужащих, гражданских служащих, крестьян и церковных причетников. Посошков И.Т. *Книга о скудости и богатстве, и другие сочинения*/ред изд. Б.Б. Кафенгауз. М., 1951. Хороший перевод на английский см.: Ivan Pososhkov. *The Book of Poverty and Wealth*/ed. and trans. A.P. Vlasto and L.R. Lewitter. London, 1987.

⁶¹ Изучая служебные записки о десяти тысячах чиновников в правление Николая I, Уолтер Пинтнер почти не нашел примеров того, чтобы лица считали себя по социальному происхождению разночинцами; скорее, они определяли себя по профессии или служебным обязанностям своих отцов: сын священника, солдата, служащего и так далее.

⁶² Уездный суд посчитал этого бывшего крепостного бродягой и повелел, чтобы он был отправлен в армию или на поселение в Сибирь. Губернские власти, однако, засомневались в таком решении и позволили ему зарегистрироваться государственным крестьянином без наказания вообще. Снежневский. *Опись делам арзамасского уездного суда*// ДНГУАК. Нижний Новгород, 1890. Т. 1. Вып. 7. С. 288.

⁶³ Keep. *Soldiers of the Tsar*, Wirtschafter. *Russian Soldier*, McNeal. *Tsar and Cossack*; J.E.O. Screen. *The Helsinki-Yunker School, 1846–1879: A Case Study of Officer Training in the Russian Army*/Studia Historica 22. Helsinki, 1986; Emmanuel Flisfish. *Kantonisty*. Tel Aviv, 1983; Michael Stanislavsky. *Tsar Nicholas I and the Jews: The Transformation of Jewish Society in Russia, 1825–1855*. Philadelphia, 1983.

⁶⁴ РГВИА, ф. 11, оп. 6, д. 146, л. 245–245 об. (1802 г.); оп. 73, д. 1 (1856 г.); оп. 85/29, д. 5 (1856 г.); оп. 87, д. 4 (1856 г.); д. 5 (1857 г.).

⁶⁵ СИРИО. 115. С. 305–315; 144. С. 79–84.

⁶⁶ О разночинцах как прихожанах см. гл. 3.

⁶⁷ РГАДА, ф. 633, оп. 2, дд. 42, 43, 61.

⁶⁸ РГАДА, ф. 713, оп. 1, д. 592.

⁶⁹ По поводу жалоб о том, что местные власти вынудили печатников Московского университета и их жен работать исключительно на дорогах и мостах, см.: ЦГИАГМ, ф. 54, оп. 1, д. 254.

⁷⁰ ЦГИАГМ, ф. 105, оп. 1, д. 779 (1800 г.); *Атлас Московской губернии* (Москва, 1787)/Научно-технический архив «Мособлстройреставрация», № 176-В (1,2,3). В Санкт-Петербурге собственность разночинцев была расположена в районе, который был удален от городского центра. Веселовский К. *Статистические исследования о недвижимых имуществах в Санкт-Петербурге*//*Отечественные записки* 57. № 3. 1848: отд. 1, 5–9.

Глава 6

¹ По поводу законодательства, регулирующего освобождение незаконно закрепощенных лиц, см. гл. 2.

² Трапезников В.Н. *О людях, искавших вольности из владения господ своих*//ТПУАК. Вып. 4. Пермь, 1901. С. 142–152. Похожие случаи собраны в: *Опись дел Пермской уездной архивной комиссии, высланных из Сенатского архива*. С. 54, 60–61 (см. гл. 4, ссылку 15). По поводу дополнительных прошений от крестьян, искавших свободы, если хотя бы одно из них было отправлено в Сенат, см.: ЦГИАГМ, ф. 16, оп. 1, дд. 427, 477: оп. 13, дд. 176, 215, 967, 992. К сожалению, местные архивные записи не всегда указывают на подобный исход дела.

³ Снежневский. *Истории побегов*. С. 528–530 (см. гл. 4, ссылку 8).

⁴ ГАРФ, ф. 109, оп. 3, д. 1885.

⁵ Трапезников. *О людях, искавших вольности...* (см. ссылку 2).

⁶ Ситуация в дореформенной армии была совсем иной — там офицеры отдавались под военный трибунал и наказывались за подобные нарушения. Wirschaftler. *Russian Soldier*.

⁷ *Опись дел Пермской ученой архивной комиссии, высланных из Сенатского архива*. С. 14 (см. гл. 4, ссылку 15).

⁸ Снежневский. *Опись журналам нижегородского наместнического правления* (за 1781–1783 гг.). С. 185–186 (см. гл. 3, ссылку 52).

⁹ Там же. С. 124–125. По поводу категории рассыльщиков см.: LeDonne. *Absolutism*. P. 135.

¹⁰ Снежневский. *Опись дел и документов нижегородского городского магистрата за 1787–1861 гг.* С. 49–59 (см. гл. 4, ссылку 52).

¹¹ Селиванов А.В. *Опись дел архива Владимирского губернского правления*//ТВУАК. Кн. 5. Владимир, 1903. С. 1–3. О случае, произошедшем с женой одного печатника, которая сбежала от мужа и выдавала себя за солдатс-

кую вдову, а затем вновь вышла замуж, см.: ЦГИАГМ, ф. 203, оп. 733, д. 687 (1752 г.).

¹² ЦГИАГМ, ф. 32, оп. 1, д. 232. Т. 1–4. Цитируется по этому источнику. Т. 4, л. 64.

¹³ Обсуждение этого вопроса, см.: LeDonne. *Absolutism*.

¹⁴ По поводу понятия «self-fashioning – самостоятельного определения себя в обществе» см.: Greenblatt. *Renaissance Self-Fashioning*.

¹⁵ Исследование Отто Мюллера, которое является единственным научным лингвистическим анализом, охватывает период с 1860 по 1890 годы, когда понятие «интеллигенция» установилось. См: Otto Müller. *Intelligentsija: Untersuchungen zur Geschichte eines politischen Schlagwortes*. Frankfurt, 1971. P. 11–49. Краткое описание см.: Pollard. *The Russian Intelligentsia*.

¹⁶ М.М.Штранге изучал образованную элиту недворянского происхождения, а Марк Раев — провинциальное дворянство. Штранге. *Демократическая интеллигенция*; Raeff. *Origins*. См. также: Laran. *La premiere Génération de l'intelligentsia*.

¹⁷ Об интеллектуальных истоках интеллигенции в кружках 30-х и 40-х годов XIX в. см.: Malia. *What Is the Intelligentsia?* (см. гл. 1, ссылку 35); Isaiah Berlin. *A Remarkable Decade: I. The Birth of the Russian Intelligentsia*, reprinted in idem, *Russian Thinkers*. N.Y., 1978. P. 114–135. Николай Рязановский считает временем возникновения интеллигенции период раскола между образованной публикой и правительством в 40-е–50-е годы XIX в., что понятнее как последствие европеизации и модернизации. Он определяет интеллигенцию как критически и обычно оппозиционно настроенных интеллектуалов, имеющих дело с высшим образованием, журналистикой, книгоиздательством и так далее. Nicholas V. Riasanovsky. *A Parting of Ways: Government and the Educated Public in Russia, 1801–1844*. Oxford, 1976. См. также: Richard Pipes. *The Historical Evolution of the Russian Intelligentsia*. Pipes, ed., *The Russian Intelligentsia*. P. 42–62; George Fisher. *The Intelligentsia and Russia*//Black, ed. *The Transformation of Russian Society*. P. 253–274. Майкл Конфино считает, что только со времени «поколения детей» конца 50-х годов XIX в. и движения нигилистов 60-х годов можно говорить «о первом поколении русской интеллигенции». Michael Confino. *On Intellectuals*. По поводу психологической интерпретации, которая связывает появление интеллигенции с такими личностями, как Белинский, Чернышевский и Добролюбов, см.: Vladimir C. Nahirny. *The Russian Intelligentsia: From Torment to Silence*. New Brunswick, N.J., 1983; idem, *The Russian Intelligentsia: From Men of Ideas to Men of Convictions // Comparative Studies in Society and History*. 4. 1962. P. 403–35.

¹⁸ Конфино определяет характерные черты интеллигенции как «1) глубокая заинтересованность в проблемах и вопросах общественного характера — социальных, экономических, культурных и политических; 2) чувство вины и личной ответственности за государство и разрешение таких проблем и вопросов; 3) склонность придавать политическим и социальным вопросам моральное значение; 4) чувство необходимости любой ценой и в мыслях, и в жизни приходить к окончательным логическим выводам; 5) убежденность в том, что вещи не таковы, какими они

должны быть, и что нужно что-то делать». Confino. *On Intellectuals*. P. 117–118.

¹⁹ Daniel R. Brower. *The Problem of the Russian Intelligentsia* // *SR*. 26. 1967. P. 638–639, 646.

²⁰ Хазанов. *К вопросу об изучении интеллигенции*.

²¹ Цит. по Brower. *The Problem of the Russian Intelligentsia*. P. 640.

²² Müller. *Intelligentsija*.

²³ Там же. P. 195–207, 220–229, 246–251.

²⁴ Классическим и непревзойденным примером такого анализа остается исследование Martin Malia. *Alexander Herzen and the Birth of Russian Socialism*. Cambridge, Mass., 1961.

²⁵ Confino. *On Intellectuals*. Особенно P. 128–137 и 142–143.

²⁶ Там же. P. 60.

²⁷ Некоторые советские историки избегают этой проблемы, рассматривая категории разночинцев и интеллигенцию как синонимичные. Таким образом, к середине XIX в. разночинцы как правовая и социальная категория затмеваются интеллигенцией. Использовать эти очень разные понятия как синонимы – значит не понимать значение категории разночинцев. Подобный анализ основывается на очень узком понимании разночинцев как образованных простолюдинов и ведет к следующему ошибочному выводу о том, что понятия «интеллигенция» и «профессионалы» или «образованная элита» являются синонимами. Штранге. *Демократическая интеллигенция*; Лейкина-Свирская В.Р. *Интеллигенция в России во второй половине XIX века*. Москва, 1971; Вульфсон. *Понятие «разночинец»*. С. 107–124; Сидорова. *Положение разночинцев*.

²⁸ Daniel T. Orlovsky. *State Building in the Civil War Era: The Role of the Lower Middle Strata* // Koenker, Rosenberg, and Suny, eds. *Party, State, and Society*. P. 180–209.

²⁹ Gregory L. Freeze. *The Orthodox Church and Serfdom in Prereform Russia* // *SR*. 48. 1989. P. 361–387; Daniel Field. *Peasants and Propagandists in the Russian Movement to the People of 1874* // *JMH*. 59. 1987. P. 415–438.

³⁰ Штранге. *Демократическая интеллигенция*. Определение Штранге разночинской интеллигенции основано на социальном происхождении, но он включает и группу обедневших дворян, которые были носителями верных «оппозиционных» взглядов.

³¹ *Отрывки из дневника* // *Из литературного наследия Ф.М. Решетникова* // Литературный архив. Вып. 1. Л., 1932. С. 244–245.

³² О начальном образовании в постреформационный период см.: Eklof. *Russian Peasant Schools*.

³³ Дэниел Филд объясняет неудачу этого движения прежде всего репрессиями. Field. *Peasants and Propagandists*.

³⁴ О том, сколь сильно похожи взгляды славянофилов и народников, см.: Abbot Gleason. *Young Russia: The Genesis of Russian Radicalism in the 1860s*. New York, 1980.

³⁵ Müller. *Intelligentsija*.

³⁶ Алан Кимбол видит корни революционного движения в политике эпохи реформ, особенно в том, что образованному обществу не удалось сфор-

мировать постоянные культурные организации и профессиональные ассоциации. Kimball. *Russian Civil Society*.

³⁷ Я благодарна Марку Раеву за формулировку названия данной части.

³⁸ Vatro Murvar. *Max Weber's Urban Typology and Russia*//Sociological Quarterly. 8. 1967. P. 481—494. О вотчинном принципе, см.: Pipes. *Russia under the Old Regime*. О XVII веке, см.: Samuel H. Baron. *The Weber Thesis and the Failure of Capitalist Development in «Early Modern Russia»*//JGO. 18. 1970. P. 321—336.

³⁹ Проблему неэффективности властей изучает Раев, см.: Raeff. *The Well-Ordered Police State*.

⁴⁰ Rieber. *Merchant and Entrepreneurs*; idem., *The Sedimentary Society* (см. гл. 2, ссылку 103); Thomas C. Owen. *Impediments to Bourgeois Consciousness Russia, 1880—1905: The Estate Structure, Ethnic Diversity, and Economic Regionalism* // Clowes, Kassow, and West, eds. *Between Tsar and People*. P. 75—89.

⁴¹ Hildermeier. *Bürgertum and Stadt*. Особенно P. 81—83, 124—32, 183—217, 366—369.

⁴² Троицкий С.М. *Дворянские проекты создания третьего чина // Общество и государство феодальной России*. М., 1975. С. 226—236; David M. Griffiths. *Eighteenth-Century Perceptions of Backwardness: Project for the Creation of a Third Estate in Catherinean Russia*//CASS. 13. 1979. P. 452—472. Обзор соответствующей литературы см.: Freez. *The Soslovie (Estate) Paradigm*. P. 15—16, особенно 16.

⁴³ Griffiths. *Eighteenth-Century Perceptions*. P. 470—471.

⁴⁴ Перевод Жалованной грамоты городам 1785 г., см.: David M. Griffiths and George Munro, eds. and trans. *Catherine II's Charters of 1785 to the Nobility and the Towns*. Bakersfield, Calif., 1990.

⁴⁵ Перевод Наказа Екатерины Великой, см.: Paul Dukes, ed. and trans. *Russia under Catherine the Great*, vol. 2: *Catherine the Great's Instruction (Nakaz) to the Legislative Commission, 1767*. Newtonville, Mass., 1977.

⁴⁶ РГАДА, ф. 291, оп. 1, ч. 4, д. 14960. Издано в: СИРИО, 36, P. 179—232.

⁴⁷ ПСЗ (I). Т. 22, № 16188.

⁴⁸ Термин «мещане» использовался в двух смыслах: при описании всего формального городского населения и при описании одного из разрядов этой большой группы.

⁴⁹ Walker. *German Home Towns*.

⁵⁰ Тем, кто хотел приписаться к сословию горожан, необходимо было получить согласие общины, в которой они состояли, и общины, куда они хотели вступить, а также местных государственных властей.

⁵¹ Сперанский М.М. *Проекты и записки*. М.-Л., 1961. С. 178—189.

⁵² Там же. С. 178—179.

⁵³ Там же. С. 186—189.

⁵⁴ СИРИО. 90. С. 363—385.

⁵⁵ СИРИО. 90. С. 366—367. О предложении стабилизировать «среднее состояние» (купечество, фабрикантов, квалифицированных ремесленников/художников), сделав их потомственными гражданами, чтобы отделить от обыкновенных мещан, см.: РГИА, ф. 1167, оп. 16, д. 101.

⁵⁶ СИРИО. 90. С. 441, 482, 486, 605—607.

⁵⁷ СЗ. 1832. Т.9. Кн. 1, разд. 3, гл. 1, отд. 1, ст. 240—245. В ежегодных докладах, направляемых Николаю I А.Х.Бенкендорфом, главой Третьего отделения, административная путаница со «средними классами» продолжалась. В отчете за 1827 г. «средний класс» (в данном случае в единственном числе) назывался лояльной патриотически настроенной «душой империи» и включал помещиков, проживающих в городах, несслужилое дворянство, купцов первой гильдии, образованных людей и литераторов. Отчеты от 1829 и 1830 гг. определяли «средние классы» как мелкое дворянство, чиновников и купцов. А.Сергеев, изд., *Гр. А.Х.Бенкендорф о России 1827—1830 гг.*//Красный архив. 1929. Т. 6 (37). С. 146, 168; 1930. Т.1 (38). С. 109, 133, 138.

⁵⁸ Об изменениях в образовании, см.: Владимирский-Буданов. *Государство и народное образование*; Рождественский. *Исторический обзор*; Лейкина-Свирская. *Интеллигенция в России*; Frieden. *Russian Physicians*. P. 21—52; Samuel C.Ramer. *The Transformation of the Russian Feldsher, 1864—1914*//Ezra Mendelson and Marshall S.Shatz, eds. *Imperial Russia, 1700—1917: State, Society, Opposition*. DeKalb, Ill., 1988. P. 136—160; Rieber. *The Rise of Engineers*. P. 539—541.

⁵⁹ Булгакова Л.А. *Сословная политика в области образования во второй четверти XIX в.*//Вопросы политической истории СССР. М. 1974. С. 105—124. Этот взгляд ставится под сомнение в.: James T.Flynn. *Tuition and Social Class in the Russian Universities: S.S. Uvarov and «Reaction» in the Russia of Nicholas I*//SR. 35. 1976. P. 232—248.

⁶⁰ *Сборник распоряжений по министерству народного просвещения*: В 2 т. СПб., 1866. Т. 1, от 6 и 14 сентября 1813. С.223; *Сборник постановлений по министерству народного просвещения*: В 2 т. СПб., С. 1875—1876. Т.2, от 19 августа 1827 г., № 1308. С. 71—73; от 9 мая 1837 № 10. С. 217; от 29 декабря 1846 г.

⁶¹ Там же. Т.2, от 9 мая 1837 г., № 10. С. 217. Фактически правительство не препятствовало ученикам из низших сословий проходить курс классической гимназии, который мог открыть для них двери университетов. Конечно, от учеников из податных сословий требовалось получить разрешение от общины, к которой они были приписаны, а крепостные должны были быть освобождены своими владельцами. Однако еще в 1845 г. эти ограничения не всегда соблюдались. Там же. Т.2, от 19 августа 1827, № 1308. С.71—73; *Сборник распоряжений по министерству народного просвещения*. Т.2, от 10 октября 1844 г. С.768—770; от 30 июня 1845 г. С.825—826; от 31 декабря 1845 г. С.882.

⁶² Рождественский. *Исторический обзор*. С. 196—198.

⁶³ Об изъятии из налогообложения, см.: *Журнал департамента народного просвещения*. Ч. 3. 1821. С. 234—235; *Сборник постановлений по министерству народного просвещения*. Т. 2. С. 765, 870—871.

⁶⁴ До момента изменения формального положения при получении профессиональной специализации выпускники школ, происходившие из податных социальных категорий, должны были получить разрешение от своей общины. В правление Александра I по крайней мере двум мешанам из Нижнего Новгорода удалось получить такие разрешения, и они стали

учителями. Община выдала разрешение первому в 1808 г. после вмешательства губернатора и второму — в 1812 г. после получения гарантий, что бывший мещанин будет продолжать платить налоги до следующей переписи. Снежневский. *Опись дел и документов нижегородского городского магистрата за 1787–1861 гг.* С. 86, 97 (см. гл. 4, ссылку 52).

⁶⁵ Amitai Etzioni, ed. *The Semi-Professions and Their Organizations: Teachers, Nurses, and Social Workers*. N.Y., 1969; William J. Goode. *The Theoretical Limits of Professionalization*, в *ibid.* P. 226–313.

⁶⁶ Dietrich Geyer. *Zwischen Bildungsbürgertum und Intelligencija: Staatsdienst und akademische Professionalisierung im vorrevolutionären Russland*//Werner Conze and Jürgen Kocka, eds., *Bildungsbürgertum im 19. Jahrhundert, Teil 1: Bildungssystem und Professionalisierung in Internationalen Vergleichen*. Stuttgart, 1985. P. 207–230; McClelland. *Autocrats and Academics*; Frieden. *Russian Physicians*.

⁶⁷ Goode. *The Theoretical Limits of Professionalization*. P. 291–294 (см. ссылку 65 выше); Amitai Etzioni. *Preface*//Amitai Etzioni, ed. *The Semi-Professions*. P. xiii.

⁶⁸ Многие историки придерживаются такого же мнения. Самые известные работы: Pipes. *Russia under the Old Regime* и Müller. *Intelligencija*.

⁶⁹ Clowes, Kassow, and West, eds. *Between Tsar and People*.

⁷⁰ Geyer. *Zwischen Bildungsbürgertum und Intelligencija*.

⁷¹ Исследование врачей, работавших на публичный сектор (около трех четвертей всех врачей), проведенное Нэнси Фриден, подтверждает эту модель. Frieden. *Russian Physicians*.

⁷² Марк Раев делает вывод, что отсутствие независимых органов-посредников усилило взрывной характер напряжения в поздний имперский период. Marc Raeff. *Understanding Imperial Russia: State and Society in the Old Regime*. N.Y., 1984. P. 217–225.

⁷³ Сходная идея надклассовости существовала в официальном понимании того, что самодержавие стоит над интересами всех классов. О понятии бесклассовой интеллигенции см.: Pollard. *The Russian Intelligentsia*. P. 13–17; Müller. *Intelligencija*.

⁷⁴ Белинский. *Мысли и заметки о русской литературе*. С. 431 (см. гл. 5, ссылку 33).

⁷⁵ Clowes, Kassow, and West, eds. *Between Tsar and People*.

⁷⁶ Об этом процессе в городском обществе второй половины XIX в., см.: Brower. *Estate, Class, and Community*. Об отсутствии устойчивости в студенческих кружках 60-х годов того же века см.: *idem*, *Training the Nihilists*.

⁷⁷ Об утопических идеях интеллигенции, государства и крестьянства см.: Stites. *Revolutionary Dreams*.

⁷⁸ Haimson. *Civil war and the Problem of Social Identities*. P. 24–30 (см. гл. 1, ссылку 6).

Заключение

¹ Плеханов Г.В. М.П. *Погодин и борьба классов*//Сочинения. Т. 23. С. 97.

² До 1841 г. церковные источники использовали этот термин, чтобы описывать нестроевые служилые категории, включая некоторых дворян (см. гл. 3).

³ Распространенная крестьянская практика обращаться к любому образованному человеку как к барину также подтверждает необходимость преднамеренного отграничения.

⁴ Hayden White. *Tropics of Discourse: Essays in Cultural Criticism*. Baltimore. 1978. P. 91.

⁵ Цит. по: Raymond Williams. *Culture and Society: 1780–1950*. N.Y., 1958, 1983. P. 50.

⁶ Обращая внимание на отсутствие ясных границ между гражданской администрацией и социальными институтами, Дитрих Гейер интересно исследует соответствие между понятиями «государство» и «общество». Dietrich Geyer. «*Gesellschaft*» als staatliche Veranstaltung: *Socialgeschichte Aspekte des russischen Behördenstaats im 18. Jahrhundert*//Dietrich Geyer, ed. *Wirtschaft und Gesellschaft im vorrevolutionären Russland*. Cologne, 1975. P. 20–52.

⁷ Кристоф Шмидт предлагает частный пример. Изучая социальную мобильность на материалах переписи 1897 г., он определяет горизонтальные и вертикальные сословия, выделяемые по образованию, экономическому положению и доступу к государственной службе. Christoph Schmidt. *Dokumentation: Stände*//Henning Bauer, Andres Kappeler, and Brigitte Roth, eds. *Die Nationalitäten des Russischen Reiches in der Volkszählung von 1897*. Stuttgart, 1991. P. 380–381.

*И*збранная библиография

В избранную библиографию не включены единичные дела архивных коллекций, статьи из энциклопедий или дореволюционных журналов, указанных в списке сокращений. Большая часть статей из дореволюционной периодики, которые цитируются в работе, как и статьи из современных научных журналов, также не приведены здесь. В этой библиографии нет данных о многочисленных просмотренных нами описях с информацией об архивных фондах, в которых не были найдены необходимые документы.

Архивы

Российский государственный архив древних актов, Москва (РГАДА):

- ф. 248. Сенат и его учреждения
 - ф. 291. Главный магистрат
 - ф. 441. Свяжская провинциальная канцелярия
 - ф. 450. Угличская провинциальная канцелярия
 - ф. 494. Илимская воеводская канцелярия
 - ф. 540. Новолодожская воеводская канцелярия
 - ф. 566. Рязская воеводская канцелярия
 - ф. 633. Томская воеводская канцелярия
 - ф. 713. Брянская ратуша и городской магистрат
 - ф. 717. Вологодский городской магистрат
- Госархив, разряд XXIV, Сибирский приказ и управление Сибирью

Центральный государственный исторический архив города Москвы, Москва (ЦГИАгМ):

- ф. 16. Канцелярия московского генерал-губернатора
- ф. 32. Московский городской магистрат
- ф. 54. Московское губернское правление
- ф. 105. Московская управа благочиния
- ф. 203. Московская духовная консистория
- ф. 1036. Серпуховская городская шестигласная дума
- ф. 1633. Дмитровская шестигласная дума
- ф. 2121. Церкви Замоскворецкого сорока г. Москвы

Российский государственный военно-исторический архив, Москва (РГВИА):

- ф. 395. Инспекторский департамент военного министерства
- ф. 801. Аудиториатский департамент военного министерства
- ф. 14414. Главный штаб Второй армии
- ф. Военно-ученый архив

Государственный архив Российской Федерации, Москва (ГАРФ, бывший ЦГАОР):

- ф. 109. Третье отделение собственной Его императорского величества канцелярии
- ф. 1155. Я.И.Ростовцев (личный фонд)

Российский государственный исторический архив, Санкт-Петербург (РГИА):

- ф. 571. Департамент разных сборов и податей министерства финансов
- ф. 1149. Департамент законов Государственного совета
- ф. 1167. Комитет 6 декабря 1826 года
- ф. 1284. Департамент общих дел министерства внутренних дел
- ф. 1287. Хозяйственный департамент министерства внутренних дел

Научно-технический архив «Мособлстройреставрация», Москва:

- Атлас Московской губернии. Москва, 1787 [№176–В (1, 2, 3)].

***И**зданные источники и историографические работы*

- Aksakov S. T.* Russian Gentleman/Translated by J.D.Duff. Oxford: Oxford University Press, 1982.
- Alexander John T.* Bubonic Plague in Early Modern Russia: Public Health and Urban Disaster. Baltimore: John Hopkins University Press, 1980.
- Anderson C. Arnold, and Bowman, Mary Jean, eds.* Education and Development. Chicago: Aldine, 1965.
- Avakumovic Ivan.* A Statistical Approach to the Revolutionary Movement in Russia, 1878–1887//Slavic Review. 18. 1959. P. 182–186.
- Baron Samuel H.* The Weber Thesis and the Failure of Capitalist Development in «Early Modern» Russia. Jahrbücher für Geschichte Osteuropa. 18. 1970. P. 320–336.
- Bauer Henning, Kappeler Andreas, and Roth, Brigitte, eds.* Die Nationalitäten des Russischen Reiches in der Volkzählung von 1897. Stuttgart: F.Steiner, 1991.
- Becker Christopher.* Raznochinty: The Development of the Word and the Concept// Slavic Review. 18. 1959. P. 63–74.
- Bennet Helju Aulik.* The Chin System and the Raznochinty in the Government of Alexander III, 1881–1894. Ph. D. diss. University of California, Berkeley, 1971.
- Bennet Helju Aulik.* Evolution of the Meaning of Chin: An Introduction to the Russian Institution of Rank Ordering and Niche Assignment from the Time of

- Peter the Great's Table of Ranks to the Russian revolution//California Slavic Studies. 10. 1977. P. 1—43.
- Berlin Isaiah*. Russian Thinkers. New York: Viking, 1978.
- Besançon Alian*. Éducation et société en Russie dans le second tiers du XIX siècle. Paris and La Haye: Mouton, 1974.
- Blackwell Cyril, ed*. The Transformation of Russian Society: Aspects of Social Change since 1861. Cambridge: Harvard University Press, 1960.
- Blackwell William L., ed*. Russian Economic Development from Peter the Great to Stalin. New York: Franklin Watts, 1974.
- Blanchard Jan*. Russia's «Age of Silver»: Precious-Metal Production and Economic Growth in the Eighteenth Century. New York: Routledge, 1989.
- Blum Jerome*. Lord and Peasant in Russia from the Ninth to the Nineteenth Century. Princeton: Princeton University Press, 1961.
- Bonnell Victoria E*. Roots of Rebellion: Workers' Politics and Organizations in St. Petersburg and Moscow, 1900—1914. Berkeley: University of California Press, 1983.
- Bonnel Victoria, ed*. The Russian Worker: Life and Labor under Tsarist Regime. Berkeley: University of California Press, 1983.
- Brooks Jeffrey*. When Russia Learned to Read: Literacy and Popular Literature, 1861—1917. Princeton: Princeton University Press, 1985.
- Brower Daniel R*. The Problem of the Russian Intelligentsia//Slavic Review. 26. 1967. P. 638—647.
- Brower Daniel R*. Fathers, Sons, and Grandfathers: Social Origin of Radical Intellectuals in Nineteenth-Century Russia// Journal of Social History. 2 (1968—69). P. 333—355.
- Brower Daniel R*. Student Political Attitudes and Social Origins: The Technological Institute of Saint Petersburg//Journal of Social History. 6 (1972—1973). P. 202—213.
- Brower Daniel R*. Training the Nihilists: Education and Radicalism in Tsarist Russia. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 1975.
- Brower Daniel R*. Estate, Class, and Community: Urbanization and Revolution in Late Tsarist Russia. The Carl Beck Papers in Russian and East European Studies. Paper no. 302. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 1983.
- Brower Daniel R*. Urbanization and Autocracy: Russian Urban Development in the First Half of the Nineteenth Century//Russian Review. 42 (1983). P. 377—402.
- Brower Daniel R*. The Russian City between Tradition and Modernity, 1850—1900. Berkeley: University of California Press, 1990.
- Brunner Otto, Conze Werner, and Koselleck Reinhart, eds*. Geschichtliche Grundbegriffe: Historisches Lexicon zur politisch-sozialen Sprache in Deutschland. 7 vols. Stuttgart: Ernst Klett, 1972—1992.
- Brym Robert J*. A Note on the Raznochitsy // Journal of Social History. 10 (1976—1977). P. 354—359.
- Catherine II's Charters of 1785 to the Nobility and the Towns/Edited and translated by David M. Griffiths and George E. Mureno. Bakersfield, Calif /C. Schlacks, Jr., 1990.
- Cherniavsky Michael*. Tsar and People: Studies in Russian Myth. New Haven: Yale University Press, 1961.

- Clowes Edith W., Kassow Samuel D., and West James L., eds.* Between Tsar and People: Educated Society and the Quest for Public Identity in Late Imperial Russia. Princeton: Princeton University Press, 1961.
- Confino Michael.* Domaines et seigneurs en Russie vers la fin du XVIIIe siècle. Paris: Institute d'études slaves de l'Université de Paris, 1963.
- Confino Michael.* Systèmes agraires et progrès agricole. Paris and La Haye: Mouton, 1969.
- Confino Michael.* On Intellectuals and Intellectual Traditions in Eighteenth- and Nineteenth-Century Russia. *Daedalus*. 101 (1972). P. 117–449.
- Confino Michael.* Révolte juvénile et contre-culture// *Cahiers du Monde russe et soviétique*. 31 (1990). P. 489–538.
- Confino Michael.* Servage Russe, esclavage américain (note critique)//*Annales E2conomies, Sociétés, Civilisation*. 45 (1990). P. 1119–141.
- Confino Michael.* Société et mentalités collectives en Russie sous l'ancien régime. Paris/Institute d'études slaves de l'Université de Paris, 1991.
- Conze Werner, and Kocka Jürgen, eds.* Bildungsbürgertum im 19. Jahrhundert. Teil 1. Bildungssystem and Professionalisierung in Internationalen Vergleichen. Stuttgart: Klett-Cotta, 1985.
- Coquin François-Xavier.* La Grande Commission Législative, 1767–1768//*Les cahiers de doléances urbains (Province de Moscou)*. Paris: Beatrice-Nauwelaers, 1972.
- Crisp Olga.* Studies in the Russian Economy before 1914. London: Macmillan, 1979.
- Crisp Olga, and Edmondson Linda, eds.* Civil Rights in Imperial Russia. New York: Oxford University Press, 1989.
- Daniel Wallace.* The Merchantry and the Problem of Social Order in the Russian State: Catherine II's Commission on Commerce//*Slavic and East European Review*. 55 (1977). P. 185–203.
- Daniel Wallace.* The Merchants' View of the Social Order in Russia as Revealed in the Town Nakazy from Moskovskaia Guberniia to Catherine's Legislative Commission//*Canadian-American Slavic Studies*. 11 (1977). P. 503–522.
- Daniel Wallace.* Grigorii Teplov and the Conception of Order: The Commission on Commerce and the Role of the Merchants in Russia//*Canadian-American Slavic Studies*. 16 (1982). P. 410–431.
- Dukes Paul, ed. and trans.* Russia under Catherine the Great. 2 vols. Newtonville, Mass.: Oriental Research Partners, 1977–1978.
- Eighteenth-Century Russian Publications.* Watertown, Mass//General Microfilm, n.d.
- Eklöf Ben.* Russian Peasant Schools: Officialdom, Village Culture, and Popular Pedagogy, 1861–1914. Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 1986.
- Esper Thomas.* The Odnodvortsty and the Russian Nobility//*Slavonic and East European Review*. 45 (1967). P. 124–134.
- Etzioni Amitai, ed.* The Semi-Professions and Their Organization: Teacher, Nurses, and Social Workers. New York: Free Press, 1969.
- Farnsworth Beatrice.* The Soldatka: Folklore and Court Record//*Slavic Review*. 49 (1990). P. 58–73.
- Farrell Dianne Ecklund.* Popular Prints in the Cultural History of Eighteenth-Century Russia: Ph. D. diss. University of Wisconsin, Madison, 1980.
- Field Daniel.* Rebels in the Name of the Tsar. Boston: Houghton Mifflin, 1976.

- Field Daniel.* Peasants and Propagandists in the Russian Movement to the People of 1874// *Journal of Modern History.* 59 (1987). P. 415–438.
- Fitzpatrick Anne Lincoln.* The Great Russia Fair: Nizhnii Novgorod, 1840–1890. New York: St. Martin's Press, 1990.
- Flisfish Emmanuel.* Kantonisty. Tel Aviv: Effect, 1983.
- Flynn James T.* The Universities, the Gentry, and the Imperial Russian services, 1815–1825//*Canadian Slavic Studies.* 2 (1968). P. 486–503.
- Flynn James T.* Tuition and Social Class in the Russian Universities: S.S.Uvarov and «Reaction» in the Russia of Nicholas I//*Slavic Review.* 35 (1976). P. 232–248.
- Foucault Michel.* The Archaeology of Knowledge and the Discourse on Language. Translated by A.M.Sheridan Smith. New York: Pantheon Books, 1972.
- Foucault Michel.* Madness and Civilization: A History of Insanity in the Age of Reason/Translated by Richard Howard. New York: Vintage Books, 1988.
- Freeze Gregory L.* The Russian Levites: Parish Clergy in the Eighteenth Century. Cambridge: Harvard University Press, 1977.
- Freeze Gregory L.* The Parish Clergy in Nineteenth-Century Russia: Crisis, Reform, Counter-Reform. Princeton: Princeton University Press, 1983.
- Freeze Gregory L.* The Soslovie (Estate) Paradigm in Russian Social History//*American Historical Review.* 91 (1986). P. 11–36.
- Freeze Gregory L.* The Orthodox Church and Serfdom in Prereform Russia//*Slavic Review.* 48 (1989). P. 361–387.
- Freeze Gregory L.* Bringing Order to the Russian Family: Marriage and Divorce in Imperial Russia, 1760–1860//*Journal of Modern History.* 62 (1990). P. 709–746.
- Frieden Nancy Mandelker.* Russian Physicians in Era of Reform and Revolution, 1856–1905. Princeton: Princeton University Press, 1981.
- Frieson Cathy A.* Peasant Icons: Representations of Rural People in the Late Nineteenth-Century Russia. New York: Oxford University press, 1993.
- Fuller William C., Jr.* Strategy and Power in Russia, 1600–1914. New York: Free Press, 1992.
- Garrard J.G.* Mixail Čulkov: An Introduction to His Prose and Verse. The Hague: Mouton, 1970.
- Gay Peter.* Weimar Culture: The Outsider as Insider. New York: Harper and Row, 1968.
- Geertz Clifford.* The Interpretation of Cultures. New York: Basic Books, 1973.
- Geertz Clifford.* Arts as a Cultural System//*Modern Language Notes.* 91 (1976). P. 1473–1499.
- Geertz Clifford.* Local Knowledge: Further Essays in Interpretive Anthropology. New York: Basic Books, 1983.
- Gelfond Toby.* From Guild to Profession: The Surgeons of France in the Eighteenth Century//*Texas Reports on Biology and Medicine.* 32 (1974). P. 121–34.
- Geyer Dietrich.* Zwischen Bildungsbürgertum und Intelligencija: Staatsdienst und akademische Professionalisierung im vorrevolutionären Russland//In: Bildungsbürgertum im 19. Jahrhundert/Edited by Werner Conze and Jürgen Kocka. Stuttgart: Klett-Cota, 1985. P. 207–230.
- Geyer Dietrich.* ed. Wirtschaft und Gesellschaft im vorrevolutionären Russland. Cologne: Kiepenheuer und Witsch, 1975.
- Ginzburg Carlo.* The Cheese and the Worms: The Cosmos of a Sixteenth-Century Miller. Translated by John and Anne C.Tedeschi. Baltimore: John Hopkins University Press, 1980.

- Ginzburg Carlo*. Clues, Myths, and Historical Method/Translated by John and Anne C. Tedeschi. Baltimore: John Hopkins University Press, 1989.
- Gleason Abbott*. Young Russia: The Genesis of Russian Radicalism in the 1860s. New York: Viking Press, 1980.
- Glickman Rose B.* The Literary Raznochitsy in Mid-Nineteenth Century Russia. Ph. D. diss. University Chicago, 1968.
- Greenblatt Stephen Jay*. Renaissance Self-Fashioning: From More to Shakespeare. Chicago: University of Chicago Press, 1980.
- Griffiths David M.* Eighteenth-Century Perception of Backwardness: Projects for the Creation of a Third Estate in Catherinean Russia//Canadian-American Slavic Studies. 13 (1979). P. 452–472.
- Griffiths David M.*, and *Munro George E.*, eds. See: Catherine II's Charters of 1785 to the Nobility and the Towns.
- Guroff Gregory*, and *Starr S. Frederick*. A Note on Urban Literacy in Russia, 1890–1914. Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 19 (1971). P. 520–531.
- Haimson Leopold H.* Social Identities in Early Twentieth Century Russia//Slavic Review. 47 (1988). P. 1–21.
- Hellie Richard*. Enserfment and Military Change in Moscow. Chicago: University of Chicago Press, 1971.
- Hellie Richard*. The Stratification of Moscovite Society: The Townsman//Russian History. 5 (1978). P. 119–75.
- Hellie Richard*. Slavery in Russia, 1450–1725. Chicago: University of Chicago Press, 1982.
- Hildermeier Manfred*. Was war das meščanstvo? Zur rechtlichen und sozialen Verfassung des untererntstädtischen Standes in Russland//Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. 36 (1985). P. 15–53.
- Hildermeier Manfred*. Bürgertum und Stadt in Russland, 1760–1860//Rechtliche Lage und soziale Struktur. Cologne: Böhlau, 1986.
- Hildermeier Manfred*. Gesellschaftsbild und politische Artikulation der Kaufmannschaft im vor- und frühindustriellen Russland//Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. 38 (1986). P. 392–418.
- Hittle J.M.* The Service City: State and Townsman in Russia, 1600–1800. Cambridge: Harvard University Press, 1979.
- Hudson Hugh D., Jr.* Urban Estate Engineering in Eighteenth-Century Russia: Catherine the Great and the Elusive «Meshchanstvo»//Canadian-American Slavic Studies. 18 (1984). P. 393–410.
- Jarauschk Konrad Hugo*, ed. The Transformation of Higher Learning, 1860–1930: Expansion, Diversification, Social Opening, and Professionalization in England, Germany, Russia, and the United States. Chicago: University of Chicago Press, 1983.
- Jones Robert E.* The Emancipation of the Russian Nobility, 1762–1785. Princeton: Princeton University Press, 1973.
- Kahan Arcadius*. The Plow, the Hammer, and the Knout: An Economic History of Eighteenth-Century Russia. Chicago: University of Chicago Press, 1985.
- Kahan Arcadius*. Russian Economic History: The Nineteenth Century/Edited by Roger Weiss. Chicago: University of Chicago Press, 1989.
- Kappeler Andreas*. Russland Erste Nationalitäten: Das Zarenreich und die Völker der Mittleren Wolga vom 16. bis 19. Jahrhundert. Cologne-Vienna: Böhlau, 1982.

- Kappeler Andreas.* Russland als Vielvölkerreich: Entstehung, Geschichte, Zerfall. Munich: Beck, 1992.
- Kaspin Albert.* Ostrovsky and Raznochinetz in His Plays. Ph. D. diss. University of California, Berkeley, 1957.
- Keep John L.H.* Soldiers of the Tsar: Army and Society in Russia, 1462–1874. New York: Oxford University Press, 1985.
- Khodarkovsky Michael.* Where Two Worlds Met: The Russian State and the Kalmyk Nomads, 1600–1771. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 1992.
- Kimball Alan.* Russian Civil Society and Political Crisis in the Era of the Great Reforms, 1859–1863//Unpublished manuscript. Eugene, Oregon, 1989.
- Kimerling [Wirtschaftler] Elise.* Soldiers' Children, 1719–1856: A Study of Social Engineering in Imperial Russia//Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. 30 (1982). P. 61–136.
- Klyuzhev Ivan.* Elementary Public Instruction in Russia (Part I)//The Russian Review. 3 (1914). P. 60–72.
- Knabe Bernd.* Die Struktur des russischen Posadgemeindes und das Katalog der Beschwerden und Forderungen der Kaufmannschaft, 1762–1767 // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. 22 (1975).
- Kocka Jürgen.* Weder Stand noch Klasse: Unterschichten um 1800. Bonn: J.H.W. Dietz, 1990.
- Koenker Diane P., Rosenberg William G., and Suny Ronald Grigor,* eds. Party, State, and Society in the Russian Civil War: Explorations in Social History. Bloomington: Indiana University Press, 1989.
- LaCapra Dominick, and Kaplan Steven L.,* eds. Modern European Intellectual History: Reappraisals and New Perspectives. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 1982.
- LeDonne John P.* Ruling Russia: Politics and Administration in the Age of Absolutism, 1762–1796. Princeton: Princeton University Press, 1984.
- LeDonne John P.* Absolutism and Ruling Class: The Formation of the Russian Political Order, 1700–1825. New York: Oxford University Press, 1991.
- LeDonne John P.* Police Reform in Russia: A Project of 1762//Cahiers du Monde russe et soviétique. 32 (1991). P. 249–274.
- Leroy-Beaulieu Anatole.* The Empire of the Tsars and the Russians/Translated and edited by Zenaida A. Rogozin. 3d ed. 3 vols. New York, 1902.
- Lyashchenko Peter.* History of the National Economy of Russia/Translated by L.M. Herman. New York: Macmillan, 1949.
- Lyotard Jean-François.* The Postmodern Condition: A Report on Knowledge/Translated by Geoff Bennington and Brian Massumi. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1984.
- McClelland James C.* Autocrats and Academics: Education, Culture, and Society in Tsarist Russia. Chicago: Chicago University Press, 1979.
- McFarlin Harold A.* Recruitment Norms for the Russian Civil Service in 1833: The Chancery Clerkship//Societas – A Review of Social History. 3 (1973). P.61–73.
- McFarlin Harold A.* The Extension of the Imperial Russian Civil Service to the Lowest Office Workers: The Creation of the Chancery Clerkship, 1827–1833//Russian History. 1 (1974). P. 1–17.
- MacLachlan Colin M., and Rodríguez Jaime E.* The Forging of the Cosmic Race: A Reinterpretation of Colonial Mexico. Berkeley: University of California Press, 1980.

- McNeal Robert H.* Tsar and Cossack, 1855–1914. London: Macmillan, 1987.
- McReynolds Louise.* The News under Russia's Old Regime//The Development of a Mass-Circulation Press. Princeton: Princeton University Press, 1991.
- Madariaga Isabel de.* Catherine II and Serfs: A Reconstruction of Some Problems// Slavonic and East European Review. 52 (1974). P. 34–62.
- Madariaga Isabel de.* Russia in the Age of Catherine the Great. New Haven: Yale University Press, 1981.
- Malia Martin.* Alexander Herzen and the Birth of Russian Socialism. Cambridge: Harvard University Press, 1961.
- Mendelsohn Ezra,* and *Shatz Marshall S.,* eds. Imperial Russia, 1700–1917: State, Society, Opposition. DeKalb: Northern Illinois University Press, 1988.
- Merton Robert K.* Social Theory and Social Structure. New York: Free Press, 1968.
- Moon David.* Russian Peasants and Tsarist Legislation on the Eve of Reform: Interaction between Peasants and Officialdom, 1825–1855. London: Macmillan, 1992.
- Morrison Daniel.* Trading Peasants' and Urbanization in Eighteenth Century Russia: The Central Industrial Region. Ph. D. diss. Columbia University, 1981.
- Müller Otto.* Intelligencija. Untersuchungen zur Geschichte eines politischen Schlagwortes. Frankfurt: Athenäum, 1971.
- Murvar Vatro.* Max Weber's Urban Typology and Russia//Sociological Quarterly. 8 (1967). P. 481–494.
- Nahirny Vladimir C.* The Russian Intelligentsia: From Men of Ideas to Men of Convictions//Comparative Studies in Society and History. 4 (July 1962). P. 403–435.
- Nahirny Vladimir.* The Russian Intelligentsia: From Torment to Silence. New Brunswick, N.J.: Transaction Books, 1983.
- Nakhimovsky Alexander D.,* and *Nakhimovsky Alice Stone,* eds. The Semiotics of Russian Cultural History. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 1985.
- Netting Anthony.* Russian Liberalism: The Years of Promise, 1842–1855. Ph. D. diss. Columbia University, 1967.
- Noblesse, état et société en Russie XVIe–début du XIXe siècle//Cahiers du Monde russe et soviétique.* 34 (1993).
- Owen Thomas C.* Capitalism and politics in Russia: A Social Study of the Moscow Merchants, 1855–1905. New York: Cambridge University Press, 1981.
- Owen Thomas.* The Corporation under Russian Law, 1800–1917: A Study in Tsarist Economic Policy. Cambridge: Cambridge University Press, 1991.
- Paperno Irina.* Chernyshevsky and the Age of Realism: A Study in the Semiotics of Behavior. Stanford, Calif.: Stanford University Press, 1988.
- Perkin Harold.* The origins of Modern English Society, 1780–1880. London: Routledge, 1969.
- Perkins Etta Louise.* Careers in Art: An Exploration in the Social History of Post-Petrine Russia. Ph. D. diss. Indiana University, 1980.
- Perkins Etta Louise.* Mobility in the Art Profession in Tsarist Russia//Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 39 (1991). P. 225–233.
- Pintner Walter M.* Russian Economic Policy under Nicholas I. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 1967.
- Pintner Walter M.* The Social Characteristics of the Early Nineteenth-Century Russian Bureaucracy//Slavic Review. 29 (1970). P. 429–443.

- Pintner Walter*. The Russian Higher Civil Service on the Eve of the «Great Reforms»//Journal of Social History (Spring 1975). P. 55–68.
- Pintner Walter M.*, and *Rowney Don Karl*, eds. Russian Officialdom: The Bureaucratization of Russian Society from the Seventeenth to Twentieth century. Chapel Hill: University of North California Press, 1980.
- Pipes Richard*. Narodnichestvo: A Semantic Inquiry//Slavic Review. 23 (1964). P. 441–458.
- Pipes Richard*. Russia's Exigent Intellectuals//Encounter. 22 (1964). P. 79–84.
- Pipes Richard*. Russia under the Old Regime. New York: Scribner's, 1974.
- Pipes Richard*. ed. The Russian Intelligentsia. New York: Columbia University Press, 1961.
- Pollard Alan*. The Russian Intelligentsia: The Mind of Russia//California Slavic Studies. 3 (1964). P. 1–32.
- Pomeranz William E*. Justice from Underground: The History of the Underground Advokatura//Russian Review. 52 (July 1993). P. 321–340.
- Pososhkov I.T.* The Book of Poverty and Wealth. Edited and translated by A.P.Vlasto and L.R.Lewitter. London: Athlone, 1987.
- Pushkin Michael*. The Professions and the Intelligentsia in Nineteenth-Century Russia //University of Birmingham Historical Journal. 12 (1969–1970). P. 72–99.
- Pushkin Michael*. Raznochintsy in the University: Government Policy and Social Change in Nineteenth-Century Russia//International Review of Social History. 26 (1981). P. 25–65.
- Raeff Marc*. Siberia and the Reforms of 1822. Seattle: University of Washington Press, 1956.
- Raeff Marc*. Michael Speransky: Statesman of Imperial Russia, 1772–1839. The Hague: Martinus Nijhoff, 1957.
- Raeff Marc*. Origins of the Russian Intelligentsia: The Eighteenth-Century Nobility. New York: Harcourt, Brace and World, 1966.
- Raeff Marc*. The Well-Ordered Police-State: Social and Institutional Change through Law in the Germanies and Russia, 1600–1800. New Haven: Yale University Press, 1983.
- Raeff Marc*. Understanding Imperial Russia: State and Society in the Old Regime/ Translated by Arthur Goldhammer. New York: Columbia University Press, 1984.
- Ransel David L*. Mothers of Misery: Child Abandonment in Russia. Princeton: Princeton University Press, 1988.
- Riasanovsky Nicholas*. A Parting of Ways: Government and the Educated Public in Russia, 1801–1855. Oxford: Oxford University Press, 1976.
- Rieber Alfred J*. Merchants and Entrepreneurs in Imperial Russia. Chapel Hill: University of North California Press, 1982.
- Rieber Alfred J*. The Rise of Engineers in Russia//Cahiers du Monde russe et soviétique. 31 (1990). P. 539–568.
- Rockwell Joan*. Fact in Fiction: The Use of Literature in the Systematic Study of Society. London: Routledge, 1974.
- Rozman Gilbert*. Urban Networks in Russia, 1750–1800, and Premodern Periodization. Princeton: Princeton University Press, 1976.
- Ruckman Jo. Ann*. The Moscow Business Elite: A Social and Cultural Portrait of Two Generations, 1840–1905. DeKalb: Northern Illinois University Press, 1984.

- Sarup Madan*. An Introductory Guide to Poststructuralism and Postmodernism. 2e ed. Athens: University of Georgia Press, 1993.
- Schlieffman Nurit*. A Russian Daily Newspaper and Its Readership: *Severnaia Pchela* 1825–1840//*Cahiers du Monde russe et soviétique*. 28 (1987). P. 127–144.
- Schmidt Christoph*. Über die Bezeichnung der Stände (sostojanie-soslovie) in Russland seit dem 18. Jahrhundert//*Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 38 (1990). P. 199–211.
- Screen J.O.* The Helsinki Yunker School, 1846–1879: A Case Study of Office Training in the Russian Army//*Studia Historica*. 22. Helsinki, 1986.
- Sinel Allen*. The Classroom and the Chancellery: State Educational Reform in Russia under Count Dmitrii Tolstoi. Cambridge: Harvard University Press, 1973.
- Stanislawski Michael*. Tsar Nicholas I and the Jews: The Transformation of Jewish Society in Russia, 1825–1855. Philadelphia: Jewish Publication Society, 1983.
- Stites Richard*. Revolutionary Dreams: Utopian Vision and Experimental Life in the Russian Revolution. New York: Oxford University Press, 1989.
- Szefel Mark*. La Condition juridique des déclassés dans la Russie ancienne//*Archives d'histoire du droit oriental*. 2 (Brussels, 1938). P. 431–442.
- Torke Hans-Joachim*. Das russische Beamtentum in der ersten Hälfte des 19. Jahrhunderts//*Forschungen zur osteuropäischen Geschichte*. 13 (1967). P. 7–345.
- Torke Hans-Joachim*. Die Staatsbedingte Gesellschaft im Moskauer Reich: Zar und Zemlja in der altrussischen Herrschaftsverfassung, 1613–1789. Leiden: E.J. Brill, 1974.
- Tugan-Baranovsky Michael I.* The Russian Factory in the Nineteenth Century. Homewood, Ill: American Economic Association, by R.D. Irwin, 1970.
- Walker Mack*. German Home Towns: Community, State, and General Estate, 1648–1871. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 1971.
- Wcislo Francis William*. Reforming Rural Russia: State, Local Society, and National Politics, 1855–1914. Princeton: Princeton University Press, 1990.
- Weber Max*. From Max Weber: Essays on Sociology/Edited and Translated by H.H.Gerth and C.Wright Mills. New York: Oxford University Press, 1946.
- White Hayden*. Metahistory: The Historical Imagination in Nineteenth-Century Europe. Baltimore: John Hopkins University Press, 1973.
- White Hayden*. Tropics of Discourse: Essays in Cultural Criticism. Baltimore: John Hopkins University Press, 1978.
- Williams Raymond*. Culture and Society: 1780–1950. New York: Columbia University Press, 1958 and 1983.
- Wirtschaftler Elise Kimerling*. From Serf to Russian Soldier. Princeton: Princeton University Press, 1990.
- Wirtschaftler Elise Kimerling*. Problematics of Status definition in Imperial Russia: The *Raznočintsy*//*Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 40 (1992). P. 319–339.
- Wirtschaftler Elise Kimerling*. Social Misfits: Veterans and Soldiers' Families in Servile Russia//*The Journal of Military History* (forthcoming 1995).
- Wortman Richard S.* The Development of a Russian Legal Consciousness. Chicago: University of Chicago Press, 1976.
- Yaney George L.* The Systematization of Russian Government: Social Evolution in the Domestic Administration of Imperial Russia, 1711–1905. Urbana: University of Illinois Press, 1973.

- Абрамов Я.* Сословные нужды, желания и стремления в эпоху Екатерининской комиссии//Северный вестник. 1886. № 4. С. 145—180; № 6. С. 47—84; № 7. С. 69—99; № 8. С. 159—187; № 10. С. 131—166; № 12. С. 17—32.
- Абсолютизм в России (XVII—XVIII вв.): Сборник статей к семидесятилетию со дня рождения Б.Б.Кафенгауза. М., 1964.
- Словарь Академии российской: В 6 т./Академия наук СССР. СПб., 1806—1822.
- Словарь церковно-славянского и русского языка: В 4 т. СПб., 1847.
- Алексеев А.А.* О социальной дифференциации русского языка в 18 веке//Wiener slavistisches Jahrbuch. 31. 1985. P. 9—28.
- Андроссов В.* Статистическая записка о Москве. М., 1832.
- Анисимов Е.В.* Податная реформа Петра I. Л., 1982.
- Антонов В.С.* К вопросу о социальном составе и численности революционеров 70-х годов//Общественное движение в пореформенной России: Сборник/Под ред Л.М.Иванова. М., 1965.
- Архив Государственного совета: В 5 т. СПб., 1869—1904.
- Арсеньев К.И.* Историко-статистический очерк народной образованности в России до конца XVIII века//Ученые записки второго отделения императорской Академии наук 1. Отделение 2. СПб., 1854. С. 1—32.
- Белявский М.Т.* Однодворцы черноземья. М., 1984.
- Белинский В.Г.* Полное собрание сочинений: В 13 т. М., 1953—1959.
- Берков П.Н.* Русская комедия и комическая опера XVIII века. М., 1950.
- Булгакова Л.А.* Сословная политика в области образования во второй четверти XIX в.//Вопросы политической истории СССР. М., 1974. С. 104—124.
- Булгакова Л.А.* Интеллигенция в России во второй четверти XIX века: состав, правовое и материальное положение. Канд. дисс. Л., 1983.
- Бушен А.* Статистические таблицы Российской империи за 1858 год. СПб., 1863.
- Введенский П.М.* Методика анализа паспортной статистики России первой половины XIX в.//Источниковедение отечественной истории 1981. М., 1982. С. 167—177.
- Веселовский К.С.* Статистические исследования о недвижимых имуществах в Санктпетербурге//Отечественные записки 57. Отд. 2. 1848. № 3. С. 1—27.
- Вигель Ф.Ф.* Записки: В 2 т. М., 1928/Переиздано: Cambridge: Oriental Research Partners, 1974.
- Виноградов В.В.* Возникновение и развитие слова «сословие»//Этимология 1966. М., 1968. С. 133—137.
- Владимирский-Буданов М.* Государство и народное образование в России XVIII в. Ярославль, 1874. Т.1./Переиздано: Cambridge: Oriental Research Partners, 1972.
- Водарский Я.Е.* Население России в конце XVII—начале XVIII века: численность, сословно-классовый состав, размещение. М., 1877.
- Вопросы военной истории. М., 1965.
- Воронов М.А. и Макашин С.А.* Рассказы о старом Саратове. Саратов, 1937.
- Вульфсон Г.Н.* Понятие «разночинец» в XVIII—первой половине XIX века // Очерки истории народов Поволжья и Приуралья. Казань, 1967. Вып. 1. С. 107—124.
- Герман Иван.* О числе жителей в России//Статистический журнал СПб., 1806. Т.1. Ч.1—2. С. 11—32.

- Герман К.Ф. Статистические исследования относительно Российской империи//О народонаселении. СПб., 1819. Ч.1.
- Герцен А.И. Соч.: В 9 т. М., 1958. Т.8.
- Герцен А.И. Былое и думы: В 2 т. М., 1962.
- Сочинения Н.В.Гоголя: В 5 т. СПб., 1894.
- Голикова Н.Б. Очерки по истории городов России конца XVII—начала XVIII в. М., 1982.
- Голицын Н.Н. История социально-революционного движения в России, 1861—1881. СПб., 1887.
- Города феодальной России//Сборник статей памяти Н.В.Устюгова. М., 1966.
- Граф А.Х.Бенкендорф о России в 1827—1830 гг./Под ред. А. Сергеева//Красный архив. 6 (37). 1929. С. 138—174; 1 (38). 1930. С. 109—147.
- Даль В.И. Толковый словарь Великорусского языка: В 4 т. СПб., 1912.
- Деятели революционного движения в России: В 5 т. М., 1927—1934.
- Дело петрашевцев: В 3 т. М., 1937—1951.
- Дельвиг А.И. Полвека русской жизни: В 2 т. М., 1930.
- Десятилетие министерства народного просвещения 1833—1843. СПб., 1964.
- Добролюбов Н.А. Поли. собр. соч.: В 6 т. М., 1934—1941. Т. 6.
- Доклады Московской городской управы. М., 1866.
- Достоевский Ф.М. Дневник писателя за 1873 и 1976 годы. М., 1929.
- Егоров Б.Ф. Петрашевцы. Л., 1988.
- Елишев А.И. Внутреннее обозрение//Русское обозрение. Сентябрь 1896. С. 445—458.
- Ерошкин Н.П. Крепостническое самодержавие и его политические институты. М., 1981.
- Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М., 1978.
- Источники по истории русского общественного сознания периода феодализма. Новосибирск, 1986.
- Историческая география России XII—начала XX в. Москва, 1978.
- Кабузан В.М. Народонаселение России в XVIII — первой половине XIX в. /По материалам ревизии. М., 1963.
- Кабузан В.М. Изменения в размещении населения России в XVIII — первой половине XIX в. / По материалам ревизии. М., 1971.
- Кабузан В.М., Шенукова Н.М. Табель первой ревизии народонаселения России (1718—1727 гг.)//Исторический архив. Май—июнь 1959. № 3. С. 126—165.
- Капиш Е.И. Движение народонаселения в России с 1848 по 1852 г.//Сборник статистических сведений о России, издаваемый статистическим отделением русского географического общества. 1858. №3. С. 429—464.
- Каменский А. Под сенью Екатерины//Вторая половина XVIII века. СПб., 1992.
- Камеско Л.В. Изменения сословного состава учащихся средней и высшей школы России (30—80-е годы XIX в.)//Вопросы истории. 1970. №10. С. 203—207.
- Карпов В.Н. Воспоминания — Н.Н.Шипов, история моей жизни//Репринт. изд. М.—Л., 1933.
- Кеппен П.И. Девятая ревизия: Исследования о числе жителей в России в 1851 году. СПб., 1857.

- Кизеветтер А.А.* Посадская община России в XVIII ст. М., 1903.
- Кизеветтер А.А.* Исторические очерки. М., 1912.
- Ключевский В.О.* История сословий в России//Соч.: В 9 т. М., 1989. Т.6./ Переиздание.
- Копанев А.И.* Население Петербурга в первой половине XIX века. М.-Л., 1957.
- Кокорев А.В.* Хрестоматия по русской литературе XVIII века. М., 1965.
- Курмачева М.Д.* Крепостная интеллигенция России: Вторая половина XVIII—начало XIX века. М., 1983.
- Кузьмина В.Д.* Неизвестное произведение русской демократической сатиры XVIII в.//Известия АН СССР. Отделение литературы и языка 14. Выпуск 4 (июль—август 1955) С. 374—383.
- Лейкина-Свирская В.Р.* Формирование разночинной интеллигенции в России в 40-х годах XIX в.//История СССР, 1958. №1. С. 83—104.
- Лейкина-Свирская В.Р.* Интеллигенция в России во второй половине XIX века. М., 1971.
- Ленин В.И.* Полн. собр. соч.: В 55 т. М., 1958—1965.
- Луппов С.Л.* Книга в России в послепетровское время. Л., 1976.
- Мальшинский А.П.* Обзор социально-революционного движения в России. СПб., 1880.
- Мартьянов П.* Обеспечение нижних чинов по отставке//Военный сборник 47. 1866. № 1. С. 123—131.
- Материалы для географии и статистики России: Смоленская губерния. СПб., 1862.
- Мельник И.С.* Сибирь, ее современное состояние и ее нужды: Сборник статей. СПб., 1908.
- Михайловский Н.К.* Соч. Н.К. Михайловского. СПб., 1896. Т.2.
- Министерство финансов. Министерство финансов, 1802—1902. СПб., 1902.
- Министерство народного просвещения//Сборник материалов для истории просвещения в России: В 3т. СПб., 1893—1898.
- Министерство внутренних дел. Панорама Санкт-Петербурга. СПб., 1834. Кн.1—2.
- Министерство внутренних дел. Статистические сведения о Санкт-Петербурге. СПб., 1836.
- Министерство внутренних дел. Материалы для статистики Российской империи. СПб., 1839 и 1841.
- Министерство внутренних дел. Центральный статистический комитет. Статистические таблицы Российской империи. СПб., 1863. Вып. 2.
- Миронов Б.Н.* Русский город во второй половине XVIII—первой половине XIX века: типологический анализ//История СССР. 1988. №5 (сентябрь—октябрь). С. 150—168.
- Миронов Б.Н.* Русский город в 1740—1860-е годы. Л., 1990.
- Никитин В.Н.* Век прожить — не поле перейти (из рассказов отставного солдата)//Еврейская библиотека. 4. 1873. С. 164—213.
- Общество и государство феодальной России. М., 1975.
- Обзор деятельности министерства народного просвещения. Петроград, 1917. Т.1.
- Овсянко-Куликовский Д.Н.* История русской интеллигенции. СПб., 1909.

- Описание документов и дел, хранящихся в архиве Св.Синода: В 35 т. СПб., 1869—1916.
- Островский А.Н.* Полн. собр. соч. В 16 т. М., 1949—1953.
- Отчеты министерства юстиции за 1842—1859. СПб., 1843—1861.
- Очерки экономической истории России первой половины XIX века/Под ред. М.К. Рожковой. М., 1950.
- Петербург и губерния//Историко-этнографические исследования. Л., 1989.
- Пирумова Н.М.* Земская интеллигенция и ее роль в общественной борьбе. М., 1986.
- Писарев Д.И.* Литературная критика: В 3 т. Л., 1981. Т. 3.
- Плеханов Г.В.* Сочинения: В 24 т. М., 1923—1927.
- Плошинский Л.О.* Городское или среднее состояние русского народа, в его историческом развитии, от начала Руси до новейших времен. СПб., 1852.
- Повалишин А.Д.* Состояние Рязанской губернии в половине 19 столетия (1848—1873 гг.). Рязань, 1895.
- Полевой Николай.* Избранные произведения и письма. Л., 1986.
- Полевой Николай.* Мысли и жизнь. М., 1988.
- Полное собрание законов Российской империи. 1 сер.: 1649—1825. В 46 т. СПб., 1830; 2сер.: 1825—1881. В 55 т. СПб., 1830—1884; 3 сер.: 1881—1813. В 33 т. СПб., 1885—1916.
- Помяловский Н.Г.* Соч.: В 2 т. М.—Л., 1965. Т. 2.
- Посошков И.Т.* Книга о скудости и богатстве, и другие сочинения/Под ред. Б.Б.Кафенгауза. М., 1951.
- Приказы военного министра. Санкт-Петербург, 1809—1868.
- Проблемы исторической демографии СССР: Сборник статей/Под ред. Р.Н. Пуллат. Таллин, 1977.
- Пушкарев И.* Описание Санкт-Петербурга и уездных городов Санктпетербургской губернии. СПб., 1839—1841. Ч.1—3.
- Рабинович М.Г.* Очерки этнографии русского феодального города: Горожане, их общественный и домашний быт. М., 1978.
- Рахматуллин М.А.* Крестьянское движение в великорусских губерниях в 1826—1857 гг. М., 1990.
- Репин И.* Далекое близкое. М., 1986.
- Решетников Ф.М.* Из литературного наследия Ф.М.Решетникова//Литературный архив. Л., 1932. Вып. 1.
- Роцевская Л.П.* Революционеры-разночинцы в западносибирском изгнании. Л., 1983.
- Россов, капитан.* Исторический очерк призрения отставных военных чинов в прошлом веке и в начале нынешнего столетия//Военный сборник. 30. 1963. № 4 (апрель). С. 375—398.
- Рожанов Ф.С.* Записки по истории революционного движения в России. СПб., 1913.
- Рождественский С.В.* Исторический обзор деятельности министерства народного просвещения, 1802—1902. СПб., 1902.
- Рождественский С.В.* Материалы для истории учебных реформ в России в XVIII—XIX веках//Записки историко-филологического факультета императорского С.-Петербургского университета. СПб., 1910. Вып. 1. Ч. 96.

- Рождественский С.В.* С.-Петербургский университет в первое столетие его деятельности//Материалы по истории С.-Петербургского университета. СПб., 1919. Т.1: 1819–1835.
- Рубенштейн Н.Л.* Уложенная комиссия 1754–1766 гг. и ее проект нового уложения «О состоянии подданных вообще» (К истории социальной политики 50-х–начала 60-х годов XVIII в.)//Исторические записки. 38. 1951. С. 208–251.
- Русский город (исследования и материалы). М., 1976–1990. Вып. 1–9.
- Русское население Поморья и Сибири (период феодализма). М., 1973.
- Рындзюнский П.Г.* Городское гражданство дореформенной России. М., 1958.
- Саннинский Б.* Кто такие разночинцы?//Вопросы литературы. 1977. № 4. С. 232–240.
- Сборник. Ко дню семидесятилетия академика Б.Д.Грекова. М., 1952.
- Сборник императорского Российского исторического общества: В 148 т. СПб., 1867–1916.
- Сборник постановлений по министерству народного просвещения: В 2 т. СПб., 1875–1876.
- Сборник постановлений по Санктпетербургскому общественному управлению. СПб., 1860. Ч.1–2.
- Сборник распоряжений по министерству народного просвещения: В 2 т. СПб., 1866.
- Сборник сведений и материалов по ведомству министерства финансов. СПб., 1865.
- Сивков К.В.* Крепостные художники в селе Архангельском: Страница из истории крепостной интеллигенции начала XIX в.//Исторические записки. 6. 1940. С. 195–214.
- Сивков К.В.* О судьбе крепостных художников села Архангельского//Исторические записки. 38. 1951. С. 270–272.
- Сидорова И.Б.* Кто такие разночинцы? (Полемика в литературе)//Вопросы отечественной, зарубежной истории, литературоведения и языкознания. Казань, 1981. Ч.1. С. 24–33.
- Сидорова И.Б.* Отражение нужд разночинцев в городских наказах 1767 года // Вопросы отечественной, зарубежной истории, литературоведения и языкознания. Казань, 1981. Ч.1. С. 33–40.
- Сидорова И.Б.* Положение разночинцев в русском обществе (XVIII – первая половина XIX в.). Канд. дисс. Казань, 1982.
- Сладкевич И.Г.* О сословных проектах Комитета 6 декабря 1826//Исследования по отечественному источниковедению. М.–Л., 1964.
- Сметанин С.И.* Разложение сословий и формирование классовой структуры городского населения России в 1800–1861 гг.//Исторические записки. 102. 1978. С. 153–182.
- Снежневский В.И.* К истории побегов крепостных в последней четверти XVIII и в XIX столетиях//Нижегородский сборник. 10. Нижний Новгород, 1890.
- Саловков И.А.* Антология педагогической мысли России XVIII в. М., 1985.
- Сперанский М.М.* Проекты и записки. М.–Л., 1961.
- Списки населенных мест Саратовской губернии. Саратов, 1912.

- Свяченко. Хроника жизни солдатского сына Дмитрия Журбы//Современник. 110. 1865. № 9 (сентябрь). С. 33–113; № 10 (октябрь). С. 283–361.
- Свод военных постановлений: В 12 т. СПб., 1838.
- Свод законов Российской империи: В 15 т. 1, 2 и 3 ред. СПб., 1832, 1842 и 1957.
- Таблицы учебных заведений всех ведомств Российской империи с показанием отношения числа учащихся к числу жителей. СПб., 1838.
- Толстой Д.А. Городские училища в царствование Екатерины Великой. СПб., 1886.
- Троицкий И. Механик-самоучка Кулибин//Народное чтение. СПб., 1860. Кн. 6. С. 56–106.
- Троицкий С.М. Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в.: Формирование бюрократии. М., 1974.
- Трубников В.В. Результаты народных переписей в Ардатовском уезде Симбирской губернии//Сборник статистических сведений о России, издаваемый статистическим отделением императорского русского географического общества. СПб., 1858. Кн.3. С. 343–427.
- Тургенев И.С. Избранные произведения: В 9 т. Л., 1958. Т.2.
- Тургенев И.С. Собрание сочинений: В 10 т. М., 1961–1962.
- Указ Сената 29 ноября 1819//Журнал департамента народного просвещения. СПб., 1821. Ч.3. С. 234–235.
- Хазанова С.И. К вопросу об изучении интеллигенции в дореволюционной России//Революционно-освободительное движение в XIX–XX вв. в Поволжье и Приуралье/Под ред. Г.Н.Вульфсон. Казань, 1974. С. 37–54.
- Хроника социалистического движения в России/Под ред. Н.И. Шебека. 1878–1887/Официальный отчет. М., 1906.
- Чечулин Н.Д. Русское провинциальное общество во второй половине XVIII в. СПб., 1889.
- Чулков М.Д. Словарь юридический или свод российских узаконений, временных учреждений, суда и расправы: В 5 т. М., 1792–1796.
- Чулков М.Д. Пригожая повариха, или Похождение развратной женщины//Хрестоматия по русской литературе XVIII века/Под ред А.В.Кокорева. М., 1965.
- Шаганова О.М. Термины родства в ревизских сказках//Русская речь. 1979. № 2 (март–апрель). С. 89–94.
- Шепелев Л.Е. Отмененные историей – чины, звания и титулы в Российской империи. Л., 1977.
- Штакеншнейдер Е.А. Дневники и записки (1854–1886). М., 1934/Переиздано: Newtonville, Mass.: Oriental Research Partners, 1980.
- Штранге М.М. Демократическая интеллигенция России в XVIII веке. М., 1965.
- Щетинина Г.И. Интеллигенция в России во второй половине XIX века. Рецензия на кн. В.Р. Лейкиной-Свирской//История СССР. 1972. № 1 (январь–февраль). С. 180–182.
- Энский Федор. Отставные солдаты. СПб., 1873.
- Эрман Л.К. Интеллигенция в первой русской революции. М., 1966.
- Юхнева Н.В. Старый Петербург: историко-этнографические исследования. Л., 1982.

Список сокращений

AHR	American Historical Review
CASS	Canadian-American Slavic Studies
CMRS	Cahiers du Monde russe et soviétique
FOG	Forschungen zur osteuropäischen Geschichte
JGO	Jahrbücher für Geschichte Osteuropas
JMH	Journal of Modern History
RR	Russian Review
SEER	Slavonic and East European Review
SR	Slavic Review
ГАРФ	Государственный архив Российской Федерации
д.	дело
ДНГУАК	Действия Нижегородской губернской ученой архивной комиссии
ЖМВД	Журнал министерства внутренних дел
ЖРГУАК	Журнал Рязанской губернской ученой архивной комиссии
ИЗ	Исторические записки
КЛЭ	Краткая литературная энциклопедия
кн.	книга
л. (лл.)	лист (листы)
оп.	Опись
ПВМ	Приказы военного министра
ПСЗ	Полное собрание законов Российской империи
РГАДА	Российский государственный архив древних актов
РГВИА	Российский государственный военно-исторический архив
РГИА	Российский государственный исторический архив
РИ	Русский инвалид
РС	Русская старина
СЗ	Свод законов Российской империи
СИРИО	Сборник Императорского Российского исторического общества
ст.	статья
т.	том
ТВУАК	Труды Владимирской ученой архивной комиссии
ТПолУАК	Труды Полтавской ученой архивной комиссии
ТПУАК	Труды Пермской ученой архивной комиссии
ф.	фонд
ЦГАИГМ	Центральный государственный исторический архив города Москвы
ч.	часть
ЭС	Энциклопедический словарь. Ф.А.Брокгауз–И.А.Эфрон

Приложение

Сферы применения и основные значения категории разночинцев

Типология и хронология¹

I. Административно-правовая сфера

А. Чужаки или лица, не являющиеся членами данной категории или общины

1701: лица, которые не подчиняются церковному ведомству.

1718: низший класс не крестьян; низший класс городского населения, не приписанного к посаду (податной городской общине).

1720-е—1730-е: потомство церковников, вышедшее из церковного ведомства.

1746: не дворяне².

1880-е: не дворяне и не крестьяне, которые селились в сельской местности, купив небольшой участок земли, и участвовали в сельском сходе.

В. Широкая категория или группа особых категорий

1724: мелкие чиновники, государственные канцелярские служащие без чина и служители дворцовые и конюшенные, отставные солдаты².

1732: дети старших офицеров (позже дети личных дворян), дети богдельных нищих, однодворцы, разных служб служители.

1743: татары и ясачные люди.

1755: учащиеся казенных школ недворянского происхождения (образованные простолюдины)².

1767: иностранные купцы.

1826: гражданские служащие недворянского происхождения и дети личной знати.

1846: ученые, художники, артисты и другие без почетного гражданства, но имеющие сравнимые права, что и почетные граждане.

1858: лица, находящиеся в переходном положении и обязанные через известный срок приписаться к какому-либо сословию.

С. Потомственные социальные категории (1736)²

1755: податные сибирские казенные крестьяне.

1764: податные жители сибирских городов, занятые в торговле, ремесле или производстве.

1775: податные различного происхождения (включая беглых) под власть Астраханского городского магистрата.

1869: подгруппа разночинцев, называемая «просто-разночинцы».

Д. Церковная (до 1841)³

Дворяне, архиерейские дети, боярские и городовые дворяне, однодворцы, ямщики, россыльщики и слуги монастырские.

II. Общественная сфера

А. Чужаки и лица, не являющиеся членами данного сословия или общины

1724 (И.Т.Посошков, «Книга о скудости и богатстве»): лица, которые формально не принадлежат к купеческому сословию, но занимаются купеческим промыслом.

1767 (Наказы Уложенной комиссии): лица, не являющиеся купцами, членами посада, дворянами, а также служилые дворяне.

1912 (земская статистика): лица, которые купили или арендовали участок земли.

В. Лица недворянского происхождения

1. Уничжительное применение (социальные и культурные низы)

1767: Наказы Уложенной комиссии.

1830-х–1880-х годов: образованные простолюдины, беспринципные социальные карьеристы.

1834 (Полевой): художник, сын бедного провинциального чиновника и деклассированного дворянина.

1835 (Гоголь): чиновник недворянского происхождения.

1859 (Тургенев): образованный простолюдин и иностранец

2. «Нейтральное» описательное применение

1866 (Островский): образованные простолюдины, поднимающиеся по социальной лестнице.

С. Социальное окружение и верно мыслящие интеллектуалы

1846 (Белинский): один из элементов в социально смешанном обществе прогрессивных и просвещенных интеллектуалов.

1860-е (Герцен и Огарев): социально неоднородная и прогрессивная часть общества, которой предстоит возглавить демократическую борьбу.

1874 (Михайловский): радикальная демократическая интеллигенция недворянского происхождения.

1914 (Плеханов и Ленин): буржуазно-демократический элемент, который возглавлял революционное движение до пролетарского периода.

Д. Широкая категория или группа особых категорий

1767 (Наказы Уложенной комиссии): мелкие служащие Московского государства,

однодворцы (городские и сельские),

незнатные или нечиновные государственные служащие и отставные солдаты.

1862 (Помяловский): низшие городские слои.

¹ Здесь дан не полный перечень всех применений, изученных в этой книге; в перечне приводятся только самые ранние по времени и наиболее показательные примеры важнейших применений и значений.

² Применение XVIII в., сохранившееся и в XIX в.

³ См. гл. 3 по поводу названий подгрупп разночинцев, которые использовались в отдельных приходских ведомостях.